

ЯМАТО-МОНОГАТАРИ

大和物語

Эпосы, легенды и сказания Ямато-моногатари

*сд SDer4@Yandex.ru <http://publ.lib.ru/>
Ямато-моногатари: Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука»; Москва; 1982*

Аннотация

Один из выдающихся памятников средневековой японской литературы в жанре моногатари впервые полностью переведен на русский язык.

Статья Л. М. Ермаковой «Ямато-моногатари как литературный памятник» выкладывается отдельным файлом.

Содержание

1	10
2	12
3	15
4	19
5	21
6	23
7	25
8	26
9	29
10	31
11	32
12	34
13	35
14	37
15	39
16	40
17	42
18	44
19	45
20	47
21	49
22	51
23	53
24	55

25	57
26	59
27	60
28	62
29	64
30	66
31	68
32	69
33	71
34	72
35	73
36	74
37	75
38	76
39	78
40	80
41	81
42	83
43	85
44	87
45	89
46	91
47	93
48	94
49	95
50	97
51	98

52	100
53	101
54	102
55	103
56	104
57	106
58	108
59	112
60	113
61	114
62	116
63	118
64	119
65	121
66	125
67	126
68	127
69	129
70	131
71	134
72	136
73	137
74	138
75	139
76	140
77	141
78	143

79	144
80	145
81	146
82	148
83	149
84	151
85	152
86	153
87	155
88	157
89	159
90	165
91	166
92	169
93	172
94	174
95	177
96	179
97	180
98	181
99	183
100	185
101	186
102	188
103	189
104	195
105	197

106	201
107	208
108	209
109	211
110	212
111	213
112	215
113	216
114	220
115	222
116	224
117	225
118	226
119	227
120	230
121	233
122	235
123	237
124	238
125	240
126	243
127	245
128	246
129	247
130	248
131	249
132	250

133	252
134	254
135	255
136	257
137	258
138	260
139	262
140	265
141	268
142	272
143[372]	275
144	277
145	280
146	282
147[390]	285
148	295
149	302
150	305
151	308
152	310
153	312
154	314
155	317
156	320
157	322
158	324
159	326

160	328
161	331
162	333
163	334
164	335
165	336
166	338
167	340
168	341
169[465]	352
170	354
171	356
172	360
173	362

Ямато-моногатари

1

Когда император Тэйдзи¹ вознамерился сложить с себя сан, сиятельная Исэ-но го² на стене флигеля Кокидэн³ написала:

Вакарурэдо
Ахи мо осиману
Момосики-во
Мидзараму кото-но
Нани-ка канасики

Вот расстаемся с ними,
И не сожалеет никто

¹ Император Тэйдзи – имеется в виду император Уда (867—931). Имя Тэйдзи принял по названию резиденции, в которой жил после отречения. Отрекся от престола 3-го дня 7-го месяца 9-го года Кампё (897 г.) в возрасте 31 года.

² Исэ-но го – подлинное ее имя неизвестно. Дочь губернатора провинции Ямато, Фудзивара Цугикагэ. Служила фрейлиной при дворе императрицы Ацуко, супруги Уда. Была фавориткой императора Уда и стала его супругой второго ранга. (Согласно кодексу Тайхорё, император имел несколько жен и в случае его отречения жены и фаворитки также удалялись от двора.)

³ Кокидэн – одно из помещений внутри императорского дворца, резиденция матери императора, его супруги и дочерей.

Из этих придворных ста рангов.
Но что не увижу их больше —
Все же как-то печально.

Такова была надпись, и император, увидев ее, рядом начертать соизволил:

Ми хитоцу-ни
Арану бакари-во
Восинабэтэ
Юкикаэритэ мо
Надо ка мидзараму

Ведь не только же мне
Быть государем.
Государи будут сменять друг друга.
И если потом ты вернешься сюда,
Почему ж тогда «не увидеть более»?⁴

так он сложил.

⁴ Эти две танка в том же виде приводятся в антологиях *Госэнсю* (951 г.), *Исэсю* (IX в.), *Кампёгосю* (IX в.). В антологии *Кокинрокутё* (IX—X вв.) и в исторической повести *Окагами* (XII в.) первая танка приписана императору, вторая – фрейлине Исэ.

2

Император, сложив с себя сан, осенью следующего года⁵ соизволил принять постриг и по разным местам странствовал в горах⁶, совершал служения Будде. Человек по имени Татибана-но Ёситоси, чиновник третьего ранга наместничества Бидзэн, во времена, когда император еще занимал престол, служил ему во дворце, когда же император принял постриг, то и он сразу же постригся. Никого не оповестив, покидал государь дворец – Ёситоси без промедления присоединился к нему. «Негоже, чтобы император вот так дворец покидал», – сказал он, и из дворца⁷ был отдан приказ: «Сёсё, тюдзё⁸, другие чины, послужите ему». Послали свиту им вслед, но государь отправился в путь, избегая встречи с посланными. Пришли они в страну Идзу-

⁵ **Следующий год** – на самом деле постриг был принят через два года, в октябре 2-го года Сётай (899 г.).

⁶ Осенью 900 г. (3-й год Сётай) экс-император побывал в горах Такано, Канэминэ.

⁷ **Из дворца** – имеется в виду наследовавший Тэйдзи император Дайго (898—980).

⁸ Сёсё, тюдзё – придворные чины правого и левого конюшенных приказов, несущие караулы во дворце и в качестве личной охраны сопровождающие императора во время выездов. По данным хроники императора Дайго за октябрь 7-го года Энги, с императором были посланы Аривара-но Томоюки и Фудзивара-но Накахира.

ми, и, когда оказались в месте под названием Хинэ⁹,
ночь спустилась. Подумав, что государю сейчас долж-
но быть очень одиноко и тягостно, Ёситоси сильно опе-
чалился. И вот, когда император соизволил сказать:
«Воспойте Хинэ в стихах», Ёситоси-дайтоку¹⁰:

Фурусато-но
Табинэ-но юмэ-ни
Миэцуру ва
Урами я сураму
Мата то тованэба

Прилег в пути отдохнуть,
И во сне родные мои
Мне привиделись.
Это, верно, они упрекают меня,
Что я не навещаю их более¹¹ —

так сложил, и все заплакали, никто уже не мог стихи
слагать. А Ёситоси до конца служил императору под

⁹ Хинэ – местность в провинции Сэтцу (ныне префектура Осака).

¹⁰ Дайтоку – первоначально относилось лишь к высшим чинам буддий-
ского духовенства, затем стало употребляться по отношению к буддий-
ским священнослужителям различных рангов.

¹¹ Танка помещена в антологии *Синкокинвакасю* (XII в.), 10, а
также частично в *Окагами*, в разделе «Император Уда», где вместе с
повествованием об этом приводятся вторая и третья строки танка. Танка
содержит ономимическую метафору – *какэкотоба*: в выражении *табинэ*
– «сон во время путешествия» содержится топоним Хинэ.

именем Канрэн-дайтоку.

3

Во времена, когда покойный дайнагон Минамото¹² был в чине сайсё¹³, Кёгоку-но мясудокоро¹⁴, намереваясь чествовать¹⁵ императора-монаха Тэйдзи, повелела: «Вот что я задумала сделать. Приготовьте в одну ветку¹⁶ подношения». [Дайнагону] множество «бо-

¹² Минамото Киёкагэ (884—950) – по некоторым данным, сын императора Ёдзэй.

¹³ Сайсё – канцлер. Абэ Тосико и Имаи Гэнъэ, комментаторы *Ямато-моногатари* издания серии *Нихон котэн бунгаку тайкэй*, считают слово *сайсё* китайским вариантом слова *санги* – «государственный советник». Такэда Юкити полагает, что это скорее перевод на китайский слова *дайджин* – «министр», а не *санги*, так как санги не входит в систему чинов. В чине сайсё Минамото находился с 925 по 939 г.

¹⁴ Кёгоку-но мясудокоро (или мясундокоро) – букв. «правительница императорской опочивальни». Супруга императора Уда, Хомэко, дочь левого министра Фудзивара Тосихира. Впоследствии «мясудокоро» стало официальным наименованием фрейлин, прислуживающих в опочивальне.

¹⁵ Чествовать императора – речь идет о чествовании по случаю шестидесятилетия императора-монаха Тэйдзи.

¹⁶ **В одну ветку** – комментаторы *Ямато-моногатари* издания «Коку-бундзосё» объясняют это выражение обычаем дарить подарки, прикрепленные к веткам сосны, вишни, сливы и т. д. По мнению Абэ Тосико и Имаи Гэнъэ, такая фразеология образовалась потому, что корзины, куда складывались подношения, обычно плели из веток сливы или ивы. (Вариант отрывка в другом списке – «в одну, в две ветки...».)

родатых корзин»¹⁷ сделать повелела, а Тосико¹⁸ – раскрасить их в разные цвета. [Ей же] приказала ткани на подстилки для корзин в разные цвета покрасить, плетениями заняться, все заботы ей поручила. Все это к последним числам девятой луны было срочно подготовлено и закончено. И вот в первый день десятой луны в дом [дайнагона], где спешные приготовления шли, было послано:

Тидзи-но иро ни
Исогиси аки ва
Курэ ни кэри
Има ва сигурэ-ни
Нани-во сомэмаси

Во множество цветов
Хлопотливо [все красившая] осень
Кончилась.
А теперь холодный, мелкий дождь
Что будет красить?¹⁹

Когда спешные эти подношения готовились, и он и

¹⁷ **Бородатые корзины...** – Концы прутьев, из которых сплетены корзины, не были обрезаны и торчали наподобие колючей бороды.

¹⁸ Тосико – придворная дама, дочь правителя провинции Бидзэн, Фудзивара Тиканэ.

¹⁹ Танка приводится в антологии *Кокинрокутё*, 1 (раздел «Осенний дождь»), с пометой: «Автор неизвестен».

она беспрестайно обменивались посланиями, а после того, то ли потому, что этой заботы уже не было, он никак не давал о себе знать, и вот в конце двенадцатой луны Тосико:

Катакакэ-но
Фунэ-ни я норэру
Сиранами-но
Савагу токи номи
Омохи идзуру кими

На однопарусном
Корабле плывешь
И, лишь когда шумят,
Белые волны,
Обо мне вспоминаешь – таков ты²⁰.

И ему послала, но ответа на ее послание не было, и уж Новый год позади. Вот во вторую луну, отломив ветку от ивы, что росла возле его дома, такую длинную, что все остальные превосходила, он:

²⁰ Танка содержит аллегорию: корабли с одним парусом были невелики и во время волнений на море пришвартовывались к ближайшему берегу, пережидая бурю. Тосико намекает, что лишь в дни забот оказывается нужной адресату. С другой стороны, *катакакэ-но фунэ* («однопарусный корабль») в качестве дзё (поэтический прием, в работах А. Е. Глускиной называемый образным параллелизмом) обуславливает появление в стихе слов *сиранами* – «белые волны» и *савагу* – «шуметь».

Авояги-но
Ито утихахэтэ
Нодоканару
Харухи симокосо
Омохи идэкэрэ

Когда зеленая ива
Длинные ветви-нити распускает,
В тихие
Весенние дни особенно
О тебе вспоминаю²¹ —

так написал [и с этой веткой послал Тосико]. Та была безмерно очарована этими стихами и долго потом о них рассказывала.

²¹ Танка содержит прием омонимической метафоры (*какэкотаба*), обыгрывая омонимы *ито* — «нить» и «очень», «весьма». Автор стихотворения выражает мысль, что помнит о Тосико не только в тревожное время, но и в благополучные дни.

Отставной дайни²² во времена мятежа Сумитомо²³ был послан для его усмирения, и вот он отправился в путь, будучи в чине сёсё. А он также нес службы и при дворе, и как раз был год, когда ему должны были присвоить четвёртый придворный ранг, и потому он горел нетерпением узнать, будет ли ему новогоднее повышение в чине. Приезжие из столицы там случались редко. Некоторых он расспрашивал, и отвечали ему: «Присвоили вам новый ранг», другие же говорили: «Ничего подобного». Все думал он, как бы разузнать поточнее, и вот с почтой из столицы приходит письмо от наместника Оми – Кимутада-но кими²⁴. С нетерпением и радостью вскрыл он послание, смотрит, а там речь идет о множестве разных разностей, и лишь в той стороне,

²² Речь идет о Ёсифуру (884—967), сыне Кацуита, внуке Такамура. В начале 3-го года Тэнкё (940 г.) он был послан на запад для усмирения мятежа, поднятого Фудзивара Сумитомо. В чине дайни, т. е. заместителя губернатора Дасайфу, военного округа на Кюсю, состоял с 945 по 950 г. Четвертый ранг получил в 5-м месяце 4-го года Тэнкё (941 г.).

²³ Сумитомо – Фудзивара Сумитомо (?—941). Во 2-м году Тэнкё (939 г.) на о-ве Хифурисима, в провинции Иё, поднял мятеж, который был подавлен в 941 г.

²⁴ Кимутада – Минамото Кимутада (889—948), сын Минамото Кунинори. Был известен как знаток изящных искусств, один из Тридцати Шести Бессмертных поэтов средневековья.

где пишется дата и тому подобное, начертано такое:

Тамакусигэ
Футатосэ авану
Кими-га ми-во
Акэнагара я ва
Аран-то омохиси

Драгоценная шкатулка для гребней,
Крышка и низ не встречаются
В тебе.
Ты все еще открыта?
А я думал, что уже нет²⁵.

Увидел он это, безгранично опечалился и заплакал. Что не дали ему четвертого ранга, в самом письме ни слова не было, только то и было, что в танка.

²⁵ Танка содержит омонимы: *ми* (в виде *кими-га ми*) – не только «корпус» (шкатулки), но и «ты», *фута* – «крышка», *сэ* – «низ» (шкатулки), но *футатосэ* – «два года», *акэ* – форма глагола «открывать» и «алый». Алый же – цвет одежд чиновников пятого ранга, которые адресату придется носить по-прежнему без надежды сменить его на цвет одежд чиновников четвертого ранга. Таким образом, иной смысл четырех последних строк стихотворения: «Два года мы не встречались с тобой. / Все еще цвет твой алый?! А я думал, что уже нет». Слова *фута*, *сэ*, *ми*, *акэ* связаны со словом *тамакусигэ* («драгоценная шкатулка») по типу связи *энго* («связанные ассоциациями слова»). Танка приводится в сборнике стихов Кимутада – *Кимутадасю*, а также в антологии *Госэнсю*, 15, где повествуется, что Ёсифуру выразил Кимутада, недовольство в связи с тем, что его обходят повышением, и тогда Кимутада послал ему эту танка. Приводится также ответ Ёсифуру, отсутствующий здесь.

5

Когда Сэмбо-но кими²⁶ скончался, Тайфу²⁷ безмерному горю предалась, и императрица²⁸, поскольку наступил день возведения ее в этот сан, считая слезы дурной приметой, сокрыла Тайфу от людских глаз.

И тогда Тайфу сложила:

Вабинурэба
Има ва то моно-во
Омохэдомо
Кокоро-ни нину ва
Намида нарикэри

Оплакиваю его,
Хоть знаю – теперь
Уже поздно сожалеть.
Но, неподвластные сердцу,

²⁶ Сэмбо-но кими – сын императора Дайго, принц Ясуаки (903—923), бывший наследный принц. Скончался в 21-й день 3-й луны.

²⁷ Тайфу – дочь придворного Минамото Тасуку. Служила у императрицы Сидзуко, матери Сэмбо-но кими, была его кормилицей. Пользовалась известностью как поэтесса.

²⁸ **Императрица** – речь идет об императрице Сидзуко (885—954), дочери Фудзивара Мотоцунэ, супруге императора Дайго. Была возведена в сан в 1-й день 4-й луны 1-го года Энтё (923 г.).

Льются слезы²⁹.

²⁹ Это повествование и танка приводятся в *Окагами*, в разделе «Император Мураками», а также в антологии *Синтёкусэнсю*, 14, с небольшими изменениями.

6

Асатада-но тюдзё³⁰ тайно навещал одну даму, бывшую женой другого человека. Дама тоже помышляла о тюдзё с любовью, и так продолжались их встречи, как вдруг мужа дамы назначили наместником одной провинции, и им надобно было уезжать из столицы. Тогда и тюдзё и она очень печалились. И вот он сложил и послал:

Тагухэяру
Вага тамасихи-во
Ика-ни ситэ
Хаканаки сора-ни
Мотэ ханарураму

Тебе в спутники назначенную
Душу мою
Зачем
В тревожном небе
Ты оставляешь?³¹

³⁰ Асатада-но тюдзё – Фудзивара Асатада (910—966), сын правого министра Садаката. Был искусен в игре на флейте и тростниковой дудочке (сё), один из «Тридцати Шести Бессмертных». В чине тюдзё состоял с 951 по 952 г. Существует поэтический сборник дома Асатада – *Асатадасю*.

³¹ Танка приводится в *Асатадасю*, кроме того, помещена она в антологию *Синсэйсайсю* с авторством Фудзивара Корэтада и с заменой

Так он сложил и послал в день, когда она уезжала.

7

Придворный кавалер и дама любили друг друга, и так годы шли. Но вот из-за ничтожной мелочи они расстались; не то чтобы наскучили они друг другу, но как-то любовь их прервалась. Кавалер тоже³² печалился. И так сложил:

Афу кото ва
Има ва кагири-то
Омохэдомо
Намида ва таэну
Моно-ни дзо арикэру

Встретиться с тобой
Уж больше не придется,
Но, хоть понимаю это,
Слезы не переставая
Льются³³.

Дама тогда очень опечалилась.

³² Кавалер тоже... – то, что печалится дама, видимо, само собой разумеется.

³³ Танка приводится в *Синтёкусэнсю* с пометой: «Автор неизвестен».

8

Дом Гэму-но мёбу³⁴ часто навещал принц Накацукаса-но мия³⁵, и вот как-то он известил ее: «Путь сегодня прегражден³⁶, поэтому вечером не приду», и она в ответ:

Афу кото-но
Ката ва саноми дзо
Фуагараму
Хитоё мэгури-но
Кими-то нарэрэба

Встречам нашим
Из-за «преграды в пути»
Преграда положена.
О, если бы стал ты тем [богом],
Что бродит всю ночь —

так ему написала, и, хотя путь был прегражден, он отправился к ней и провел ночь. Потом он опять долгое время не давал о себе знать, а затем написал: «Было

³⁴ Гэму-но мёбу – личность ее не установлена. Мёбу – фрейлина.

³⁵ Накацукаса-но мия – сын императора Дайго, принц Канэаки (907—966).

³⁶ **Путь сегодня прегражден** – т.е. гадание показало, что день неблагоприятен для выходов из дома.

я на охоте в окрестностях дворца Сага³⁷, поэтому не подавал никаких вестей о себе. А вы, наверно, решили, что я ненадежен?» И она ответила:

Охосава-но
Икэ-но мидзукуки
Таэну томо
Нани ка укараму
Сага но цураса ва

Хоть в Осава³⁸
Пруду водоросли
И пропали,
Зачем же я еще ропщу?
О, горечь Сага!³⁹

Ответ принца уступает по достоинствам этому по-

³⁷ Дворец Сага – дальняя резиденция императора Сага в провинции Ямасиро.

³⁸ Пруд Осава – пруд в окрестностях Сага.

³⁹ В танка обыгрываются омонимы: Сага – топоним и «чувство». В танка введен топоним Осава – название пруда в Сага. Этот топоним обуславливает появление в дальнейшем слова *мидзу* – «вода», однако использовано не это слово, а его омофон, входящий в архаическое слово *мидзукуки* – «послание», «письмо», а также «водоросли». То есть начало стихотворения может быть переведено так: «С Осава-/Пруда послания прекратились...» Сага означает еще и «чувство». Обе танка этого дана приводятся в собрании принца Мотоёси (*Мотоёсимикогосю*) как стихи Гэму-но мёбу, адресованные принцу. В *Ямато-моногатари* этот принц именуется «покойный хёбугё-но мия». Здесь, видимо, ошибка автора.

сланию. И забыли его люди.

9

Когда скончался Момодзоно-но хёбугё-но мия⁴⁰, погребальная церемония была назначена на последние дни девятой луны. И Тосико послала Госпоже из Северных покоев⁴¹:

Охоката-но
Аки-но хатэ да ни
Канасики-ни
Кэфу ва икадэ ка
Кими курасураму

Ведь всегда
Конец осени
Так печален.
Как же сегодня, теперь
Переживешь ты это время?⁴²

Та бесконечно опечалилась, заплакала и ответила так:

⁴⁰ Момодзоно-но хёбугё-но мия – принц Кацуаки (?—927). Погребальная церемония состоялась 24-го дня 9-й луны.

⁴¹ Госпожа из Северных покоев (Кита-но ката) – супруга принца, дочь Тосихира.

⁴² Танка содержит омонимы: *хатэ* – «конец» (осени) и название церемонии отпевания усопшего. Встречается в *Сёкугосэнсю*, 18.

Араба косо
Хадзимэ мо хатэ мо
Омохоэмэ
Кэфу-ни мо авадэ
Кизниси моно-во

Если бы он был жив,
Начало и конец [осени]
Различила бы я.
Но, не дождавшись нынешнего дня,
Угас он! —

таков был ее ответ.

10

Гэму-но мёбу⁴³ продала кому-то свой дом, что стоял у плотины⁴⁴, и вот как-то по пути в местность Авата⁴⁵ проходила мимо этого дома и сложила:

Фурусато-во
Кава то мицуцу мо
Ватару кана
Фути сэ ари то ва
Мубэ мо ихикэри

Родные места —
Вот они, глядя на них,
Прохожу мимо.
И пучина может стать мелководьем —
Так часто говорится⁴⁶.

⁴³ Гэму-но мёбу – см. коммент. 34.

⁴⁴ У плотины – плотина на реке Канагава.

⁴⁵ Авата – ворота Авадагути в левой части Киото.

⁴⁶ Танка содержит омонимы: *кава* – «река» и *ка ва* – «он». Неверность возлюбленного часто сравнивалась с мелководьем (мелкая река – мелкие чувства), «стремнина» и «мелководье» могут обозначать соответственно глубокую и непрочную любовь.

Ныне покойный вельможа Минамото-дайнагон долгие годы жил в любви с Госпожой из Восточных покоев, дочерью Тадафуса⁴⁷. Но вот увлекся он юной принцессой Тэйдзиин⁴⁸, отдалился от прежней дамы, и так прошло время. Были у них с Госпожой из Восточных покоев дети, поэтому беседовать они не перестали и жили в одном месте.

И вот он послал ей:

Сумиёси-но
 Мацу наранаку-ни
 Хисасику мо
 Кими то нэну ё но
 Нарини кэру кана

Не сосны мы с тобой,
 Что растут в Сумиёси,
 Но как же долго
 Те ночи, что с тобою мы врозь,

⁴⁷ Фудзивара Тадафуса (?—928), один из «Тридцати Шести Бессмертных», знаток музыки, сочинял мелодии к песням *саибара*.

⁴⁸ Хронологически повествованию скорее соответствует дочь императора Дайго – Акико (918—980). Она была моложе Минамото Киёкагэ на 34 года.

Уже тянутся⁴⁹.

Так он послал ей, и она ответила:

Хисасику ва
Омохоэнэдомо
Суми-но э-но
Мацу я футатаби
Охикахарураму

Что слишком долго —
Не показалось мне,
Но в бухте Суминоэ
Сосны заново,
Верно, успели вырасти⁵⁰ —

таков был ее ответ.

⁴⁹ Две сосны, растущие рядом в Сумиёси (бухта Суминоэ), считаются символом долголетней супружеской верности. Танка помещена в *Сюисю*, 12.

⁵⁰ Автор стиха хочет выразить мысль: за это время твоим сердцем, видно, всецело завладела другая.

12

Когда этот вельможа завязал отношения с принцессой, сам государь соизволил быть у них посредником. В первое время, когда кавалер тайно навещал ее каждую ночь, он как-то, вернувшись от нее домой, так сложил:

Аку то ихэба
Сидзугокоронаки
Хару-но ё-но
Юмэ то я кими-во
Еру номи ва мин

Когда говорят мне, что рассветает, [кажется мне],
Что ты сон
Беспокойного сердца
В весеннюю ночь.
Ведь только ночью я вижу тебя⁵¹.

⁵¹ Танка помещена в *Синкокинсю*, 13, приписывается дайнагону Киёкагэ.

13

Кавалер по имени Фудзивара-но Тиканэ⁵², чиновник третьего ранга правого конюшенного приказа, был женат на даме по имени Тосико. У них было много детей, и жили они долгое время в любви, как вдруг Тосико скончалась. Кавалер безгранично предавался горю. Была одна фрейлина, Итидзё-но кими⁵³, которая дружила с Тосико. Но тут что-то совсем она перестала появляться в доме. «Странно это», – думал кавалер и вот как-то, увидев девушку – рассыльную этой фрейлины, что не приходила, так сложил:

Омохики я
Сугиниси хито-но
Канасики-ни
Кими саэ цураку
Нараму моно то ва

«Думал ли я,
Грустя
Об ушедшей жене,
Что ты бесчувственной

⁵² Фудзивара-но Тиканэ – сын Тадафуса, был искусен в музыке.

⁵³ Итидзё-но кими (?—913) – дочь принца Садахира, пятого сына императора Сэйва (850—889). Ее стихи помещены также в антологиях *Госэнсю* и *Сюисю*.

Будешь?

отвечай!» – так он сказал, и ответом было:

Наки хито-во
Кими га никаку ни
Какэдзи то тэ
Накунаку синобу
Ходо наурамисо

Я старалась,
Чтоб ты не услышал
О той, кого не стало,
Плакала тайно.
Так не укоряй же меня⁵⁴.

⁵⁴ Поэтесса намекает, что не хотела лишний раз напоминать кавалеру о его утрате.

Детское имя младшей сестры Кита-но ката, госпожи из Северных покоев, супруги нынешнего господина⁵⁵, было Офунэ. Была она возлюбленной экс-императора Ёдзэй⁵⁶. Однажды долго он к ней не приходил, и она послала ему:

Аратама-но
Тоси ва хэнэдомо
Сарусава-но
Икэ-но тамамо ва
Мицубэкарикэри

С яшмой схожие
Годы еще и не прошли,
Но в Сарусава-
Пруду водоросли
Стали видны тебе⁵⁷.

⁵⁵ Нынешний господин – Фудзивара Токихира (871—909), бывший в чине левого министра. Его супруга – дочь Аривара Мунэяна. Сначала была женой дайнагона Фудзивара Куницунэ, затем, по преданию, ее похитил обманом его племянник Токихира.

⁵⁶ Император Ёдзэй-ин (877—884) – один из авторов антологии *Госэнсю* (*ин* – суффикс, обозначающий экс-императора, принявшего постриг).

⁵⁷ Содержание танка связано с преданием о девушке, утопившейся в пруду Сарусава, когда ее покинул возлюбленный (см. 150-й дан). Поэтесса сравнивает себя с этой девушкой. «... годы хоть и не прошли,

но водоросли... стали видны» – считалось, что водоросли растут только в старых прудах, при этом водоросли – метафора волос утопившейся девушки. Офунэ хочет сказать, что и она, подобно той деве из легенды, собирается утонуть.

15

А еще было так: во дворец Цуридоно он⁵⁸ призвал фрейлину по имени Вакаса-но го, а потом больше не звал ее к себе, и она, сложив послание, ему отправила:

Кадзу нарану
Ми-ни оку ёхи-но
Сиратама ва
Хикаримиедзасу
Моно-ни дзо арикэру

На мое ничтожное
Тело выпавшая вечерняя
Роса, с белой яшмой схожая,
И та, сверкнув, гаснет,
Таков мой удел⁵⁹ —

так сложив, ему отправила, и он, прочитав, соизволил сказать: «Какое удивительно искусное стихотворение!»

⁵⁸ Он – имеется в виду император Ёдзэй, отрекшийся от престола (см. коммент. 56).

⁵⁹ Стихотворение помещено в *Госэнсю*, 16, где его авторство приписано фрейлине Мусаси. Есть толкование, что Мусаси и Вакаса-но го – одно лицо, но эта гипотеза нуждается в дополнительных аргументах.

16

Сукэ-но го⁶⁰, фрейлина императора-монаха Ёдзэй, отправила в дом сёсё⁶¹, ее приемного отца:

Хару-но но ва
Харукэнагара мо
Васурэгуса
Офуру ва миюру
Моно-ни дзо арикэри

Весенних полей
Беспредельна ширь.
Но «забудь-трава»,
Что на них растёт,
Мне все же видна.

Сёсё ответил:

Хару-но но-ни
Охидзи то дзо омофу
Васурэгуса
Цураки кокоро-но

⁶⁰ Сукэ-но го – личность ее не установлена, так же как имя ее приемного отца.

⁶¹ Сёсё – придворный чин ниже тюдзё, входивший в состав правого и левого конюшенных приказов.

Танэ си накэрэба

В весенних полях,
Думаю, и вовсе не растет
«Забудь-трава».
Ведь нету в сердце
И семян равнодушия⁶².

⁶² Фрейлина укоряет сёсё за то, что тот позабыл ее. «Забудь-трава» – растение, которое, по старинному народному поверью, обладает силой изгонять из сердца память о любимой.

В доме Идэха-но го⁶³, фрейлины покойного Сикибугё-но мия⁶⁴, навещал ее приемный отец, сёсё. Но вот отношения⁶⁵ их прервались, и вскоре после того, как расстались они, дама послала сёсё письмо, прикрепив его к метелке мисканта сусуки. На это сёсё:

Акикадзэ-но
 Набику обана ва
 Мукаси ёри
 Тамото-ни нитэ дзо
 Кохисикарикэри

Под осенним ветром
 Склоняющийся мискант обана⁶⁶,
 Как издавна говорят,
 С рукавом возлюбленной схож.
 [Смотри на него] – и полон любви к тебе.

⁶³ Идэха-но го – личность ее не установлена.

⁶⁴ Сикибугё-но мия – принц Ацуёси (887—930), четвертый сын императора Уда, имел привлекательную наружность. Был сведущ в музыке, отличался изысканным вкусом.

⁶⁵ В те времена любовные отношения между отчимом и падчерицей не считались предосудительными.

⁶⁶ Обана – китайский мискант.

Идэха-но го отвечала:

Тамото-то мо
Синобадзарамаси
Аки кадзэ-ни
Набику обана-но
Одорокасадзу ва

О рукаве
Ты, верно, не вспомнил бы,
Если б под осенним ветром
Склоняющемся мисканту обана
Не удивился.

Сикибугё-но мяя, ныне покойный, порвал с фрейлиной Нидзё-но мяясудокоро⁶⁷, и вот в седьмой день первой луны следующего года послала она ему молодые побеги⁶⁸:

Фурусато-то
 Арэниси ядо-но
 Куса-но ха мо
 Кими-га тамэ то дзо
 Мадзу ва цумицуру

У заброшенного моего жилища,
 Что родным домом ты звал,
 Побеги травы
 Для тебя
 Я прежде всего собрала.

⁶⁷ Личность ее окончательно не установлена. По одним данным, имеется в виду Сандзё-но мяясудокоро, фаворитка императора Дайго, дочь удайдзина Фудзивара Садаката по имени Ёсико, ибо указанное лицо, т.е. супруга императора Сэйва, Фудзивара Такако, не может быть героиней повествования ввиду хронологических несоответствий.

⁶⁸ Молодые побеги – по обычаю, в 7-й день 1-й луны собирают побеги семи трав и варят из них похлебку, долженствующую оберегать от болезней и злых духов того, кто ее отведаёт.

19

Ту же даму однажды как-то долго принц не посещал,
и вот наступила осень, и дама:

Ё-ни фурэдо
Кохи-но сэну ми-но
Юфу сарэба
Судзуро-ни моно-но
Канасики я на дзо

Хоть и живу в этом мире,
Но никто не дарит меня любовью,
Отчего же, когда наступает вечер,
Невольно
Печалюсь я?

так сложила, и ей в ответ:

Юфугурэни
Моноооофу кото ва
Каминадзуки
Вага мо сигурэ-ни
Оторадзарикэри

В пору вечернего заката
Я полон тоски по тебе,
И десятой луны

Мелкий, холодный дождь

Не так сильно льется, как слезы мои —

так он сложил. Не сильна была его привязанность к
даме, и стихотворение он сложил дурное.

20

Принцесса Кацура-но мико⁶⁹ всей душой полюбила Сикибугё-но мия, ныне покойного, и навещала его. Как-то она перестала бывать у него и однажды ночью, когда луна была особенно прекрасна, соизволила послать ему письмо:

Хисаката-но
Соранару цуки-но
Ми нарисэба
Юку то мо мизэдэ
Кими ва митэмаси

В извечном
Небе луною
Если б была я,
Невидимая, приходила б
К тебе на свиданье⁷⁰ —

⁶⁹ Кацура-но мико (?—954) – молочная дочь супруги императора Уда.

⁷⁰ Танка содержит игру слов: Кацура – женское прозвище и «лавр» – дерево, по преданию растущее на луне. Иногда это слово употребляется как метафорическое обозначение луны. Комментаторы отмечают, что, поскольку в то время обычно мужчина посещал женщину, а не наоборот, возможно, что первоначально в тексте было: «Сикибугё-но мия всей душой полюбил принцессу Кацура-но мико...».

таково было ее послание.

21

Когда Рё-сесё⁷¹ был в чине хёэ-но сукэ, он часто бывал у Гэму-но мёбу. Однажды из ее дома пришло послание:

Касихаги-но
Мори-но ситакуса
Воину то мо
Ми-во итадзура-ни
Насадзу мо аранаму

В дубовой
Роще трава
Хоть и вырастет,
Все же пусть для тебя я пустой забавой
Не стану⁷².

Ответ на него таков:

⁷¹ Рё-сёсё – Ёсиминэ Норимаса (915—957). В чине сёсё был с 936 по 945 г.

⁷² В данной танка под травой подразумевается отправительница послания, под дубом – кавалер, тем более что *касиваки* («дуб») было в то время метафорическим обозначением придворных служб – приказов эмонфу и хёэфу, к последнему из которых был приписан Рё-сёсё. Танка содержит омонимы: *ои* – «расти» и «стариться», отсюда – второй смысл: «Хоть я состарюсь, мною ты не пренебрегай».

Касихаги-но
Мори-но ситакуса
Вои-но ёни
Какару омохи ва
Арадзи то дзо омофу

В дубовой
Роще трава
Пусть вырастает,
Но мысли эти
Оставь – так я разумею⁷³.

⁷³ Эта и предыдущая танка помещены в *Сёкукокинсю*, 12, как диалог между Гэму-но мёбу и Масамунэ Хэндзё. (Авторство Масамунэ Хэндзё, по мнению комментаторов, недостоверно.) В *Какайсё*, 10, автором ответной танка назван Ёсиминэ Накацура.

22

Когда Рё-сёсё потребовалась кожа на тесемки, призывающие меч к поясу, Гэму-но мёбу сказала: «В моем доме есть», но долго не присылала. Тогда Рё-сёсё:

Адахито-но
Таномэватариси
Сомэкава но
Иро-но фукаса-во
Мидэ я яминаму

От ненадежной возлюбленной,
Которой я доверял,
Кожи крашеной
Глубину цвета
Не видя, порву с ней⁷⁴ —

так написал, и Гэму-но мёбу, пораженная этим стихотворением, приказала отыскать [кожу] и отослать

⁷⁴ Танка содержит омонимы: Сомэкава – «крашенная кожа», а также название местности в провинции Этидзэн. *Кава* – «река», с этим словом по типу *знго* связаны имеющиеся в тексте слова *ватару* – «переходить» и *фукаса* – «глубина». *Ватару* еще имеет значение «добиться успеха в любви». *Иро* – «цвет» означает также «любовь». Отсюда – второй смысл: «Не видя глубины чувства у той, кому я доверялся, собираюсь разорвать отношения». Танка помещена в *Сёкугосюисю*, 16, под авторством Ёсиминэ Мунэсада, но это, вероятно, ошибка.

ему.

Второй сын экс-императора Ёдзэй⁷⁵ долгие годы жил в любви с дочерью тюдзё Нотикагэ, но после того, как он взял в жены пятую дочь⁷⁶, уж у той не бывал, и она, отчаявшись его дождаться, горевала безмерно. Прошло много времени, и вдруг он неожиданно приходит, но она, ни слова не вымолвив, убежала и за дверь⁷⁷ затворилась. Потом воротился он к себе, а на следующее утро пишет ей: «Почему же, когда я пришел к вам, надеясь поговорить о событиях долгих давних лет, вы от меня сокрылись?» Она же ничего не сказала, а только этим ответила:

Сэканаку-ни
 Таэтэ таэниси
 Яма мидзу-но
 Тарэ синобэ тока
 Ковэ-о кикасэму

Хоть и нет запруды,

⁷⁵ Второй сын императора Ёдзэй-ин – принц Мотохира (?—958).

⁷⁶ **Пятую дочь** – имеется в виду дочь императора Уда, принцесса Ёрико (895—936).

⁷⁷ По-видимому, это была дверь, ведущая из женских покоев в комнатку нуригомэ, служившую гардеробной, а иногда и спальней.

Но совсем иссяк.

Горный поток,

Так кому же «вспомни обо мне»

Сказать бы могла я?⁷⁸

⁷⁸ Танка приводится в антологии *Секугосэнсю*, 15. Поэтесса хочет сказать: раз иссякла без причины твоя любовь, то с кем же мне говорить?

24

Во времена прежнего императора⁷⁹ дочь удайдзина⁸⁰, правого министра, служила камер-фрейлиной и бывала во дворце. В глубине души она все ждала, что государь призовет ее, но он не призывал, и тогда она ему послала:

Хигураси-ни
Кими мацу яма-но
Хототогису
Товану токи-ни дзо
Ковэ мо осиману

Цикаду
Ждущая горная
Кукушка,
Не пришли к тебе,
И ты плачешь, слез не жалея⁸¹ —

⁷⁹ Имеется в виду император Дайго (885—930).

⁸⁰ Удайдзин (правый министр) – Фудзивара Садаката (873—932), сын Такафудзи. Был искусен в игре на флейте и в стихосложении. Существует поэтический сборник *Сандзёудайдзинсю*. Его дочь Ёсико после кончины императора была замужем за принцем Ацуми, потом за Фудзивара Санзёри.

⁸¹ В танка обыгрываются омонимы: *мацу* – «ждать» и часть топонима Мацуяма, *хигураси* – «закат дня» и «цикада». Из них складывается второй смысл стихотворения: «До заката дня ждала я и, подобно кукушке,

так она сложила.

плачу, что не пришел ты».

25

Монах по имени Нэмугаку⁸², удалившийся в горы Хиэ, там, в горах, поселился и однажды, увидев засохшую сосну у жилища безвременного скончавшегося монаха, славившегося великой добродетелью:

Нуси мо наки
Ядо-ни карэтару
Мацу мирэба
Тиёсуги ни кэру
Кокоти косо сурэ

Увидел сосну
Засохшую у жилища,
Лишенного хозяина.
И кажется мне,
Что тысячи веков протекли⁸³ —

⁸² Нэмугаку (Нэнгаку) – биография его неизвестна. Уход в горы был одним из средств познать «Путь Будды». В то время получили распространение обеты затворничества: в горы удалялись на определенный срок, например на 12 лет или 1000 дней. Иногда придворный, принявший постриг, часть времени проводил в горах, а в основном нес обычную службу во дворце.

⁸³ Сосна является символом долголетия.

так сложил, и младшие братья монаха⁸⁴, остановившиеся в том жилище, были очарованы. Этот монах Нэмугаку был старшим братом Тосико.

⁸⁴ Здесь неясное место в тексте. Перевод дан по конъектуре Абэ Т.

26

Принцесса Кацура тайно виделась с человеком, с которым не подобало ей встречаться. Однажды в дом возлюбленного своего она, сложив, посылает:

Сорэ-во дани
Омофу кото то тэ
Вага ядо-во
Мики то наихисо
Хито-но кикаку ни

Хотя бы тем
Покажи свою любовь,
Что жилище мое
Видел – не рассказывай,
Ведь люди услышат⁸⁵ —

так гласило послание.

⁸⁵ Танка помещена в *Кокинсю*, 15, с пометой: «Автор и заглавие неизвестны». Встречается также в *Кокинрокутё*, 5. Цитируется в *Гэндзи-моногатари* (гл. «Хабакиги»).

Человек по имени Кайсё⁸⁶, став монахом, поселился в горах⁸⁷. Некому там было мыть его одеяния, и обычно он посылал одежду для стирки в родительский дом. И вот из-за чего-то рассердились на него домашние. «Стал монахом, даже не выслушав, что скажут родные, да еще смеет говорить такие несносные вещи?» – так они восклицали, и он, сложив, послал им:

Има ва вага
Идзути юкамаси
Яма нитэ мо
Ё-но уки кото ва
Нао мо таэну ка

Теперь мне
Куда же отправиться?
Даже в горах
Мирская суета
Никак не переводится⁸⁸.

⁸⁶ Кайсё – имеется в виду Кайсэн, один из поэтов *Госэнсю*. Был близок к Ки-но Цураюки (868—946), Томонори (даты неизвестны) – составителям знаменитой антологии *Кокинсю*, авторам ряда произведений (например, «Дневник из Тоса» Ки-но Цураюки и др.).

⁸⁷ Имеется в виду гора Хиэ.

⁸⁸ Комментаторы допускают, что эта танка является переделкой

Тот же человек осенью того года, когда умер его отец, бывший в чине хёэ-но сукэ, и в доме собралось много народу, с вечера распивал с гостями вино. Печалились о том, кого с ними не было, и гости и хозяин с любовью о нем вспоминали. Забрезжил рассвет, пал туман. Тогда один гость:

Асагири-но
 Нака-ни кими масу
 Моно нараба
 Харуру мани мани
 Урэсикарамаси

В утреннем тумане
 Если бы ты
 Пребывал,
 То, только бы начал он рассеиваться,
 Вот мы бы возрадовались —

так произнес, и Кайсё ответил:

Кото нараба
 Харэдзу мо аранаму
 Акигири но
 Магирэ-ни микюру

Кими то омован

Ах, если б было так,
Пусть бы осенний туман не редел.
В его дымке
Ты смутно виден,
Думал бы я⁸⁹.

В гостях там были Цураюки, Томонори и другие.

⁸⁹ Обе танка помещены в Кокинрокутё, I (раздел «Туман»).

Однажды во дворце покойного Сикибугё-но мия⁹⁰ правый министр третьего ранга, Сандзё-удайдзин⁹¹, и другие придворные собрались вместе, играли в го, услаждали себя музыкой. Наступила ночь, все захмелели, пересказывали разные истории, делали друг другу подношения. И вот, воткнув в головной убор цветок оминаэси, правый министр:

Оминахэси
 Ору тэ-ни какару
 Сирацую ва
 Мукаси-но кэфу-ни
 Арану намида ка

Светлая роса,
 Приставшая к руке, что сорвала
 Цветок оминаэси,
 Может быть, это слеза
 О том, что нет сегодня того, кто был ранее?⁹² —

⁹⁰ См. коммент. 64.

⁹¹ См. коммент. 80.

⁹² Танка помещена в *Синтёкусэнсю*, 4, а также в сборнике правого министра третьего ранга (Сандзё-но отодосю), где сопровождается указанием: «В доме того же принца собрались друзья; за отдыхом и развлечениями он сорвал цветок оминаэси и поднес принцу».

так сложил. Там во множестве были и другие люди, но стихи их были нехороши и забылись.

Покойный Мунэюки-но кими, бывший в чине укё-но ками⁹³, однажды ждал повышения в должности, но узнал, что повышения не будет. В то время у императора Тэйдзи все слагали стихи на тему водорослей, обвивавших камень, присланный из провинции Ки:

Укё-но ками сложил:

Окицу кадзэ
 Фукэви но ура ни
 Тацу нами-но
 Нагори ни саэ я
 Вага ва сидзумамау.

Ветер в море,
 В бухте Фукэй
 После вздымающихся волн
 Легкое волнение вод – в них,
 Что ли, мне погрузиться?⁹⁴

⁹³ Минамото Мунэюки (?—939) – отец принца Корэтада, сын императора Комэй. По другой версии, отец принца Мотоясу, сын императора Ниммё. Один из «Тридцати Шести Бессмертных». Существует антология *Мунэюкисю*. Укё – «правая столица», одна из двух частей, на которые был разделен средневековый Киото. Укё-но ками – правитель Укё.

⁹⁴ Слово *окицу* – «открытое море» – образный параллелизм к названию бухты Фукэй. Автор танка сравнивает себя с водорослями на камне, погружающимися в волны, когда морской ветер уже не разбивает

их о берег. Танка помещена в *Синсэнсайсю*, 14, с пометой: «Автор неизвестен».

31

Тот же Укё-но ками как-то написал Гэму-но мёбу:

Ёсо нагара
Омохиси ёри мо
Нацу-но ё-но
Михатэну юмэ дзо
Хаканакарикэру

Мимолетно
Любил я тебя, но еще быстротечнее было
Наше свиданье,
Как краткий сон
Летней ночью⁹⁵.

⁹⁵ Танка помещена в *Госэнсю*, 4, с пометой: «Автор неизвестен».

Вот стихотворение, сложенное Укё-но ками и поднесенное императору Тэйдзи:

Аварэ тэфу
Хито мо ару бэку
Мусасино-но
Куса-то дани косо
Офу бэкарикэру

«Как жаль его», – и то, верно, сказали бы
Люди обо мне,
Будь я хотя бы травой,
На равнине Мусаси
Растущей⁹⁶.

И еще:

Сигурэ номи
Фуру ямадзато-но
Ко-но сита ва
Ору хито кара я

⁹⁶ Танка приводится в *Сёкугосэнсю*, 13, и в сборнике *Канэхирагосю*, где авторство приписывается Гэму-но мёбу, пославшей эту танка императору Уда. В тексте имеются небольшие отличия. Комментаторы полагают, что основой для создания танка послужило стихотворение из *Кокинсю*, 17.

Мори сугинураму

Даже под дерево

В горной деревушке, где льет

Беспреданно осенний дождь,

И туда капли дождя просочились,

Верно, какой-то человек ветви сломал⁹⁷ —

так он написал, и стихи его выражают сожаление о том, что император не одаряет его своей милостью. Император соизволил взглянуть и сказал: «Что это такое? Не понимаю смысла» – и даже показал Содзу-ноками. Прознал об этом Укё-но ками и понял, что все напрасно, так и людям рассказывал.

⁹⁷ Танка содержит омонимы: *ору* – «рвать», «ломать» и «пребывать», *морасу* — «течь» и «пропускать». Автор хочет сказать, что он столь ничтожен, что император не дарит его своей милостью (милость государя сравнивается с дождем) и не дает ему повышения по службе.

Мицунэ⁹⁸ сложил и поднес императору:

Татиёраму
 Коно мото мо наки
 Цута-но ми ва
 Токиха нагара-ни
 Аки дзо канасики

Подобно плющу,
 Не имеющему дерева,
 Чтоб опереться,
 Все время зеленый.
 И осенью это особенно грустно⁹⁹.

⁹⁸ Мицунэ – Осикоти Мицунэ, один из знаменитых поэтов *Кокинсю*.

⁹⁹ Танка содержит омонимы: *цута* – «плющ» и часть слова *цутанаси* – «плохой», «дурной». Токиха «вечнозеленый», «зелень» – цвет одежды чиновников шестого и седьмого рангов. Мицунэ был в седьмом ранге и жаждал получить пятый, предоставлявший право носить одежду цвета киновари.

В дом Укё-но ками его возлюбленная:

Иро дзо то ва
 Омохоэдзу томо
 Коно хана-ни
 Токи-ни цукэцуцу
 Омохиидэнаму

Хоть и не думаешь ты
 О цвете,
 Но если б об этом цветке
 Хоть изредка
 Ты вспоминал!¹⁰⁰

¹⁰⁰ Танка содержит омонимы: *иро* – «цвет» и «любовь». Отсюда – иной смысл первых двух строк: «хоть и не любишь». В другом списке вместо *коно хана* («этот цветок») стоит название цветка унохана и часть у этого слова имеет значение «печаль». Поэтесса под цветком разумеет себя.

Цуцуми-тюнагон¹⁰¹ по высочайшему повелению отправился в горы Оутияма, где пребывал император-монах. Император был очень грустен, и тюнагоном овладела печаль. Было это место очень высокое, и, увидев, как снизу поднимается множество облаков, тюнагон сложил:

Сиракумо-но
 Коконохэ-ни тацу
 Минэ нарэба
 Охоутияма то
 Ифу ни дзо ари кэру

Это пик,
 Над которым в девять слоев стоят
 Белые облака.
 Потому и зовется он
 Оутияма¹⁰².

¹⁰¹ Цуцуми-тюнагон – Фудзивара Канэскэ (877—933), один из «Тридцати Шести Бессмертных».

¹⁰² *Коконохэ* – «девять слоев» – метафорическое обозначение императорского дворца. В топониме Оутияма также содержится слово *ути* – «дворец». Эта танка имеется в *Синтёкусэнсю*, 19, а также в *Канэскэсю*.

Когда прежняя сайгу¹⁰³ жила в стране Исэ, Цуцу-ми-но тюнагон был послан гонцом из дворца, и:

Курэтакэ-но
 Ёё-но мия кото
 Кику кара ни
 Кими ва титосэ-но
 Утагахи мо наси

Слышал я,
 Что ваше обиталище —
 Как бамбук с множеством коленцев,
 Так и вам жить множество лет,
 В этом нет сомнений¹⁰⁴.

Ответ же неизвестен. Это место, где жила сайгу, называлось Такэ-но мия – Бамбуковый дворец.

¹⁰³ Сайгу – священный сан принцессы Явако (?—959), дочери императора Уда. Во времена императора Дайго была главной жрицей храма Исэ. Такая жрица непременно назначалась в правление каждого императора.

¹⁰⁴ Танка содержит омонимы: Такэ – топоним и *такэ* – «бамбук», ёё – «множество коленцев бамбука» и «много веков». Ёё – дзё к слову *такэ*.

37

Один из братьев правителя Идзумо¹⁰⁵ получил разрешение прибыть во дворец, и другой, которому разрешения не было дано, сложил:

Каку сакэру
Хана мо косо арэ
Вага тамэ-ни
Онадзи хару то я
Ифу бэкарикэру

Бывают же цветы,
Что так пышно цветут.
А вот про меня
«Такая же весна»
Разве можно сказать?

¹⁰⁵ Один из братьев правителя Идзумо – личность его не установлена.

Дочь¹⁰⁶ пятого сына прежнего императора¹⁰⁷, звавшаяся Итидзё-но кими, служила в доме Кёгоку-но миясундокоро, Госпожи из Восточных покоев. Что-то неладное приключилось, она оставила дворец и впоследствии, будучи супругой правителя страны Юки, сложила:

Тамасака-ни
Тофу хито араба
Вата-но хара
Нагэкихо-ни агэтэ
Ину то котэхэё

Если изредка
Кто-нибудь спросит [обо мне],
По равнине моря
Стонущий парус подняв,
Удалилась она – так ответь¹⁰⁸.

¹⁰⁶ См. коммент. 53.

¹⁰⁷ Прежний император – по-видимому, император Сэйва (850—880). В *Ямато-моногатари* прежним императором чаще именуется император Дайго, но в данном случае это было бы анахронизмом.

¹⁰⁸ Стонущий парус, который поднимают, отправляясь в море, символизирует горе и рыдания. Слова *вата-но хара* — «равнина моря» и *хо* – «парус» связаны по типу *энго*.

Когда дочь Морофути¹⁰⁹, правителя Исэ, выдали замуж за тюдзё Тадаакירה¹¹⁰, Укё-но ками решил жениться на бывшей там юной девушке и обменялся с нею клятвами, а наутро, сложив стихи, послал ей:

Сирацую-но
 Оку-во мацу ма-но
 Асагахо ва
 Мидзу дзо наканака
 Арубэкарикэру.

Чтоб белая роса
 Пала – ждущий
 Вьюнок «утренний лик»...
 Лучше б его я не видел,
 Тогда, верно, было б мне легче¹¹¹.

¹⁰⁹ Морофути – видимо, сын Фудзивара Мороцута. В тексте Морофути записано как Моромити – вероятно, ошибка переписчика.

¹¹⁰ Тадаакירה – имеется в виду Минамото Тадаакירה (893—958); в чине тюдзё был в 934—951 гг.

¹¹¹ Под росой поэт понимает себя, под вьюнком – юную девушку. Оку – «пасть» (о росе) в контексте означает «встреча». Миру – «видеть» – зд. означает «обменяться брачными обещаниями». «Лучше бы нашей встречи не было, ведь столь быстротечна жизнь» – так современные комментаторы толкуют смысл этого стихотворения. Первые три строки совпадают с танка в *Синтёкусэнвакасю*, 13, автором назван Минамото

Принцессу Кацура навещал принц Сикибугё-но мия, а в доме принцессы служившая девушка нашла, что этот принц очень хорош собой, и влюбилась в него, однако он и не знал ничего об этом. И вот как-то любуясь полетом светлячков, он повелел девушке: «Поймай-ка!» Тогда она, поймав светляка, завернула его в рукав своего кадзами, показала принцу и так сказала:

Цуцумэдомо
 Какурэну моно ва
 Нацу муси но
 Ми-ёри амарэру
 Омохи нарикэру

Хоть и завернешь,
 Но не скроешь,
 Заметнее, чем тельце
 Летнего насекомого,
 Моя любовь¹¹².

¹¹² В слове *омохи* – «любовь», «думы о любимой» содержится слово *хи* – «огонь», «свет» (от светлячка). Стихотворение помещено в *Косэнвакасю*, 4, с пометой: «Автор неизвестен». Во вступлении к танка говорится: «Кацура-но мико повелела поймать светлячка, и девушка, поймав его в рукав кадзами...».

В доме Минамото-дайнагона часто бывала Тосико¹¹³. Случалось даже, что она устраивалась в покоях и жила там. И вот как-то в скучный день этот дайнагон, Тосико, ее дочь Аяцуко, старшая из детей, как и мать, по характеру весьма примечательная, и еще Ёфуко, жившая в доме дайнагона, обладавшая прекрасным вкусом и тоже очень своеобразная, – собрались все четверо вместе, рассказывали друг-другу множество историй – о непрочности связей мужчин и женщин, о бренности всего мирского говорили, и дайнагон сложил:

Ихицуцумо
 Ё ва хаканаки-во
 Катами-ни ва
 Аварэ то икадэ
 Кими-ни миэмаси.

Вот беседуем мы,
 А жизнь так быстротечна.
 Чтобы облик мой
 Приятен был вам,

¹¹³ Тосико была младшей сестрой дайнагона Минамото Киёкагэ.

Как бы мне хотелось!¹¹⁴

Так он прочел, и все они, ничего не отвечая, громко зарыдали. До чего же странные это были люди!¹¹⁵.

¹¹⁴ Стихотворение помещено в *Синтёкусэнсю*, 18, под авторством того же Минамото Киёкагэ.

¹¹⁵ Заключительная фраза скорее всего принадлежит автору-составителю, а не переписчику.

42

Монах Эсю¹¹⁶ как-то лечил одну даму, и начали о них говорить в свете всякое, тогда он сложил:

Сато ва ифу
Яма-ни ва савагу
Сиракумо-но
Сора-ни хаканаки
Ми-то я наринаму

В селеньях говорят,
И в горах шумят.
Лучше уж мне, верно,
Стать белым облаком,
Тающим в небе —

таково было его стихотворение.
Еще он послал в дом этой женщине:

Асаборакэ
Вага ми ва нива-но
Симо нагара
Нани-во танэ нитэ
Кокоро охикэму

¹¹⁶ Монах Эсю – неизвестная личность. Некоторые комментаторы считают, что имеется в виду Нобумаса либо Эхидэ.

Подобен я инею,
Что на рассвете
Ложится во дворе.
Из какого же семечка
Растет любовь моя?¹¹⁷

¹¹⁷ Стихотворение содержит *какэктоба*: *симо* – «иней» и *симо* – «низ». Самоуничижение поэта объясняется тем, что пишет он благородной, высокопоставленной даме.

43

Этот добродетельный монах перед кельей, где он поселился, велел возвести ограду. И вот, слыша шум снимаемых стружек, он:

Магаки суру
Хида-но такуми-но
Тацукиото но
Ана касигамаси
Надзо я ё-но нака.

Подобно стуку топора
Плотника из Хида¹¹⁸,
Ладящего изгородь,
Ах, как шумен и суетен,
Зачем таков этот мир? —

такое он стал говорить. Молвил: «Чтобы совершать молебны и обряды, хочу удалиться в глубь гор» – и покинул эти места. Прошло некоторое время, та женщина подумала: «Сказал он: куда бы мне отправиться? Поселился в глуби гор, но где же?» Послала она к нему гонца, и монах:

¹¹⁸ Хида – местность, из которой приглашались плотники для подрядов на работы в столице.

Нани бакари
Фукаку мо арадзу
Ё-но цунэ-но
Хиэ-во тояма-то
Миру бакари нари

Совсем
Не жил я в глуби гор.
Привычная для света
Гора Хиэ отдаленной
Всем показалась¹¹⁹.

Жил он тогда в месте, которое называлось Ёгава –
Мирская река.

¹¹⁹ Стихотворение приводится в *Кагэро-никки*.

Тому же человеку дама: «День, когда вы отправитесь в горы, далек ли еще? Когда же это?» И он:

Нобориюку
 Яма-но кумови-но
 Тохокэрэба
 Хи мо тикаку нару
 Моно ни дзо арикэри

Колодец горных облаков,
 Ввысь вздымающихся,
 Далеко-далеко,
 А значит, солнце близко,
 Вот оно как!¹²⁰ —

так сложив, ей послал. Однако после этого среди людей начались всякие нехорошие разговоры, и он:

Ногару то мо
 Тарэ ка кидзараму
 Нурэгоромо
 Амэ-но сита-ниси
 Суман кагири ва.

¹²⁰ Стихотворение содержит омонимы: *хи* – «день» и «солнце», отсюда – иной смысл четвертой строки: «Этот день близок».

Как ни старайся избежать этого,
Но всякому приходится носить
Промокшие одежды,
Пока живешь
Под дождем¹²¹.

– так сказал.

¹²¹ В танка обыгрываются омонимы: *амэ-но сита* – «мир», «Поднебесная» и «под дождем»; *нурэкоромо* – «промокшая одежда» и «незаслуженные обвинения». Второй смысл стихотворения: пока мы живем в этом мире, приходится терпеть незаслуженные обвинения. Слова *нурэ* – «промокший» и *амэ* – «дождь» связаны по типу *энго*.

45

Когда Цуцуми-но тюнагон-но кими¹²² посылал во дворец свою дочь¹²³, [впоследствии] матушку принца Дзюсан-но мико¹²⁴, чтобы она прислуживала императору, то вначале очень тревожился и вздыхал: «Как-то ее примет государь?» И вот он сложил и поднес императору:

Хито-но оя-но
Кокоро ва ями-ни
Аранэдомо
Ко-во омофу мити-ни
Маёхинуру кана

Хоть родительское
Сердце и не во мраке
Пребывает,
Но все же на пути любви к своему дитяти
Заплуталось оно¹²⁵.

¹²² Цуцуми-но тюнагон – см. коммент. 101.

¹²³ Дочь – Фудзивара Кувако.

¹²⁴ Дзюсан-но мико – тринадцатый принц Акитоси (924—990), сын императора Дайго.

¹²⁵ Стихотворение помещено в *Канэскэсю*, а также в *Кокинрокутё*, 2, и в *Госэнсю*, 15.

Император нашел это письмо полным очарования.
Августейший ответ тоже был, но людям он неизвестен.

Хэйтю¹²⁶, после того как расстался с Канъин-но го¹²⁷, через некоторое время вновь с ней встретился. И вот после этой встречи он ей посылает:

Утитокэтэ
Кими ва нэцураму
Вага ва симо
Цюю-но оки итэ
Кохи-ни акасицу

Расставшись со мной,
Ты, наверно, спишь,
А я же,
Бодрствуя,
Полный любви, встречаю рассвет¹²⁸.

¹²⁶ Хэйтю – Тайра Садафуми (?—923) – знаменитый поэт и придворный кавалер, его стихи послужили основой для создания *Хэйтю-моногатари* («Повести о Хэйтю»).

¹²⁷ Канъин-но го – историческое лицо времен Энги (901—923). Ее танка включены в *Кокинсю*.

¹²⁸ Стихотворение основано на игре омонимами: *симо* – «иней» и «низ», т. е. иносказательно «я сам», *оки* – «ложиться» (об инее) и «бодрствовать», *кохи* – «любовь», а часть этого слова *хи* – «солнце». Все перечисленные выше слова – «иней», «ложиться», «солнце» – связаны типом связи *энго*. Поэт намекает на свои слезы, которые сравнивает с инеем, падающим каплями росы на восходе солнца.

А женщина в ответ:

Сирацую-но
Оки фуситарэ-во
Кохи цураму
Вага ва кикиовадзу
Исо-но ками нитэ

Подобно белой росе,
Бодрствуя или ложась, кого же
Любите вы?
Ведь обо мне не помнили уже,
Состарившейся в Исо-но ками¹²⁹.

¹²⁹ Стихотворение по принципу построения тропа отчасти повторяет предыдущее. *Сирацую* – «белая роса» – дзё к слову *оки* – «падать» (о росе). *Исо-но ками* – *макура-котоба* к слову *фуру* («старый»), здесь тоже употребляется в значении «старый».

47

Ёдзэйин-но итидзё-но кими¹³⁰ сложила:

Оку-яма ни
Кокоро-во ирэтэ
Тадзунэдзу ва
Фукаки момидзи-но
Иро-во мимаси я

Если в глубину гор
Всем сердцем не устремисься
Пытливо,
То ярких кленовых листьев
Цвета, верно, не увидишь¹³¹.

¹³⁰ Ёдзэйин-но итидзё-но кими – см. коммент. 53.

¹³¹ Стихотворение выражает ту мысль, что сущность любви (*иро*) нельзя постичь, не проверив глубину чувства.

48

Во времена прежнего императора¹³² одна кои¹³³, служившая под именем Гёбу-но кими, отправилась в родные места и долго не возвращалась. Об этом император сложил:

Оходзора-во
Ватару хару хи-но
Кагэ нарэ я
Ёсо-ни номи митэ
Нодокэкарураму

Разве ты тень
От весеннего солнца,
Плывущего в огромном небе?
И только в дальних краях
Тебе покойно?¹³⁴

¹³² Прежний император – Уда-тэнно.

¹³³ Кои – женский придворный чин, личность женщины неизвестна.

¹³⁴ Стихотворение помещено в *Канэхирагосю*, а также в *Синкокинсю*,

Тот же император в дом Сайин-но мико¹³⁵ вместе с хризантемой послал:

Юкитэ мину
Хито-но тамэ-ни то
Омохадзу ва
Тарэ ка орамаси
Вага ядо-но кики

Если бы я не надеялся,
Что это для нее,
С кем не увижусь, даже если приду к ней,
То кто же сорвал бы тогда
Хризантему у моего дома?¹³⁶

Ответ Сайин:

Вага ядо ни
Иро ори томуру
Кими наку ва
Ёсо-ни мо кики-но
Хана-во мимаси я

¹³⁵ Сайин-но мико – принцесса Кимико (?—902), дочь императора Уда. С 893 г. до смерти была в сане жрицы сайин в храме Камодзиндзя.

¹³⁶ Танка помещена в *Сёкукокинсю*, 8.

Если бы не вы, государь,
У дома
Цвет сорвавший,
То на чужбине хризантемы
Цветок разве бы я увидала?¹³⁷

¹³⁷ Стихотворение содержит омонимы: *кику* – «хризантема» и «слышать», образующие второй смысл последних строк: хоть и получаю о вас известия, но могу ли увидеть вас? Слова «мой дом» (*вага ядо*), «чужбина» (*ёсо*), «государь» (*кими*) связаны по типу *энго*.

50

Кайсэн¹³⁸, отправившись в горы:

Кумо нарадэ
Кодакаки минэ-ни
Иру моно ва
Укиё-во сомуку
Вага ми нарикэри

Кроме облаков,
Высоких пиков гор
Обитатель, —
Это я,
Отринувший бранный мир¹³⁹.

¹³⁸ Кайсэн – см. коммент. 86.

¹³⁹ Стихотворение помещено в *Синсюисю*, 19.

От Сайин¹⁴⁰ во дворец:

Онадзи э-во
 Вакитэ симо воку
 Аки нарэба
 Хикари мо цураку
 Омохоюру кана

На одинаковые ветки
 По-разному сыплет иней
 Осень.
 Оттого даже солнечный свет
 Приносит мне горечь¹⁴¹.

Императорский ответ:

Хана-но иро-во
 Митэ мо сиринаму
 Хацусимо-но
 Кокоро юкитэ ва
 Окадзи-то дзо омофу

¹⁴⁰ Сайин – см. коммент. 135.

¹⁴¹ Стихотворение основано на омонимах: э – «ветка» и «родство», *симо* – подчеркивающая частица и «иней». Сайин упрекает отца в том, что он неодинаково относится к ней и к ее сестрам и братьям.

Вишни цвет
Увидев, верно, поймешь,
Что первый иней
Совсем не по-разному
Ложился, думаю я.

Это тоже императорское:

Ватацууми-но
 Фуаки кокоро ва
 Окинагара
 Урамирарэнуру
 Моно-ни дзо арикэру

Хотя на морской равнине
 Самое глубокое место —
 Это открытое море,
 Все же есть люди,
 Что видят бухту¹⁴².

¹⁴² В стихотворении обыгрываются омофоны: *оки* – «иметь», «класть» и *оки* – «открытое море», *урами* – «ревность» и «смотреть на бухту». Иной перевод танка: хотя, словно глубины морские, глубоки мои чувства, все же есть такие люди, что ревнуют меня к другим. Император хочет сказать, что его дети напрасно ревнуют его друг к другу, всех он любит одинаково. *Оки* – «открытое море» и *ура* – «бухта» – *энго* к *ватацуми* («гладь моря»). Стихотворение с пометой «Автор неизвестен» помещено в *Сюисю*, 15, а также в *Кокинрокутё*, 4, с небольшими изменениями в *Канэхурагосю*.

Кавалер по имени Саканоз-но Тохомити¹⁴³, живший в Ёдзэйин, даме из того же дворца, что не смогла с ним встретиться, ибо к этому, как она известила, были преграды:

Аки-но но-во
 Вакураму муси мо
 Вагагото я
 Сигэки савари-ни
 Нэ-во ба накуран

Через осенние поля
 Пробирающиеся цикады – и они
 Не так ли, как я,
 Перед преградой из трав
 Лишь в голос плачут?¹⁴⁴

¹⁴³ Саканоз-но Тохомити – личность его неизвестна.

¹⁴⁴ По другим спискам, вместо *муси* – «цикада». – *сика* – «олень».

Третий сын Укё-но ками¹⁴⁵, Мунэюки-но кими, был азартный игрок, родители и братья ненавидели его, и тогда он, решив, что отправится туда, куда его ноги поведут, удалился в чужедальние страны, и вот близкому товарищу, которого любил, он сложил стихи и в дом ему послал:

Сиориситэ
 Юку таби нарэдо
 Карисамэ-но
 Иноти сиранэба
 Каэри симо сэдзи

Хоть заломив ветку,
 В путь отправляюсь,
 Но непрочная
 Жизнь наша неведома нам.
 И навряд ли смогу вернуться¹⁴⁶

¹⁴⁵ Укё-но ками – точно личность его не установлена.

¹⁴⁶ Танка содержит омонимы: *сиори* – «заломленная ветка» (чтобы можно было найти обратный путь) и «терпеть дурное обращение».

55

Один кавалер уехал в чужую страну, оставив даму, которую беспредельно любил. Она все ждала, когда же он вернется, и, вот к ней пришли и сказали: «Умер он». И тогда она:

Има кон то
Ихитэ вакарэси
Хито нарэба
Кагири то кикэдо
Нахо дзо матаруру

«Скоро вернусь», —
Сказал, расставаясь со мной,
Мой возлюбленный,
И хоть услышала я, что наступил предел его жизни,
Все же я по-прежнему его жду¹⁴⁷.

¹⁴⁷ Стихотворение встречается в *Сёкугосюкисю*, 18 (четвертая строка гласит: *наки ё то кикэдо*).

Помощник правителя Этидзэн, Канэмори¹⁴⁸, часто навещал даму Хёэ-но кими¹⁴⁹. Потом на долгие годы они расстались, а затем он снова к ней пришел. И вот он сложил:

Юфусарэба
 Мити мо миэнэдо
 Фурусато ва
 Мото коси кома-ни
 Макасэтэ дзо юку

Наступил поздний вечер,
 И не видно дороги
 В родные места,
 И вот доверился я коню,
 На котором некогда ездил к тебе¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Канэмори – Тайра Канэмори (?—990), в чине помощника правителя Этидзэн находился с 950 по 961 г., один из «Тридцати Шести Бессмертных» поэтов средневековья. Существует домашний поэтический сборник *Канэморисю*.

¹⁴⁹ Хёэ-но ними – дочь министра Фудзивара Канэсигэ. Ее стихи имеются в *Госэнсю*.

¹⁵⁰ Стихотворение с небольшими изменениями встречается в *Госэнсю*, 13.

А женщина в ответ:

Кома-ни косо
Макасэтарикэрэ
Хаканаку мо
Кокоро-но куру то
Омохикэру кана

Значит, это конь
Привез тебя сюда.
О, пустая мысль!
А я-то подумала,
Что привело тебя сердце¹⁵¹.

¹⁵¹ Танка помещена в *Госюсю*, 13; третья строка: *аянакумо*.

Наместник страны Оми Тайра-но Накаки¹⁵² очень любил и лелеял свою дочь, но вот родитель скончался, и она, изведав многое, поселилась в чужой стране, в безлюдном месте.

Пожалев ее, Канэмори сложил и послал:

Вотикоти-но
Хито мэ марэнару
Ямадзато-ни
Ивэ исэму то ва
Омохики я кими

Наверно, не думала ты,
Что будешь жить в доме
В горной деревушке,
Куда редко
Люди заходят¹⁵³ —

так он сложил и послал, и она, прочитав, даже ответа не написала, а все только рыдала горько. А она тоже

¹⁵² Тайра-но Накаки (?—930) — наместником Оми был, видимо, в 915—922 гг. О дочери ничего не известно.

¹⁵³ Стихотворение включено в *Госэнсю*, 16, где обозначено как посланное кавалером, встретившим в провинции даму, с которой он некогда служил в одном дворце. Приводится также ответ женщины.

слагала танка очень искусно.

Тот же Канэмори жил в Мити-но куни, а третий сын Канъин¹⁵⁴ жил в месте под названием Куродзука, и вот Канэмори послал его дочери:

Митиноку-но
Адати-но хара-но
Куродзука-ни
Они коморэри-то
Кику ва макото ка

Прослышал я, что в Митиноку,
На равнине Адати,
В Куродзука,
Духи скрываются —
Правда ли это?¹⁵⁵ —

Так сложил.

И вот однажды говорит Канэмори: «Хочу я в жены ту девушку», а родитель на это: «Она еще очень молода,

¹⁵⁴ Канъин – сын императора Сэйва, принц Садамото (884—909).

¹⁵⁵ В стихотворении девушки, дочери третьего сына Канъин, шутливо сравниваются с демонами. Подобное сравнение есть в *Исэ-моногатари*, 60. Танка помещена в *Сюисю*, 9, с предисловием: «Услышав, что в Мити-но куни уезда Натори, в Куродзука, у Канэскэ есть много дочерей, Канэмори...»

придет ее пора, тогда...» Скоро Канэмори надо было ехать в столицу, и он послал вместе с веткой дерева ямабуки:

Ханадзакари
Суги мо я суру то
Кавадзу наку
Идэ-но ямабуки
Усиромэтаси мо

Как бы не отошел
Пышный расцвет цветов.
И вот вздыхаю, тревожусь
За ямабуки у колодца,
В котором поют лягушки¹⁵⁶ —

Так сложил.

Говорят люди, что супруга Цунэтада-но кими воспела горячие источники в Натори, а это как раз и была та самая дама из Куродзука:

Оходзора-но
Кумо-но каёхидзи
Митэ сигана

¹⁵⁶ Танка содержит омонимы: *идэ* – «колодец» и *Идэ* – название местности, славящейся красивыми деревьями ямабуки и пением лягушек. Поэт выражает опасение, что красота девушки со временем увянет, а ему придется ее покинуть. Видимо, стихотворение представляет собой парафраз танка из третьего свитка Кокинсю.

Тори номи юкэба
Ато ва ка мо наси

Ах, если б мне увидеть
Тропу, по которой ходит облако
Через ширь неба.
Птица лишь вспорхнет,
И уж нет и следа ее¹⁵⁷.

Так сложила, и господин Канэмори, услышав эти стихи, на ту же тему:

Сихогама-но
Ура ни ва ама я
Таэни кэн
Надо сунадори-но
Миюру токи наки

В солончаковой
Бухте рыбаки, говорят,
Бывать перестали —
Почему же рыбы
Не видно?¹⁵⁸

¹⁵⁷ В стихотворении, в 3-й и 4-й строках, в словах *сигана ториноми юкэба* содержится название источников: Натори-но мию. Поэтесса упрекает Канэмори, что он уехал в столицу и не подает о себе вестей. Слово *ато* – «след» – *энго* к слову *тори* – «птица». Танка имеется в *Сюсю*, 7.

¹⁵⁸ В этом стихотворении-ответе также содержится топоним Натори-но мию (4-я и 5-я строки). Кроме того, в слово *сунадори* – «рыба» входит

И вот эта дама, которую любил Канэмори, с другим человеком отправилась в столицу, и, услышав об этом, Канэмори сказал: «Даже не известила меня о том, что уезжает». Однако женщина отправила ему письмо, в котором говорилось: «С тоской вздыхаю о ямабуки у колодца», с пометой: «Это на память о стране Мити-но куни».

Тогда Канэмори сложил:

Тоси-во хэтэ
Нурэватарицуру
Коромодэ-во
Кэфу-но намида-ни
Кути я синуран

Рукав моей одежды,
Который многие годы
Был влажен [от слез по тебе],
От сегодняшних слез,
Видно, совсем сгниет¹⁵⁹.

тори – «птица» (слово из танка дамы).

¹⁵⁹ Канэмори намекает на свою возможную кончину от печали. Примечательно, что этот дан, создававшийся, по-видимому, при жизни Канэмори, включает танка прежних лет.

59

Наскучив суетным миром, из столицы в Цукуси пере-
ехавший кавалер в дом своей возлюбленной послал:

Васуру я то
Идэтэ косикадо
Идзуку-ни мо
Уса ва ханарэну
Моно-ни дзо арикэри

С надеждой забыть
Удалился сюда.
Но где бы я ни был,
Не удалюсь от печали,
Вот что со мной творится¹⁶⁰.

¹⁶⁰ В танка обыгрываются омонимы: уса – «печаль» и Уса – название местности в Цукуси (печаль не покидает – не покидаю Уса).

Жила некогда дама по имени Годзё-но го¹⁶¹. В дом своего возлюбленного послала она однажды рисунок, себя изобразив в виде женщины, пожираемой пламенем, а клубы дыма во множестве нарисовала с такой припиской:

Кими-во омохи
 Наманамаси ми-во
 Яку токи ва
 Кэбури охокару
 Моно-ни дзо арикэри

Когда с любовью думаю о тебе,
 То живое тело мое
 Горит,
 Тогда вот так
 Много бывает дыма.

¹⁶¹ Годзё-но го – дочь Фудзивара Ямакагэ.

Во дворце Тэйдзиин много было покоев, где обитали фрейлины императорской опочивальни, и вот через некоторое время был построен восхитительный дворец Кавара-но ин. Был он возведен специально для Госпожи Восточной опочивальни Кёгоку-но мясудокуро, и император перебрался к ней. Было это весной. Для оставшихся в Тэйдзиин дам все это было неожиданно, и они загрустили в одиночестве. Пришли к ним придворные. «Так прекрасны глицинии, а государь не изволит даже взглянуть¹⁶²» и тому подобное говорили. Стали рассматривать цветы, а к глициниям прикреплено послание. Развернули они его, смотрят:

Ё-но нака-но
 Асаки сэ-ни номи
 Нарюкэба
 Кинофу-но фудзи-но
 Хана-то косо мирэ

Все в мире
 Лишь мелководьем
 Становится.

¹⁶² Подтекст фразы: император все свое время отдает фрейлине из Кавара-но ин.

Посмотреть хоть на цветы
Вчерашних глициний¹⁶³.

Так говорилось в послании, и все были безмерно очарованы, всеми овладела печаль, но которая из фрейлин сложила танка, никто не знал. А придворные кавалеры так сложили:

Фудзи-но хана
Иро-но асаку мо
Миюру кана
Уцурохи-ни кэру
Нагори нарубэси

Да, глициний цвет
Измельчавшим
Кажется.
Видно, что лишь отзвук
Остался от увядающих цветов.

¹⁶³ Танка содержит омонимы: *фудзи* – «глициния» и *футу* – «стремнина». Уже говорилось, что стремнина и мелководье обозначают соответственно истинное и мимолетное чувства. Отсюда – второй смысл танка: чувства измельчали, взять хотя бы привязанность императора, еще недавно казавшуюся такой глубокой. (Ср. также *иро* – «цвет» и «любовь» в ответной танка.)

62

Дама по имени Носан-но кими и монах Дзодзо¹⁶⁴, как никто, любили друг друга. Обменялись они клятвами в беспредельной любви. Носан-но кими:

Омофутэфу
Кокоро-ва кото-ни
Арикэру-во
Мукаси-но хито-ни
Нани-во ихикэн

Любящее
Сердце совсем другое,
Чем я думала.
Что же могу сказать я
Прежним возлюбленным? —

так ему послала, а монах Дзодзо-дайтоку отвечал:

Юку сувэ-но
Сукусэ-во сирану
Кокоро-ни ва
Кими-ни кагири-но
Ми-то дзо ихикэру.

¹⁶⁴ Носан – данных о ней нет. Дзодзо (891—964) – сын Миёси Киёюки, о нем имеются сведения как об искусном лекаре.

Для сердца,
Не знающего, как жизнь
Может сложиться,
Только ты одна существуешь —
Вот что я скажу о себе.

Ныне покойный Укё-но ками тайно сблизился с дочерью одного человека. Отец ее однажды прознал об этом, очень бранился и не пустил к дочери Укё-но ками. Печальный, тот вернулся домой.

И вот наутро сложил и послал:

Са мо косо ва
 Минэ-но араси ва
 Арлкарамэ
 Набикиси эда-во
 Урамитэ дзо коси

Вот такой, верно,
 Буря в горах
 Бывает.
 Вернулся я, сожалея
 О склонившейся ветке¹⁶⁵.

¹⁶⁵ Танка обыгрывает метафоры: буря в горах – гнев родителя, ветка – возлюбленная. Примечательна также игра омонимами: *урамитэ* – «смотреть на бухту» и «сожалеть», «ревновать», *набику* – «клониться» (о ветке) и «подчиняться».

Хэйтю привел однажды в дом к своей жене молодую даму, к которой был неравнодушен, и поместил там. Жена стала браниться и в конце концов выгнала женщину. Хэйтю, то ли он во всем жене повиновался, но, хоть и жаль ему было ту даму, он ее задержать не посмел. Жена так сердилась, что к той и подойти было нельзя, и тогда он приблизился к ширмам в четыре сяку длиной, встал около и сказал: «Между людьми такое бывает, чего и не ждешь. Где бы ты ни была, не забывай меня и пришли письмо. Думаю, что и я смогу тебе написать». А дама к тому времени, завернув свои вещи в сверток, послала за экипажем и как раз ждала его. Очень было ей грустно. Наконец она уехала. Через некоторое время приходит письмо:

Васурару на
 Васурэ я синуру
 Харугасуми
 Кэса татинагара
 Тигирицуру кото

«Не забудь!»
 И не забудет
 Весенняя дымка,

Что сегодня поутру встала,
Свою клятву¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Танка использует омонимы: *тацу* – «вставать» (о тумане, дымке) и «покидать», «уходить». *Харугасуми* – «весенняя дымка», видимо, метафорическое обозначение самой дамы.

65

Когда Нанъин-но горо¹⁶⁷ был правителем Микава, он завязал отношения с Иё-но го, служившей во дворце Сокёдэн¹⁶⁸. Как-то он сказал ей: «Хочу прийти», но она послала ему передать: «Ухожу во дворец, в покои фрейлины опочивальни».

Тогда он:

Тамасударэ
Утито какуру ва
Итодосику
Кагэ-во мисэдзи то
Омофу нарикэри

За занавесками
Во дворце, говоришь,
Значит,
Не показываться мне
Решила ты¹⁶⁹ —

¹⁶⁷ Нанъин-но горо – неизвестное лицо, так же как и последующая Иё-но го.

¹⁶⁸ Сокёдэн – резиденция фаворитки императора Дайго, Минамото Явако.

¹⁶⁹ В стихотворении обыгрываются омонимы: *утито* – «говоришь, что внутри (во дворце)» и «вовне», «за стенами», *каку* – «говорить» и «понимать иначе», «видеть второй смысл». «Занавески» – занавески

так он сказал. И еще:

Нагэки номи
Сигэки мияма-но
Хототогису
Когакурэ итэ мо
Нэ-во нами дзо наку

Только все стонет
В густых горных лесах
Кукушка.
Хоть и спрятана в деревьях,
Все же слышен плачущий голос.

И тому подобное говорил ей.

И вот как-то он к ней пришел, а она стала уже его
выгонять, говоря: «Сейчас же возвращайтесь к себе».

А он:

Синэ то тэ я
Тори мо аэдзу ва
Ярахаруру
Ито икигатаки
Кокоти косо сурэ

Значит это – умри?
Только пришел я,

И уже прогоняешь.
Ах, уж не по силам мне жить —
Чувствую я¹⁷⁰.

Ответное стихотворение очень было интересно, но не дошло до нас.

Еще он приходил к ней как-то вечером, когда шел снег, поговорили они о разном, и тут же она сказала: «Уже ночь спустилась. Возвращайтесь к себе». Он собрался было уходить, но валил сильный снег, он тянул дверь, но никак не мог открыть. Тогда он:

Вага ва са ва
Юкифуру сора ни
Киэнэ то я
Татикаэрэдомо
Акэну итадо ва

Так желаешь ты,
Чтоб в снегопаде
Погиб я?
Ведь если вернусь,
То дверь все равно не открыть...¹⁷¹ —

¹⁷⁰ В танка употреблены омонимы: *ики* – «жить» означает еще и «идти». Отсюда – второй смысл: «Ах, как тяжело мне уходить».

¹⁷¹ Японский текст в этом месте неясен. Комментаторы предлагают конъектуры с помощью разных списков памятника.

так сказал.

«И стихи слагает, и говорит изящно, отчего же никак не складывается у нас? Не оттого ли, что лицо его очень уродливо, как на него взглянешь?» – так она как будто о нем рассказывала.

В ночь, когда Тосико ожидала Тиканэ¹⁷², но он не пришел, она сложила:

Са ё фукэтэ
Инаохосэдори-но
Накикэру-во
Кими-га татаку-то
Омохикэру кана

Наступает ночь,
И, услышав, как кричит
Птица инаохосэ¹⁷³,
Подумала было я,
Что это ты в дверь стучишься.

¹⁷² Тиканэ – см. коммент. 52.

¹⁷³ Инаохосэ – птица из семейства куликовых. Это слово звучит как *ина, охосэ* – «нет, обманулась».

А еще было так. Тосико ждала Тиканэ в ночь, когда шел дождь. Дождь что ли, помешал ему, но он не пришел. В полуразрушенном доме сильно текло. «Сильно льет дождь, и я решил не приходить. Зачем вы поселились в таком месте?» – так написал Тиканэ, и Тосико тогда сложила:

Кими-во омофу
Хима наки ядо-то
Омохэдомо
Коёхи-но амэ ва
Морану ма дзо наки

С любовью тебя вспоминая,
Думала я,
Что в доме моем нет щелей,
Но сегодня вечером дождь
Просочился повсюду¹⁷⁴.

¹⁷⁴ Танка обыгрывает омонимы: *хима наки* – «беспрестанно», «всегда» в «нет пробоин», «нет щелей»; т.е. второй смысл таков: «В доме моем я о тебе беспрестанно с любовью помышляю...»

От Бива-доно¹⁷⁵ был отправлен посыльный в дом Тосико с просьбой прислать ветку дуба касива. Тосико приказала отломить ветку и послала со стихами:

Вага ядо-во
Ицука ва кими-га
Нарасиба-но
Нарасигахо-ни ва
Ори-ни вокосуру

Когда же ты
Так, будто это для тебя привычно,
Послал ко мне, чтобы сорвали для тебя
Лист дерева нара
У дома моего?¹⁷⁶

Ответом было:

Касиваки-ни
Хамори-но ками-но

¹⁷⁵ Бива-доно – Фудзивара Накахира (875—945), третий сын Мотоцунэ, был в чине садайдзина.

¹⁷⁶ Танка использует омонимы: *нара* – название дерева, тоже разновидности дуба, и *нараси* – «привыкать», кроме того, *нара-но ха* — «лист нара» представляет собой *дзё* к *нараси* – «привыкать».

Масикэру-во
Сирадэ дзо ориси
Татари насару на

Сорвал я, не зная,
Что в дереве касива
Пребывает
Бог – листьев хранитель,
Не гневайся же на меня¹⁷⁷.

¹⁷⁷ Танка помещена в *Госэнсю*, 15.

Когда Тадабун¹⁷⁸ был назначен военачальником провинции Мити-но кун и направлен туда, его сын¹⁷⁹ состоял в тайных отношениях с Гэму-но мёбу. И вот на прощание она послала ему в подарок узорчатое каригину, одеяние утики¹⁸⁰ и нуса¹⁸¹. Получивший это кавалер:

Ёхи ёхи-ни
 Кохисиса масару
 Каригоромо
 Кокородзукуси-но
 Моно-ни дзо арикэру

В той одежде каригину,
 Что ты мне прислала
 В знак сердечного вниманья,
 Любовь моя к тебе будет все сильнее
 С каждой ночью —

¹⁷⁸ Тадабун – Фудзивара Тадафуми (873—947), государственный советник.

¹⁷⁹ Сын – Фудзивара Сигэмоти.

¹⁸⁰ Каригину, утики – виды нарядных одежд.

¹⁸¹ Нуса – жертвоприношения богам, дабы обеспечить благополучное путешествие и возвращение.

так сложил. Дама была в восхищении от стихов и заплакала.

Тому же человеку Гэму-но мёбу послала горный персик, и он:

Мити но-ку-но
 Адати-но яма мо
 Моротомо-ни
 Коэба вакарэ-но
 Канасикарадзи-во

Если бы вместе
 Перешли мы через горы Адати
 Страны Митиноку,
 Не так печально
 Было бы расставаться¹⁸² —

так сказал.

И вот Гэму-но мёбу стала жить в доме у плотины.
 Как-то она отправила ему форель.

Камогава-но
 Сэ-ни фусу аю-но
 Иво торитэ
 Нэдэ косо акасэ

¹⁸² Из части второй и третьей строк танка *яма мо моротомо-ни* складывается слово *ямамомо* – «горный персик».

Юмэ-ни миэцу я

Видел ли ты во сне,
Как, не смыкая глаз до рассвета,
Я ловила тебе рыбу —
Форель, живущую в стремнине
Реки Камогава?¹⁸³

Однажды отправился этот кавалер с поручением в Митиноку. С каждой оказией он отправлял ей печальные письма, и вот узнала она, что он «заболел в пути и умер», и очень загоревала. И уже после того как она об этом известилась, со станции Синодзука вдруг с оказией приходит от него грустное письмо. Очень она опечалилась и спросила посыльного: «Когда же это написано?» Оказалось, посыльный был в пути очень долго. Тогда она:

Синодзука-но
Мумая мумая-то
Мативабиси
Кими ва мунасику
Нари дзо синикэру

В Синодзука

¹⁸³ Танка связана с поверьем: кто видит во сне, как ночью ловят форель, тот любим. Говоря о стремнине, Гэму-но мёбу намекает на силу своего чувства.

Не стало тебя,
Которого ждала я,
Все думая:
Вот сейчас, вот сейчас вернется¹⁸⁴ —

так сложила и заплакала. Этот кавалер с детства пребывал во дворце¹⁸⁵ – готовился к придворной службе; как исполнилось ему надлежащее число лет, он прошел обряд посвящения¹⁸⁶, служил при куродо¹⁸⁷ и потом занимался доставкой денег в столицу, посему и пришлось ему в сопровождении отца вскоре уехать.

¹⁸⁴ Танка содержит омонимы: *мумая* – «станция» и «вот сейчас».

¹⁸⁵ Детей и младших братьев особо высокопоставленных придворных содержали во дворце, чтобы готовить к придворной службе.

¹⁸⁶ Обряд посвящения (гэмпуку) – обряд, после прохождения которого юноша считался взрослым мужчиной.

¹⁸⁷ Куродо – приближенный императора, нечто вроде управителя, занимавшийся секретной документацией, а впоследствии ведавший и одеждой императора, его трапезами, церемониалом и т. д.

Когда скончался принц Сикибугё-но мия, а было это в последний день второй луны, пышно расцвела вишня. И Цуцуми-тюнагон сложил:

Саки нихохи
 Кадзэ мацу ходо-но
 Ямадзакура
 Хито-но ё-ёри ва
 Хисасикарикэру

Цветущая и полная аромата
 Горная вишня,
 Что живет, пока не подул ветер,
 И та оказалась долговечнее,
 Чем век людской¹⁸⁸.

На это Правый министр третьего ранга¹⁸⁹ соизволил ответить:

Хару бару-но
 Хана ва тиру томо
 Сакинубэси

¹⁸⁸ Танка помещена в *Синтёкусэнсю*, 17, где указано, что она написана Сандзё-удайдзину, правому министру, от Канэскэ.

¹⁸⁹ См. коммент. 80.

Мата ахигатаки
Хито-но ё дзо уки

Хоть и опадут цветы,
Но каждую весну
Они будут зацветать вновь.
Но до чего печальна жизнь человеческая,
[Отлетела она] – и не встретиться вновь.

Тот же самый принц, когда он еще был жив, жил во дворце Тэйдзи-ин. В дом к принцу хаживал Канэмори. Они вместе сидели за трапезой, разговаривали о том о сем. Вот умер принц, и с тех пор Канэмори было очень печально смотреть на этот дворец. Как-то, увидев, как великолепен дворцовый пруд, он очень затосковал и сложил:

Икэ ва наво
Мукаси нагара-но
Кагами нитэ
Кагэмиси кими-га
Наки дзо канасики

Пруд все еще,
Как и прежде,
С зеркалом схож,
Но тебя, смотревшегося в пруд,
Не стало – и как это горько!¹⁹⁰

¹⁹⁰ Сходная танка помещена в *Гэндзи-моногатари*.

73

Один человек был назначен наместником далекой провинции, и Цуцуми-тюнагон ждал его, чтобы устроить ему пышные проводы, но до заката он все не шел, и тогда Цуцуми-тюнагон послал сказать ему:

Вакарубэки
Кото мо ару моно-во
Хинэмосу ни
Мацу то тэ саэ мо
Нагэки суру кана

Расставанием с тобой
И так душа полна,
Но оттого, что весь день
Жду тебя, еще горше
Я вздыхаю —

так говорилось в послании, и тот в волнении поспешил прийти.

Тот же тюнагон повелел вырыть и пересадить ближе к главным палатам своего дворца росшее поодаль дерево вишни. Деревце заметно привяло, и тогда:

Ядо тикаку
 Уцуситэ ухэси
 Кахи мо паку
 Матидохо-ни номи
 Миюру хана кана

Ближе к дому
 Пересадил я
 Напрасно.
 Верно, это цветы, что
 Лишь издалека видеть можно¹⁹¹ —

так он сложил.

¹⁹¹ Танка встречается в *Госэнвакасю* (свиток 1). В предисловии сообщаются отсутствующие здесь детали: наступила следующая весна, но дерево не расцвело. Кроме того, стихотворение помещено в *Канэскэсю*.

75

И вот тот же тюнагон, когда одного человека, бывшего в чине куро́до¹⁹², назначили наместником Кага, однажды ночью очень, жалел о расставании с этим человеком и сложил:

Кими-но юку
Коси-но сираяма
Сирадзу то мо
Юки-но манимани
Ато ва тадзунэн

Хоть еще я не знаю
Той белой горы Сираяма в Коси,
Куда ты уезжаешь,
Но в снегу постепенно
По следу твоему я отыщу ее¹⁹³.

¹⁹² Куродо – см. коммент. 187.

¹⁹³ Стихотворение помещено в *Кокинсю*, 8, и в *Канзэскэсю*, автор – Канзэскэ. *Юки* – «снег» имеет омоним *юки* – «уезжать», «уходить». *Манимани* означает «постепенно» и «в то время, когда...», таким образом, складывается иной смысл четвертой строки: «Теперь, когда ты уезжаешь...»

Принцессу Кацура навещал в ее доме Ёситанэ¹⁹⁴, и вот мать ее, фрейлина королевской опочивальни, прослышав об этом, однажды заперла ворота, а Ёситанэ, весь вечер простояв в мучениях, собрался домой, промолвив: «Так ей передайте», и через щель в воротах произнес:

Коёхи косо
 Намида-но кава-ни
 Ири тидори
 Накитэ кахэру то
 Кими ва сирадзу я

Знаешь ли ты,
 Что весь вечер сегодня,
 Как птица кулик, погрузившаяся
 В реку слез,
 Плакал я и вернулся домой¹⁹⁵.

¹⁹⁴ Ёситанэ – Минамото Ёситанэ, внук императора Сэйва.

¹⁹⁵ Танка содержит частичные омонимы: *намида* – «слезы» и *нами* – «волна». *Нами, кава* и *тидори* – «волна», «река» и «кулик» – слова, составляющие комплекс *энго*.

Той же принцессе тот же кавалер:

Нагаки ё-во
 Акаси-но ура-ни
 Яку сихо-во
 Кэбури ва оора-ни
 Тати я ноборану

В долгие ночи
 От соли, что жгут
 В бухте Акаси,
 Дым в небе
 Стоит, не поднимаясь¹⁹⁶.

Так навещал он ее тайно, и вот в пятнадцатую ночь восьмой луны, когда во дворце [Тэйдзи-ин] устраивали праздник любования луной, принцессе было послано высочайшее повеление: «Приходи». Но там они никак не могли бы встретиться, и Ёситанэ удерживал ее: «Прошу тебя, не ходи туда сегодня вечером». Однако приглашение было от императора, остаться дома она не могла и спешила отправиться, тогда Ёситанэ:

¹⁹⁶ Танка помещена в *Сёкугосэнсю*, 12. Акаси – название бухты, означает также «встречать рассвет», яку – «жечь» и «сгорать от любви».

Такэтори-но
Ёё ни накицуцу
Тодомэкэму
Кими ва кими-ни то
Коёхи симо юку

Когда старец Такэтори
Безудержно слезы проливал,
Удалось ему задержать [Кагуя-химэ].
Ты же к государю
Сегодня вечером уходишь¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Танка содержит ссылку на сюжет известной повести *Такэтори-моногатари*. Героиня повести хотела покинуть приемных родителей тоже в ночь полнолуния, 15 августа, и вернуться к своему народу, обитающему на луне. Особую тонкость придает этой танка то обстоятельство, что имя принцессы – Кацура – является метафорическим обозначением луны. В сочетании *кими ва кими-ни то кими* означает «ты» и «государь», т. е. император Тэйдзи, отец принцессы Кацура. Ёё имеет три значения: 1) «коленца бамбука» (прекрасную Кагуя-химэ, героиню *Такэтори-моногатари*, нашли в бамбуке); 2) «ночи»; 3) имитация плачущего голоса; все эти три омонима создают сложную смысловую игру в танка.

78

Гэму-но мёбу во время церемонии поздравления императора с Новым годом стояла у трона, и принц в звании дансэй¹⁹⁸, увидев ее, внезапно в нее влюбился. Вручил ей послание, а она в ответ:

Утицукэ-ни
Мадофу кокоро-то
Кику кара ни
Нагусамэясуку
Омохоюру кана

Только взглянули на меня,
И вот я узнаю,
Что сердце ваше заплуталось.
Но потому и думается мне,
Что так же легко ему и утешиться¹⁹⁹.

Ответ принца тоже был, но память о нем утрачена.

¹⁹⁸ Дансэй – принц Норияки. Дансэй – чин, надзирающий за порядком и соблюдением правил.

¹⁹⁹ Танка встречается в *Синсэндайсю*, 11.

Тому же принцу та же дама:

Коридзума-но
 Ура-ни кадзукаму
 Укимиру ва
 Нами савагасику
 Ари косо ва сэмэ

Плавучие водоросли,
 Погружающиеся в воду в бухте
 Коридзума...
 Ведь могут
 Волны забушевать над ними²⁰⁰.

²⁰⁰ Танка построена на игре слов: *укимиру* – «плавучие водоросли» и «смотреть печально». Отсюда – второй смысл: печально будет, если мы снова встретимся и зашумит о нас молва. Коридзума – топоним и *коридзу* – «опрометчиво», «не проверив на опыте». *Кадзуку* («погружаться»), *миру* («водоросли»), Коридзума-но ура (бухта Коридзума) связаны по типу *энго*.

Когда у дворца императора Уда цветы были хороши необыкновенно, сыновья Нанъин-но кими²⁰¹ и другие собрались и стали слагать танка. И Мунэюки, бывший в чине укё-но ками, сложил:

Китэ мирэдо
 Кокоро мо юкадзу
 Фурусато-но
 Мукаси нагара-но
 Хана ва тирэдомо

Вот пришел и люблюсь,
 Но на сердце не радостно,
 Хоть у моих родных,
 Как и в былые времена,
 Цветы осыпаются²⁰².

Другие, наверно, тоже слагали стихи.

²⁰¹ Нанъин-но кими – принц Корэтада.

²⁰² Возможно, что стихотворение было сложено уже после смерти отца.

Когда Укон, дочь Суэнава-но сёсё²⁰³, служила во дворце покойной императрицы²⁰⁴, ныне покойный Гон-тюнагон-но кими²⁰⁵ навещал ее. Они обменялись клятвами в вечной любви, и вот Укон перестала служить во дворце и поселилась у себя дома, но он к ней уже не приходил. Однажды случилось побывать у нее кому-то из дворца, и она спросила: «Как он там? Бывает во дворце?» – «Постоянно там служит», – ответствовали ей. Тогда она послала ему:

Васурэдзи то
Таномэси хито ва
Ари то кикү
Ихиси кото-но ха
Идзути иникэму

²⁰³ Суэнава-но сёсё – Фудзивара Суэнава (?—914), сын Тисигэ. Его танка встречаются в *Синкокинсю* и в *Синсюисю*. Он был также известен искусством соколиной охоты.

²⁰⁴ Императрица – Сидзуко. Она умерла в 954 г., явно позже создания *Ямато-моногатари*. Эпитет «покойный», видимо, добавлен позднейшим переписчиком.

²⁰⁵ Гон-тюнагон-но кими – Фудзивара Ацутада (906—943), сын Тосихира. Один из «Тридцати Шести Бессмертных», искусный музыкант, игравший на бива. Существовал сборник его танка *Ацутадасю*.

«Не забуду»
Обещавший человек
Жив, узнала я.
Но слова, что он говорил,
Куда же они делись?²⁰⁶ —

так написала.

²⁰⁶ Танка помещена в *Госэнсю*, 10.

Той же даме снова долго вестей не было, а потом как-то ей прислали фазана²⁰⁷. В ответ она:

Курикома-но
Ама-ни аса тацу
Кидзи ёри мо
Кари ни ва аваdzi
То омохиси моно-во

Больше, чем фазан,
Взлетающий утром
С горы Курикома,
Думаю я о том, что
Не придется мне встретиться с охотником²⁰⁸ —

так сказала.

²⁰⁷ Комментаторы Абэ Тосико и Имаи Гэнъэ предполагают, что посланной фазана (*кидзи*) Ацутада хотел сказать ей, что «не придет» (*кодзи*).

²⁰⁸ В танка обыгрываются омонимы: *кари* – «охота» и *кари* – «временный», «обманный». Отсюда – второй смысл: «Не думала я, что наши встречи временны». Курикома – гора, знаменитая изобилием фазанов, там часто устраивалась соколиная охота. Танка помещена в *Кокинрокутё*, 2 (раздел «Фазаны») (две последние строки иные), а также в *Фумокусё*, 20 (раздел «Горы»), с припиской: «Автор неизвестен».

У той же дамы, когда она жила в дворцовых покоях, был возлюбленный, который навещал ее тайно; он был в чине главы дворцовой управы и постоянно находился во дворце.

Однажды в дождливую ночь он подошел к шторке двери ее комнаты; она же не знала этого и, так как дождь просочился внутрь, перестилала соломенную подстилку. При этом она сказала:

Омофу хито
Амэ-то фурикуру
Моно нараба
Вага мору токо ва
Кахэсадзарамаси

Если бы
Тот, кого люблю,
Был дождем, который льется сюда,
Не меняла бы я
Свое ложе, на которое каплет вода²⁰⁹.

²⁰⁹ Танка обыгрывает омонимы: *мору* – «течь» и *мору* – «охранять»; *кахэсадзарамаси* – «не стала бы менять» комментаторы связывают с *уракаэсанай* – «не предает», «не обманывает» и *каэсанай* – «не уходит домой», «не покидает».

Так она произнесла. Он был очарован этими стихами и тут же вошел к ней в комнату.

Та же дама впоследствии сказала кавалеру, который давал ей множество клятв, что не забудет, но позабыл:

Васураруру
Ми-во ба омовадзу
Тикахитэси
Хито-но иноти-но
Осику мо ару кана

Уж не думаешь с любовью
Обо мне, которую позабыл.
Но как мне жаль
Жизнь человека,
Который давал клятвы²¹⁰.

²¹⁰ Укон хочет сказать, что нарушившего клятву могут наказать боги. Танка помещена в *Сюисю*, 14, *Кокинрокутё*, 5 (раздел «Клятвы»). В некоторых книгах приписывается Цураюки.

О той же Укон пошли слухи, будто к ней ходит Момодзоно-но сайсё-но кими, министр Персикового сада²¹¹, и прочую напраслину говорили люди. Тогда она послала министру:

Ёси омохэ
Ама-но хировану
Уцусэкахи
Мунасики на-во ба
Тацубаси я кими

Подумай хорошенько —
Ведь рыбак не собирает
Пустых раковин.
Неужели пустые слова
О нас говорят?²¹² —

так сложила.

²¹¹ Министр Персикового сада – Фудзивара Мороудзи (913—970), сын Тадахира, занимал пост министра с 944 по 955 г.

²¹² В этой танка три первые строки представляют дзё к слову *мунасики* — «напрасный».

В первый день нового года во дворец к дайнагону²¹³ пришел Канэмори, беседовали они о том о сем, и вдруг дайнагон говорит Канэмори: «Сложи стихотворение». И тот сразу же так прочитал:

Кэфу ёри ва
 Оги-но якэхара
 Какивакэтэ
 Вакана цуми-ни то
 Тарэ-во сасоваму

Кого же, [как не тебя], позвать мне с собой,
 С кем отныне,
 Пробираясь
 По полю с выжженным папоротником,
 Буду срывать молодые травы?

Дайнагону же это безмерно понравилось, и он ответил:

Катаока-ни
 Вараби моэдзу ва

²¹³ Дайнагон – Фудзивара Акитада (898—965), сын Тосико, правый министр, в чине дайнагона (чин, предшествующий правому министру) с 948 по 958 г.

Тадзунэцуцу
Кокоро яри ни я
Вакана цумамаси

Даже если еще не вырос
Папоротник на крутых холмах,
Все равно пойду с тобой
Собирать молодые травы,
Чтоб душе обрести отраду.

Так он сложил.

Кавалер, состоявший в чине хёго-но дзо²¹⁴ и наезжавший в провинцию Тадзима, оставил свою тамошнюю возлюбленную и отправился в столицу. И вот, когда начал падать снег, она сложила:

Ямадзато-ни
Вага-во тодомэтэ
Вакарэдзи-но
Юки-но мани мани
Фукаку нарураму

В горной деревушке
Меня оставил,
И вот на дороге, которой идешь, расставшись со
мною,
Снег постепенно
Становится все глубже²¹⁵ —

и ему отправила, а он в ответ:

Ямадзато ни

²¹⁴ Хёго-но дзо – чин оружейного приказа третьего ранга.

²¹⁵ В танка обыгрываются омонимы: *юки* – «снег» и *юки* – от *юку* – «идти», «уходить». «И все больше, – хочет сказать поэтесса, – растёт твое ко мне равнодушие».

Каёфу кокоро мо
Таэнутэси
Юку мо томару мо
Кокоробососа-ни

В горную деревушку
Протянувшиеся нити сердца
И те порвались.
Верно, причиной одиночество,
Что охватило меня, уходящего, и тебя, оставшуюся
—

так ответил.

Тот же придворный как-то собрался ехать в страну Ки и молвил: «Холодно». Послал он к своей возлюбленной человека за одеждами, а она:

Ки-но куни-но
 Муру-но кохори-ни
 Юку хито ва
 Кадзэ-но самуса мо
 Омохисирарадзи

В страну Ки,
 В уезд Муру²¹⁶,
 Уезжающий
 Холода от ветра
 Не должен бы чувствовать.

Кавалер же в ответ:

Ки-но куни-но
 Муру-но кохори-ни
 Юкинагара
 Кими то фусума-но
 Наки дзо вабисики

²¹⁶ Название уезда Муру означает «чулан», «комната».

В страну Ки,
В уезд Муру,
Уезжаю,
Но как горько мне, что нет со мной
Тебя и теплых одежд²¹⁷.

²¹⁷ Слово *фусума* теперь означает раздвижную дверь, раньше обозначало вид одежды, позднее – одеяло. Слово *фусу* имеет значение «лежать». Второй смысл последних строк танка: «Как жаль, что не могу лежать с тобой».

Когда госпожа Сури-но кими²¹⁸ была возлюбленной Мума-но ками, главы правого конюшенного приказа²¹⁹, как-то он передал ей: «Путь прегражден, поэтому я отправляюсь в другое место, к вам сегодня прийти не смогу», и она:

Корэ нарану
 Кото-во мо охоку
 Тагафурэба
 Урамиму ката мо
 Наки дзо вабисики

Не только в этом —
 И в другом нередко
 Свои намерения меняешь.
 И как же грустно мне, что не найду
 Я средства упрекать тебя!²²⁰

Но вот глава правого конюшенного приказа пере-

²¹⁸ Сури-но кими – личность ее неизвестна. Видимо, ее отец или брат ведал ремонтными работами (*сури*).

²¹⁹ Глава правого конюшенного приказа (мума-но нами, ума-но ками) – его личность не установлена.

²²⁰ В танка обыгрываются омонимы: *ката* – «путь» и *ката* – «способ», т.е. «Как грустно, что нет к тебе пути».

стал бывать у нее, тогда она сложила и отправила ему:

Икадэ наво
Адзиро-но хиво-ни
Кото товаму
Нани-ни ёритэ ка
Вага-во товану то

Что ж,
У рыбки хио в адзиро²²¹
Спрошу:
Отчего же он
Ко мне не приходит? —

так там говорилось, а в ответ:

Адзиро ёри
Хока ни ва хиво-но
ёру моно ка
сирадзу ва удзи-но
хито-ни тохэкаси

Кроме адзиро,
Разве рыбка хио
куда-нибудь заходит?
Если не знаешь, спроси

²²¹ Адзиро – верша для ловли рыбы. Танка кроме *Ямато-моногатари* помещена в *Сюисю*, 17.

У кого-нибудь из Удзи!²²²

И когда снова стал он ее посещать, как-то, вернувшись от нее, он утром сложил:

Акэну то тэ
Исоги мо дзо суру
Афусака-но
Кири татину томо
Хито-ни кикасу на

Уж рассветает, говорят мне,
И поспешно
Со склона Афусака
Туман поднялся,
Но людям о том не рассказывай²²³.

А когда он впервые побывал у нее, он сложил:

²²² Автор танка хочет сказать, что он не ходит ни к какой другой даме. Удзи – название местности, славящейся обилием рыбы. Кроме того, *удзи* – «род», «племя», т. е. «Если не знаешь, то спроси у кого-нибудь из моих домашних».

²²³ Непонятно, от чьего имени написана эта танка. Хотя по тексту она приписана кавалеру, ее содержание скорее позволяет предположить авторство дамы. В названии Афусака присутствует глагол *афу* – «встречаться», т. е. в танка употреблено *какэкотаба*. Кроме того, обыграны омонимы: *тацу* – «вставать» (о тумане) и «уходить». Иной смысл танка: «Ты говоришь, что уже рассвело и надобно мне спешить домой, покинув место нашей встречи. И вот я ушел. Ты никому о нас не рассказывай».

Ика-ни ситэ
Вага ва кизнаму
Сирацую но
Кахэритэ ноти-но
Моно ва омовадзи

Ах, мне бы
Умереть, как тает
Белая роса,
Чтобы, вернувшись домой,
Не мучиться от любви²²⁴.

Ответом было:

Каки хо нару
Кими га асагахо
Митэ сигана
Кахэритэ ноти ва
Моно я омофу то

О, как бы мне увидеть
У изгороди твоего дома
Вьюнок «утренний лик»!
Чтоб узнать – вот вернулся,
А помнишь ли обо мне?²²⁵

²²⁴ *Кизнаму* – «таять» и *кахэру* – «уходить домой» стягиваются в *киэкахэру* – «любить до смерти».

²²⁵ *Асагахо* (*асагао*) – «утренний лик» – название вьюнка, содержит

С той же дамой клятвами обменявшись, он вернулся
домой и сложил:

Кокоро-во си
Кими-ни тодомэтэ
Ки-ни сикаба
Моно омофу кото ва
Вага-ни я аруран

Сердце мое
У тебя оставив,
Домой вернулся.
Как же могло случиться,
Что я полон любви?

Ответом было:

Тамасихи ва
Окасики кото мо
Накарикэри
Ёродзу-но моно ва
Кара-ни дзо арикэри

Душа, сказали вы...
Но ничего особого
В ней и нет.

слово *као* – «лицо», т.е. «хотела бы я взглянуть на твое лицо, чтобы
проверить, правдивы ли твои слова».

Ведь все
Находится в теле²²⁶.

²²⁶ По толкованиям некоторых комментаторов, две последние строчки означают: ведь, помимо вас, все может быть лишь пустой оболочкой.

С той же дамой вел переписку покойный Хёбугё-но мия²²⁷. Однажды он известил ее: «Буду у вас», а она ответила:

Такаку томо
 Нани-ни кавасэн
 Курэтакэ-но
 Хитоё футаё-но
 Ада-но фуси-во ба

Хоть и высоки,
 Но чем они станут —
 Всего один или два —
 Те бамбуковые коленца?
 Что в них будет проку?²²⁸

²²⁷ Хёбугё-но мия – принц Мотоёси (890—943), сын императора Ёдзэй. Существует императорский сборник *Мотоёсими-когосю*. Мотоёси известен своими талантами в изящных искусствах.

²²⁸ Курэтакэ – бамбук из Курэ – принятое метафорическое название высокородных аристократов. Ё – «коленца бамбука», а также «ночь». Фуси – «коленца бамбука» и «времяпрепровождение». Отсюда – второй смысл: «Если нам предстоит всего одна-две ночи, то такое времяпрепровождение напрасно».

Когда правый министр третьего ранга состоял еще в чине тюдзё²²⁹, он однажды был назначен гонцом на праздник²³⁰ и отправился туда. Прошло долгое время с тех пор, как он порвал с дамой, которую часто навещал раньше, а тут перед отъездом он попросил ей передать: «По такому-то поводу я собираюсь уехать. Понадобился мне веер, пришлите, пожалуйста». А она была женщина тонкого вкуса и, вознамерившись все отправить в надлежащем виде, послала веер очень изысканной расцветки, сильно ароматами пропитав. А на обороте веера по краю написала:

Ююси то тэ
Иму томо има ва
Кахи мо арадзи
Уки-во ба корэ-ни
Омохи ёсэтэму

Пусть это считают плохой приметой,
Остерегаются, но теперь

²²⁹ Правый министр третьего ранга Фудзивара Садаката был в чине тюдзё с 906 по 913 г.

²³⁰ Видимо, Садаката был назначен гонцом с подношениями от императора синтоистским божествам ками по случаю праздника в храме Камо-дзиндзя.

Для меня нет в этом толка.
Печаль свою в подарок
Вложив, посылаю²³¹.

Прочитав это, он нашел стихи полными очарования
и в ответ:

Ююси то тэ
Имикэру моно-во
Вага тамэ-ни
Наси то ивану ва
Та га цураки нари

То, что считают плохой приметой
И чего надо остерегаться,
Вы мне прислали.
«Нет» не сказали же вы.
Кому же должно быть горько?²³²

²³¹ Танка помещена в *Сюисю*, 19, последние две строки изменены, а также в *Кокинрокутё*, 5 (раздел «Веера»), с небольшими изменениями. С наступлением осени и приходом осеннего ветра веерами переставали пользоваться. В это время посылка веера была плохой приметой и предвещала разрыв отношений. Но поскольку кавалер уже оставил даму, она и говорит, что примета не может ее испугать.

²³² Танка помещена в *Сандзёудайдзинсю*, пятая строка «цураки нарикэри», а также в *Кокинрокутё*, 5 (раздел «Веера»), с небольшими изменениями. Автор хочет выразить ту мысль, что он обратился к даме с просьбой, не зная о существовании такой приметы, и раз она не отказала ему и прислала веер, то именно от нее исходит инициатива разрыва, что очень горько для него.

Покойный ныне Гон-тюнагон²³³ в первый день двенадцатой луны того года, когда он навещал Хидари-но Оидоно-но кими²³⁴:

Моноомофу то
Цуки хи-но юку мо
Сирану ма ни
Котоси ва кэфу-ни
Хатэну то ка кики

Полон любовью к тебе,
Как идут дни и месяцы —
Не различаю.
И в этом году, сегодня,
все будет кончено – слышу я²³⁵ —

²³³ Гон-тюнагон – Ёситада. Тюнагон – придворный чин ниже дайнагона (см. примеч. 213). Гон и маса – два различных звания внутри этого чина. Обязанности дайнагона и тюнагона сходны; в частности, в них входила охрана государственных тайн.

²³⁴ Хидари-но Оидоно-но ними – видимо, речь идет о дочери Фудзивара Тадахира (880—949), который занимал пост хидари-но оидоно (левого министра) с 924 по 936 г.

²³⁵ Танка встречается в *Госэнсю*, 8, а также в *Ёситадасю* с несколькими текстами, кроме того, в *Кокинрокутё*, 1 (раздел «Конец года»). Танка со сходным содержанием имеется в *Гэндзи-моногатари*.

так сложил. И еще:

Ика-ни ситэ
Каку омофутэфу
Кото-во дани
Хито дзутэ нара-дэ
Кими-ни катараму

С такою силой
Люблю тебя!
Хоть ради этого
Позволь поговорить с тобой самой,
А не через людей...²³⁶ —

вот так он все говорил ей, и наконец встретились
они, а на следующее утро он написал ей:

Кэфу сохэ-ни
Курадзарамэ я ва
То омохэдомо
Таэну ва хито-но
Кокоро нарикэри

И сегодня
Может ли солнце не зайти?
Хоть и знаю это,
Но снести [ожидания не в силах].

²³⁶ Танка помещена в *Госэнсю*, 13, и в *Ёситадасю*. В *Сюисю*, 11, несколько отличаются первая и пятая строки.

Вот каково мое сердце²³⁷.

²³⁷ Танка включена в *Госэнсю*, 12, и *Ёситадасю*.

Тот же тюнагон с давних пор посещал Сайгу-но мико²³⁸. Однажды должны были они назавтра встретиться, но по гаданию выпало ей стать жрицей в храме Исэ. Что тут было ему говорить? Он опечалился безгранично. И затем так сложил:

Исэ-но уми
Тихиро-но хама-ни
Хирофу то мо
Има ва кахи нау
Омохоюру кана

У моря Исэ,
Вдоль берега в тысячу хиро длиной,
Их собирают,
Но уж теперь там раковин нету —
Так мне думается²³⁹.

²³⁸ Сайгу-но мико – имеется в виду принцесса Масако (910—954), дочь императора Дайго. Сайгу-но мико – жрица в храме Исэ. Масако стала жрицей в 931 г., когда Ёситада было 26 лет, а ей – 22 года.

²³⁹ Танка содержит выражение *кахи нау* – «нет раковин», имеющее омоним со значением «бесполезно», «напрасно». Таким образом, складывается второй смысл танка: «любить напрасно». Первые три строки представляют собой *дзэ* к этому выражению. Слова «море Исэ» и *сайгу* – «жрица» – «связанные слова», *энго*. Танка помещена в *Кокинрокутё*, 5, автор – Ёситада, в *Госэнсю*, 13, две последние строки

Вот каково было его стихотворение.

несколько иные. В *Ёситадасю* две последние строки гласят: *има ва нами ситэ кахи ка арубэки* – «Что теперь ни делай, все напрасно».

После того как скончалась Госпожа из Северных покоев, супруга ныне покойного Накацукаса-но мия²⁴⁰, он взял с собой маленьких детей и поселился у правого министра Сандзё-удайдзина²⁴¹. Когда срок траура кончился, понял он в конце концов, что не годится так жить одному, и стал подумывать о том, чтобы вскоре взять в жены Ку-но кими, младшую сестру Госпожи из Северных покоев. Родители и братья ее относились к этому благосклонно: «Отчего же нет? Пусть так и будет». Но вдруг случилось так: он узнал, что она в переписке с Сахёэ-но ками-но кими²⁴², главою левого конюшенного приказа, служившим тогда смотрителем дворцовых покоев. И вот, то ли это было ему неприятно, но он переехал в свое прежнее жилище. Тогда из дома правого министра, от его супруги:

Наки хито-но

²⁴⁰ Накацукаса-но мия – принц Нориаки (?—987), сын императора Дайго.

²⁴¹ Сандзё-удайдзин – отец покойной супруги Нориаки, Фудзивара Садаката.

²⁴² Сахёэ-но ками-но кими – Фудзивара Моромаса (920—969). Имел ранг садайдзина – левого министра. На посту главы левого конюшенного приказа находился в 947—953 гг.

Сумори-ни дани-мо
Нарубэки-во
Има ва то кахэру
Кэфу-но канасиса

В память
О той, кого не стало, в гнездышке
Остаться бы тебе.
Но вот ты вернулся домой.
Какая же печаль сегодня!²⁴³

А принц в ответ:

Сумори-ни то
Омофу кокоро ва
Тодомурэдо
Кахи ару бэку мо
Наси то косо кикэ

В гнездышке
Думало сердце
Остаться.
Но услышал я:
Яйца там появиться не могут²⁴⁴ —

²⁴³ Танка содержит омонимы: *кахэру* – «высиживать» и «оставлять», «покидать», «возвращаться домой». *Сумори* означает «остаться в гнезде, чтобы высиживать еще не вылупившихся птенцов», а также «сторожить заброшенное место», т. е. второе значение стиха: «Остался бы ты в гнезде, чтобы высиживать птенцов».

²⁴⁴ Танка содержит омонимы: *кахи* – «яйцо» и *кахи* – «толк», «смысл».

так сложил.

Таким образом, танка означает еще: «Нет смысла оставаться».

Та же фрейлина опочивальни правого министра после того, как император скончался, завязала сердечные отношения с Сикибугё-но мия²⁴⁵. И вот неизвестно отчего, но он перестал у нее бывать. В это самое время приходит ей послание от Сайгу²⁴⁶, она в ответ пишет, что Сикибугё-но мия к ней не приходит, а еще в письме:

Сираяма-ни
 Фуриниси юки-но
 Ато таэтэ
 Има ва косидзи-но
 Хито мо каёвадзу

В горах Сираяма
 От навалившего снега
 След пропадает.
 И вот приходивший, бывало,
 Человек уж не навещает меня²⁴⁷ —

²⁴⁵ Сикибугё-но мия – принц Ацуми (893—967), сын императора Уда, единокровный брат императора Дайго, интересовался музыкой.

²⁴⁶ Сайгу – принцесса Явако, единокровная сестра принца Ацуми (см. 103).

²⁴⁷ Танка содержит омонимы: *фуриниси* – «шел», «падал» (о снеге) и «постарела», *юки* – «снег» и «уходить», *Коси* – название провинции, где находится гора Сираяма, и «приходил», т. е. «Ко мне, постаревшей, он

так гласило послание.

Был и ответ, но в книге он не приводится²⁴⁸.

совсем перестал приходить». Приводится в *Госэнсю*, 8, и в *Кокинрокутё*, 2, в разделе «Горы», с небольшими изменениями.

²⁴⁸ Эта фраза, видимо, принадлежит переписчику. Под книгой, вероятно, имеется в виду текст, с которого делался список.

Итак, Ку-но кими стала женой Дзидзю-но кими, управителя дворцовых покоев. В это время как раз принц перестал навещать фрейлину опочивальни, и Хидари-но отодо, левый министр²⁴⁹, бывший тогда в чине уэмон-но ками, стал переписываться с ней. Узнав, что тот господин [Дзидзю-но кими] стал зятем [Фудзивара Садаката], он послал фрейлине:

Нами-но тацу
 Ката мо сиранэдо
 Ватацуми-но
 Ураямасику мо
 Омохоюру кана

Где вздымающиеся волны
 Пути своего не знают —
 Моря равнина.
 О, какую зависть
 Испытываю я!²⁵⁰

²⁴⁹ Хидари-но отодо (левый министр) – Фудзивара Санзёри (900—970). Был в этом чине с 947 по 967 г.

²⁵⁰ Танка основана на игре омонимов: *ката* – «сторона», «путь», «направление» и «залив». *Ура* — часть слова *ураямасий* («чувствовать зависть») – означает «бухта». *Ватацуми* – дзё к слову *ура*.

Когда скончалась Госпожа из Северных покоев, [супруга] Окиотодо²⁵¹, и шел месяц траура, стали готовиться к церемонии очищения. И вот в это время, однажды ночью, когда луна была очень красива, Окиотодо вышел на веранду, его охватила глубокая печаль, и тогда:

Какурэниси
 Цуки ва мэгуритэ
 Идэкурэдо
 Кагэ-ни мо хито ва
 Миэдзу дзо арикэри

Скрывшаяся
 Луна, сделав круг,
 Появляется снова.
 А человек даже тенью
 Не является более²⁵².

²⁵¹ Окиотодо – Фудзивара Тадахира (см. коммент. 234). Его супруга – Есико, дочь императора Уда, мать Санзёри. Скончалась 4-го дня 4-й луны 925 г. (3-й год Энтё).

²⁵² *Какурэ* – «скрыться» (о луне) и метафорическое «скончаться». *Кагэ* – «свет луны» и «тьень», «облик», «силуэт». Слова *какурэ*, *цуки*, *мэгури*, *кагэ* составляют *энго*. Танка встречается в *Сёкугосэнвакасю*, 18.

У того же министра скончалась супруга Сугавара-но-кими, матушка Хидари-но отодо, левого министра²⁵³, и, когда кончился траур, император Тэйдзи известил об этом дворец и были разрешены цвета²⁵⁴. Тогда министр оделся в яркие одежды светло-красного цвета на ярко-красной подкладке и, явившись во дворец императрицы²⁵⁵, сказал: «Получил я радостное известие из дворца – вот позволено мне носить этот цвет». И так сложил:

Нугу-во номи
 Канаси-то омохиси
 Накихито-но
 Катами-но иро ва
 Мада мо арикэри

Лишь снимать одежды [траура по тебе]
 Печально, думал я.
 Но и эти цвета —

²⁵³ Хидари-но отодо (см. 249) – Фудзивара Санээри.

²⁵⁴ Разрешены цвета – для ношения одежд ярко-лилового, алого и других цветов после окончания траура требовалось специальное разрешение императора.

²⁵⁵ Ацуко (885—954) – старшая сестра Тадахира, супруга императора Уда, дочь Фудзивара Мотоцунэ.

Тоже память

О той, кого нет²⁵⁶.

Сложив так, он заплакал. В те времена он был еще
в чине тюбэн²⁵⁷.

²⁵⁶ Разрешенные цвета тоже напоминают Тадахира об утрате, так как
этим разрешением он обязан императору Уда, отцу покойной жены.

²⁵⁷ Тюбэн – чин между сёнагоном и советником.

Назначенный спутником в путешествии императора Тэйдзи, левый министр отправился в Ои. На горе Огура было множество прекрасных кленовых листьев. Безмерно очарованный, он сказал: «Как раз предстоит августейший выезд, и такое любопытное место. Непременно предложу государю приехать сюда». Так он сказал. А потом:

Огура яма
 Минэ-но момидзи си
 Кокоро араба
 Има хитотаби-но
 Миюки матанаму

О кленовые листья на пике
 Горном Огура!
 Когда б у вас было сердце,
 То подождали бы вы,
 Пока приедет сюда государь!²⁵⁸ —

так сложил.

²⁵⁸ Автор хочет сказать, что если бы кленовые листья обладали душой, то не осыпались бы до приезда императора. Танка помещена в *Сюисю*, 17, а также в *Окагами*, в разделе «Старинные повести» (Фурумоногатари), вторая строка: *момидзи-но иро мо*.

И вот, воротясь, он доложил обо всем, государю его рассказ показался любопытным, и был предпринят августейший выезд в Ои.

100

Когда Суэнава-но сёсё²⁵⁹ жил в Ои, император Уда изволил сказать: «Вот начнется пышное цветение, непременно приеду смотреть». Но позабыл об этом и не приехал. Тогда сёсё:

Тиринурэба
Куясики моно-во
Оховигава
Киси-но ямабуки
Кэфу сакаринари

Если осыплются цветы,
Как будет жаль!
У реки Ои,
На берегу, дерево ямабуки
Сегодня в полном цвету²⁶⁰ —

так говорилось в его послании, и император, найдя его полным очарования, спешно прибыть соизволил и любовался цветением.

²⁵⁹ Суэнава-но сёсё – см. коммент. 203.

²⁶⁰ Танка помещена в *Синсюисю*, 2, а также в *Фумокусё*, 6.

Тот же Суэнава-но сёсё очень страдал от болезни и, когда ему однажды стало немного легче, отправился во дворец. Было это в ту пору, когда правитель Оми, Кимутада-но кими, занимал должность камори-но сукэ²⁶¹ и одновременно выполнял обязанности куродо. Встретившись с этим камори-но сукэ, Суэнава говорит ему: «Недомогания мои еще не прошли, но что-то стало мне так тяжело и беспокойно на сердце, что я решился прийти сюда. Что дальше будет – не знаю, но вот пока я еще жив. Сейчас я возвращаюсь к себе и приду во дворец лишь послезавтра. Прошу вас доложить об этом императору». Сказав так, Суэнава покинул дворец. Три дня минуло, и вот из его дома приносят письмо:

Куясику дзо
 Ноти ни аваму то
 Тигирикэру
 Кэфу-во кагири-то
 Ивамаси моно-во

О, как жаль,

²⁶¹ Камори-но сукэ – должность придворного, в чьи прерогативы входило дворцовое строительство, оборудование дворца, уборка помещений.

Что «Встретимся потом»

Поклялся я.

«Сегодня видимся последний раз», —

Надобно мне было сказать²⁶².

Только это и было написано в послании. Без меры перепуганный, Кимутада заплакал и спросил у посыльного: «Как он там?» Гонец, промолвив: «Очень ослаб», тоже залился слезами, только рыдания и были слышны, ни слова больше Кимутада от него не мог узнать. «Я сейчас сам к нему отправлюсь», — сказал Кимутада и послал к себе домой за каретой и, пока ждал, не находил себе места и изнемогал от тревоги. Выйдя к воротам коноэ²⁶³, он стоял там и ожидал карету и, как только долгожданный экипаж был подан, тут же сел и отправился. Приблизившись к дому сёсё, что был на Пятой линии, он увидел, что в доме царит суматоха, а ворота заперты. Сёсё уже скончался²⁶⁴. Кимутада попробовал было возвестить о своем приходе, но все было напрасно. Крайне опечаленный, в слезах, он вернулся домой. И вот доложил он государю по порядку, как все это происходило, и государь тоже беспредельно сожалел.

²⁶² Танка помещена в *Синкокинсю*, 8.

²⁶³ Коноэ – ворота, находящиеся к востоку от императорской резиденции, вторые по счету с севера.

²⁶⁴ Суэнава умер в марте 919 г. (19-й год Энги).

Человек по имени Сакаи-но Хитодзанэ²⁶⁵, бывший наместник Тоса, заболел и очень ослаб, и вот, отправляясь домой, в Тоба²⁶⁶, он сложил:

Юку хито ва
 Соно ками кому-то
 Ифу моно-во
 Кокоробососина
 Кэфу-но вакарэ ва

Человек, собираясь в путь,
 Всегда обещает:
 «Вернусь!»
 Как же горько мне
 Сегодняшнее расставание!²⁶⁷

²⁶⁵ Сакаи-но Хитодзанэ (?—917). Его танка есть в *Кокинсю*.

²⁶⁶ Название местности в Киото, в районе Фусими.

²⁶⁷ Автор танка хочет сказать, что не может быть уверен в своем возвращении домой, ибо болезнь подтачивает его силы. Танка помещена в *Кокинрокутёсю*.

Хэйтю в ту пору жизни, когда он больше всего увлекался любовью, отправился как-то в торговые ряды. В те времена вся знать нарочно ходила туда, чтобы играть в любовь. Было это в тот день, когда приехали туда же и фрейлины ныне покойной государыни. Хэйтю заинтересовался одной из них и безгранично полюбил ее. Затем послал ей письмо. Дамы стали переговариваться: «Здесь, в коляске, много людей. Кому бы это письмо?» Тут кавалер говорит:

Момосики-но
 Тамото-но кадзу на
 Мисикадомо
 Вакитэ омохи-но
 Иро дзо кохисики

Придворных дам ста разных рангов
 Рукава в большом числе
 Видны мне,
 Но особо мне любви
 Цвет мил²⁶⁸ —

²⁶⁸ *Момосики* (момосики-но – макура-котоба) означает «придворные всех рангов» и «множество». *Хи* в слове *омохи* («любовь») означает «алый». Танка помещена в *Сёкугосэнсю*, 11, *Кокинрокутё*, 5, с некоторыми изменениями, в *Хэйтю-моногатари*, 38.

так он сказал, а дело шло о дочери правителя Мусаси. Это она была в ярко-алом одеянии, ею и были поглощены все его мысли. Впоследствии от этой дамы из Мусаси он получил ответ, и обменялись они клятвами. Облик ее был прекрасен, волосы длинные, была она очень юной. Многие, очень многие были полны любви к ней, но она была со всеми горда, и возлюбленного у нее не было. Однако так просил ее Хэйтю в письмах, что они все же встретились. Но наутро он даже письма ей не прислал. И так до самой ночи не дал о себе знать. В унынии она встретила рассвет, ждала весь следующий день, но письмо не пришло. Ждала и эту ночь, а наутро прислужницы ей говорят наперебой: «Вы встретились с тем, что слывет таким ненадежным. Пусть даже сам он не мог прийти, но как дурно, что он и письма не послал». В душе она и сама так думала, да еще люди так говорили, и вот от печали и досады она расплакалась. Ночью, думая: может, все же придет, ждала его, но он опять не явился. На следующий день снова даже письма не прислал. Так без всяких известий от него прошло дней пять-шесть. Дама все только слезами заливалась, в рот ничего не брала. Рассыльные и служанки говорят ей: «Полно! Не кручиньтесь так! Ведь не кончилась на этом жизнь. В свете о случившемся никто не знает, порвалась эта связь, завяжете иную». Ничего не молвив в ответ, она затворилась в своих по-

коях, даже прислуге не показывалась, обрезала волосы, бывшие такими длинными, и собственной волей в монахини постриглась. Прислуга столпилась, плачет, но все уговоры уже напрасны. Дама говорит: «Так тяжело мне, что умереть готова, но смерть все не приходит. Став монахиней, буду хоть свершать обряды и молиться. Так что не поднимайте шума, не переполошите людей». А дело было вот как: Хэйтю наутро после встречи хотел было послать к ней посыльного, но вдруг зашел за ним начальник управления провинции, пригласил его на прогулку, поднял дремавшего Хэйтю: «До сих пор вы спите?» Так, гуляючи, он завел Хэйтю довольно далеко. Пили вино, шумели и не отпустили Хэйтю. Едва он вернулся, надо было сопровождать в Ои императора Тэйдзи. Там он провел две ночи, служа императору, и сильно охмелел. Наступил рассвет, государь вернулся, и Хэйтю собрался идти к даме, но «путь был прегражден», и тогда с собравшимися придворными отправился он в иное место. Как, должно быть, она волнуется, не понимая, в чем дело, с любовью думал он. Вот уж сегодня – хоть бы скорее стемнело – он отправится к ней и сам расскажет обо всех обстоятельствах, да и письмо пошлет, размышлял он, когда хмель отлетел от него, и собрался идти к ней. Но тут постучали в дверь. «Кто там?» – спросил Хэйтю. «Хотим кое-что сообщить господину младшему упра-

вителью²⁶⁹», – говорят ему. Посмотрел он в щелку, а там стоит прислужница той дамы. Сердце его забилося. «Иди сюда», – сказал он, взял письмо, посмотрел, а внутри источавшей аромат бумаги оказалась отрезанная прядь ее волос, свернутая кольцом. Полный недоумения, смотрит он, что там написано в письме, и видит:

Ама-но кава
Сора нару моно-то
Кикисикадо
Вага мэ-но маэ-но
Намида нарикэри

Небесная река
На небе есть —
Так я слышала.
Но это – из моих глаз
Льющиеся слезы²⁷⁰ —

так было написано. Понял он, что она, видно, ста-

²⁶⁹ В то время Хэйтю занимал пост младшего управителя правого конюшенного приказа.

²⁷⁰ *Ама* имеет значение «небо» и «монахиня», *сора* – «небо» означает также «пустой», «никчемный», эти два ряда соединяются воедино словосочетанием Ама-но кава – Небесная река, Млечный Путь, т. е. «Слышала я, что река Монахинь – пустое дело, но из глаз моих льются слезы». *Намида* – «слеза» – *энго* к слову «река». Танка встречается в *Хэйтю-моногатари*, 38.

ла монахиней, и в глазах у него потемнело. В смятении спрашивает он прислужницу, а та отвечает: «Уже совершен постриг. Оттого дамы и вчера и сегодня беспрестанно плачут и скорбят. Даже у таких ничтожных, как я, сердце болит за нее. Такие прекрасные волосы обрезаны!» Сказав это, она расплакалась, и тут кавалер погрузился в глубокую печаль. «Как же это так, из-за его любовных походов оказалась она в таком ужасающем положении!» – терзался он, но терзания его уже были напрасны. Плача, написал он ей в ответ:

Ё-во вабуру
Намида нагарэтэ
Хаяку то мо
Ама-но кава-ни ва
Са я ва нарубэки

Этот мир оплакивающие
Слезы льются,
Но так поспешно
В реку Небесную
Превращаться надо ли?²⁷¹

²⁷¹ Последние две строки танка означают: надобно ли было становиться монахиней (*ама-но кава* – «река» и *ама* – «монахиня»). Слова *намида* – «слеза», *нагарэ* – «течение», *хаяку* – «быстро», *кава* – «река» связаны по типу *энго*. Танка встречается в *Хэйтю-моногатари*, 38, в *Кондзяку-моногатари*, 30 («Повесть о том, как женщина, повстречавшая Хэйтю, приняла постриг», № 2).

«И сверх этого ничего сказать не могу. Сам вскорости к ней буду», – сказал Хэйтю. И вот он действительно пришел. Дама же в это время затворилась в гардеробной. Рассказал он челяди, как все было, обо всех препятствиях и зарыдал – никак не мог унять слез. «Позвольте мне с вами поговорить. Хоть голос ваш дайте услышать!» – говорил он, но ответа ему все не было. Не знала она, какие помехи стали на его пути, и, видно, подумала, что он говорит с ней из жалости. А кавалер был неподдельно глубоко опечален²⁷².

²⁷² Этот дан имеется в *Хэйтю-моногатари* и *Кондзяку-моногатари*.

Письмо Сигэмото-но сёсё²⁷³ от дамы:

Кохисиса-ни
 Синуру иноти-во
 Омохи идэтэ
 Тофу хито араба
 Наси-то катахэё

От любви
 Прервавшуюся жизнь мою
 Вспомнив,
 Если спросит кто-нибудь обо мне,
 Ответ: уж нет ее²⁷⁴.

Сёсё в ответ:

Кара-ни дани
 Вага китаритэхэ
 Цую-но ми-но
 Киэба томо-ни то
 Тигири окитэки

Даже останкам ее

²⁷³ Сигэмото-но сёсё (?—931) – сын дайнагона Фудзивара-но Мотоцунэ.

²⁷⁴ Танка имеется в *Синкокинсю*, 14.

Пусть скажут, что я приходил.
Ведь если, подобно росе,
Таять – то вместе.
Такую давали мы клятву.

Дочь Накаки-но Оми-но сукэ стала духами одержима²⁷⁵ и заболела. Врачевателем²⁷⁶ ее стал послушник Дзёдзо-дайтоку, и люди поговаривали о них разное. Да и на самом деле это были не простые сплетни. Стал он навещать её тайно, но люди принялись судачить еще больше, и вот он решил оставить этот мир и удалиться.

Укрывшись в местности под названием Курама, он совершал молебны и обряды. Но все он с любовью хранил память о той даме. Вспоминал он столицу и творил молебствия, погруженный в печаль о столь многом. Однажды, плача, лежал он ничком, посмотрел ненароком рядом с собой, видит – письмо. Откуда тут быть письму, подумал он, взял его, и оказалось оно от той дамы, по которой он тосковал. Написано было:

Сумидзомэ-но
Курама-но яма-ни
Иру хито ва
Тадору тадору мо
Кахэри кинанаму

²⁷⁵ По народному поверью, болезнь насылают вселившиеся в человека духи.

²⁷⁶ Монахи в те времена часто выполняли роль врачей.

В черной одежде монаха
На горе Курама
Обитающий человек
Все блуждает, блуждает...
Но как я хочу, чтобы он возвратился²⁷⁷—

так гласило письмо. Очень он был изумлен: да через кого же послала она, все ломал себе голову. Никак не мог понять, как же случилась такая оказия. Дивился он и как-то в одиночку дошел до ее дома. А затем снова скрылся на горе Курама. Потом послал ей:

Каракү ситэ
Омохи васуруру
Кохисиса-во
Утатэ накицуру
Угухису-но ковэ

Только-только
Удалось позабыть
О любви,
И вновь о ней запел
Голос соловья²⁷⁸.

²⁷⁷ Танка встречается в *Госэнсю*, 12, *Кокинрокутё*, 2 (раздел «Горы»), в *Кондзяку-моногатари*, 30. Курама (название горы) имеет омоним *кура*, что значит «темный». *Тадо-фу* («плутать», «искать на ощупь») – энго к слову *кура*. *Сумидзомэ* – «цвет туши» – цвет одежды монахов-послушников, здесь используется как *дзё* к слову *кура*.

²⁷⁸ *Угуису* («соловей») – аллегорическое обозначение дамы, в то

В ответ было:

Сатэ мо кими
Васурэкэрикаси
Угухису-но
Наку ори номи я
Омохиидзубэки

И вправду, видно, ты
Забыл обо всем,
Если, только когда соловей
Запоет, обо мне
Вспоминаешь²⁷⁹ —

так она сложила.

Дзёдзо-дайтоку еще сложил:

Вага тамэ-ни
Цураки хито-во ба
Окинагара
Нани-но цуми наки
Ё-во я урамицу

же время созвучно выражению *уку* [*намида-ни*] *хидзу*, т. е. «в унынии заливаться слезами». Говоря «голос соловья», автор имеет в виду послание, полученное от возлюбленной. Танка помещена в *Кондзяку-моногатари*, 30.

²⁷⁹ Танка помещена в *Кондзяку-моногатари*, 30.

Ко мне
Столь равнодушную
Покидая,
Ни в чем не повинный
Свет стоит ли мне упрекать²⁸⁰...

Эту даму в семье особенно берегли и лелеяли, и хоть сватались к ней принцы и самые высокие чины, но родители предназначали ее к служению государю и не разрешали ей выйти замуж. Но после того как все это случилось, и родители от нее отступились.

²⁸⁰ Танка помещена в *Сикасю*, 7, *Кондзяку-моногатари*, 30.

Хёбугё-но мия²⁸¹, ныне покойный, в те времена, когда с этой дамой еще ничего не случилось, сватался к ней. Вот он однажды послал ей:

Оги-но ха-но
 Соёгу гото ни дзо
 Урамицуру
 Кадзэ-ни уцуритэ
 Цураки кокоро-во

Как листья оги,
 Что от ветра поминутно
 Оборачиваются изнанкой,
 Так от ветра меняется
 Жестокое сердце²⁸².

Эту танка сложил он же:

Асаку косо
 Хито ва миру рамэ
 Сэкикава-но
 Таюру кокоро ва

²⁸¹ Хёбугё-но мия – принц Мотоёси (см. 227).

²⁸² Танка помещена в *Мотоёсимикогосю*, содержит омонимы *урами* – «упрек», «обида», «ревность» и «любоваться бухтой».

Арадзи-то дзо омофу

Пусть неглубоким
Людям кажется,
Но, подобно реке Сэкикава,
Сердце мое – не иссякнет оно
Никогда, думаю я²⁸³.

Дама в ответ:

Сэкикава-но
Ивама-во кугуру
Мидзу асами
Таэну бэку номи
Миюру кокоро-во

Реки Сэкикава
Расщелины скал подмывающие
Воды мелки,
Подобно им, вот-вот иссякнет,
Кажется мне, твое сердце²⁸⁴.

Итак, эта дама ненадолго покидала столицу. Ходили

²⁸³ Танка помещена в *Синтёкусэнсю*, 14, и в *Мотоёсимикогосю*.

²⁸⁴ Танка содержит омонимы: Сэки в топониме Сэкикава и форма глагола сэку – «препятствовать», *ивама* – «расщелина между камнями» и «в то время, что говоришь», «пока даешь о себе знать», *мидзу* – «вода» и «не видеть». Второй смысл стиха складывается из этих намеков: «Если возникнут препятствия, то не станешь говорить со мной и видаться». Имеется в сборнике *Мотоёсимикогосю*.

о ней толки, и они совсем не встречались. Но однажды принц пришел к ней, когда луна светила очень ярко, и сложил:

Ёнаёна ни
Идзу-то мисикадо
Хаканакутэ
Ириниси цуки-то
Ихитэ яминаму

Каждую ночь,
Выйдя, показывается,
Но тут же, недолговечная,
Заходит луна, так и
Ты, поэтому порвем нашу связь²⁸⁵ —

так изволил он сказать. И вот как-то эта дама подобрала оброненный принцем веер, взглянула, а там рукой неизвестной женщины было начертано:

Васураруру
Ми ва вага кара-но
Аямати-ни
Наситэ дани косо
Кими-во урамимэ

Забыл

²⁸⁵ Танка содержит омонимы: *идзу* – «когда» и «выходить», т.е. «Когда ты покажешься?», помещена также в *Мотоёсимикогосю*.

Меня – и пусть считаешь,
Что я пред тобой
Виновата, все же
Я упрекаю тебя²⁸⁶.

Увидев, что было там написано, дама приписала рядом:

Ююсику мо
Омохоюру кана
Хитогото-ни
Утомарэникэру
Ё-ни косо арикэрэ

О, как прискорбно это,
Думается мне,
Каждая
Становится тебе постылой.
Хорошо ли так²⁸⁷ ...

так написала. Потом эта же дама:

Васураруру
Токиха-но яма-мо
Нэ-во дзо наку
Акино-но муси-но
Ковэ-ни мидарэтэ

²⁸⁶ Танка имеется в *Мотоёсимикогосю* и *Канзскэсю*.

²⁸⁷ Танка помещена также в *Мотоёсимикогосю*.

Позабыла [осень]
О горах с вечно зеленеющими деревьями, и те
Громко стонут,
Сливаясь голосами
С плачем осенних цикад²⁸⁸.

Ответом было:

Наку нарэдо
Обоцуканаку дзо
Омохоюру
Ковэ каку кото-но
Има ва накэрэба

Хоть и плачешь,
Но не очень-то
Верится мне.
Ведь голос не слышится
Мне сейчас.

И еще тот же принц:

Кумови-нитэ
Ё-во фуру коро ва

²⁸⁸ Танка содержит омонимы: *токи ва* – «время» и «вечнозеленый», *аки* – «осень» и «пресыщение». Поэтесса хочет сказать, что сама подобна горам с вечнозелеными деревьями, о которых осень забыла; пресытившись ею, забыли и ее.

Самидарэ-но
Амэ-но сита-ни дзо
Икэру кахи наки

В колодце из облаков
Когда ночами льет,
В Поднебесье,
Залитом дождем пятой луны,
Жить бессмысленно²⁸⁹.

А в ответ:

Фурэба косо
Ковэ мо кумови ни
Кикозкэмэ
Итодо харукэки
Кокоти номи ситэ

Только потому, что льет,
И голос в колодце из облаков
Слышится.
Все дальше и дальше [ты от меня] —
Одно я чувствую²⁹⁰.

²⁸⁹ Танка содержит омонимы: *фуру* – «проходить» (о времени), «жить» и «идти» (о дожде), *самидарэ* – майский дождь и *мидарэ* – «смятение», *амэ* – «небо» и «дождь», Кумои – «колодец облаков» и аллегорическое обозначение дворца. То есть «Как бессмысленна жизнь, если век проходит во дворце, вдали от тебя. И сердце в таком смятении». Все эти слова, включая *ё* – «ночь» и *хи* – «день» – *энго* к слову *амэ* – «дождь».

²⁹⁰ В танка обыгрывается слово *фурэба* («льет») в двух значениях:

к себе дама относит «громко рыдать» (*фуритатэтэ нау*), к принцу значение «жить». «Ты живешь, и голос твой во дворце слышится»; «Я громко рыдаю, и тебе во дворце голос мой слышен».

107

Тому же принцу другая дама:

Афу кото-но
Нэгафу бакари-ни
Наринурэба
Тада-ни кахэсиси
Токи дзо кохисики

О встрече с тобой
Прошу беспрестанно
Теперь.

И если, не встретив тебя, возвращаюсь домой,
И тогда с любовью думаю я о тебе.

Дама по имени Нанъин-но имагими²⁹¹ была дочерью Мунэюки, носившего звание укё-но ками²⁹². Служила она у дочери главного министра, Окиотодо, которая была в чине найси-но кими²⁹³, управительницы фрейлинами. И Хёэ-но каму-но кими, когда еще он звался Аягими²⁹⁴, часто навещался к ней. И вот когда он перестал бывать у нее, прикрепил она к засохшему цветку гвоздики и отправила ему такое послание:

Карисомэ-ни
 Кими-га фусимиси
 Токонацу-но
 Нэ мо карэниси-во
 Икадэ сакикэн

²⁹¹ Нанъин-но имагими – кроме того, что сообщается в дане, о ней ничего не известно.

²⁹² Укё-но ками – см. примеч. 93.

²⁹³ Найси-но кими – дочь Тадахира, Такако. Супруга принца Ясуаки, после его кончины, в царствование императора Судзакү, была придворной дамой в чине сёни третьего ранга, т. е. выполняла обязанности главы фрейлин.

²⁹⁴ Хёэ-но каму-но кими – Моротада, младший сын Тадахира. Его детское имя (до прохождения обряда посвящения) было Аягими, глава левого конюшенного приказа.

Ведь у того цветка гвоздики,
На который ты прилег
Столь ненадолго,
Даже корень увял.
Так отчего же он цвел?²⁹⁵ —

так гласило послание.

²⁹⁵ Под гвоздикой дама понимает себя. Танка содержит омонимы: *нэ* — «лежать», «спать», а также «корень» и, кроме того, «звук», «плач», *токонацу* — «гвоздика», часть этого слова *токо* – «ложе». «Корни увяли» означает что «клятва нарушена». *Фусу* – «лежать ничком» – *энго* к слову *токо*.

Та же дама как-то одолжила у Оки²⁹⁶ упряжного быка, а потом одолжила еще раз и прислала сказать: «Бык, коего вы мне пожаловали, умер». В ответ он:

Вага нориси
 Кото-во уси то я
 Киэникэн
 Куса-ни какарэру
 Цую-но иноти ва

Тот, кто меня возил...
 Как это грустно!
 Он уж исчез.
 Жизнь – как роса,
 Выпавшая на траву²⁹⁷.

²⁹⁶ Оки – Минамото Оки. Сведений о нем нет.

²⁹⁷ Танка обыгрывает омонимы: *уси* – «печальный», «бык», т.е. две первые строки нужно понимать так: «Ах, бык, тот, что меня возил...» «Трава» появляется в танка по предметной связи с быком. Стихотворение содержится в *Косэнвакасю*, 16.

Та же дама своему возлюбленному:

Оходзора ва
 Куморадзу нагара
 Каминадзуки
 Тоси-но фуру ни мо
 Содэ ва нурэкэри

Хоть на этот раз в десятую луну
 Огромное небо
 Не застлано тучами,
 Оттого что проходят годы,
 Промокли мои рукава²⁹⁸.

²⁹⁸ *Фуру* – «идти» (о дожде) означает еще и «жить», «прожить» (о времени). Танка имеет второй смысл: «Хоть на небе ни облачка, [несмотря на дождливый сезон] в октябре, все же мои рукава влажны, но это от слез, которые я проливаю, ибо время проходит, [а ты все не навещаешь меня]».

Дочери дайдзэн-но ками Кимухира²⁹⁹ жили в месте под названием Агата-но идо. Старшая служила при особе императрицы [Сидзуко] в звании еёсё-но го. А та, что была третьей, в то время, когда Санэакира, наместник Бинго, был еще юн, выбрала его своим первым возлюбленным. Когда же он оставил ее, она сложила и послала ему:

Коно ё-ни ва
 Какутэ мо ямину
 Вакарэдзи-но
 Футисэ-во тарэ ни
 Тохитэ ватаран

Что ж, в этом мире
 Я тобою брошена,
 Но на путях той разлуки,
 По пучинам и мелководьям кого же
 Попрошу меня проводить?³⁰⁰ —

²⁹⁹ Возможно, что имеется в виду не Кимухира, а Татибана Кимухико, который имел пятый придворный ранг и служил в чине дайдзэн тайфу, т. е. возглавлял службу дворцовых трапез.

³⁰⁰ Имеется в виду поверье, что после смерти женщину через «реку с тремя рукавами» (вакарэдзи-но футисэ), протекающую в царстве мертвых, должен перевести за руку тот мужчина, который был ее первым

так там говорилось.

Та же дама, впоследствии встречаясь с Моротада, бывшим в чине хёэ-но дзо³⁰¹, как-то сложила и послала ему. Было это в день, когда дул ветер и лил дождь:

Коти кадзэ ва
 Кэфу хигураси-ни
 Фуку мэрэдо
 Амэ мо ё-ни хата
 Ё-ни мо арадзи на

Восточный ветер
 Сегодня на закате солнца
 Хоть, видно, и задует,
 Но пусть дождя ночью
 Не будет!³⁰² —

так сложила.

³⁰¹ Хёэ-но дзо – третий ранг приказа хёэ, что можно перевести примерно как «гвардия». Моротада – четвёртый сын тюнагона Фудзивара Канэскэ.

³⁰² *Коти* – «восточный ветер» включает в себя *ко*, парадигму глагола *куру* — «приходить», таким образом, означает еще, и «приходи». Считалось, что восточный ветер приносит дождь.

Хёэ-но дзо расстался с некоей дамой, и затем его назначили танцовщиком на храмовом празднестве³⁰³. А та дама тоже отправилась туда взглянуть. И вот, вернувшись домой, сложила она:

Мукаси китэ
Нарэси-во сурэру
Коромодэ-во
Ана мэдзураси-то
Ёсо-ни мисикана

Те рукава одежд
Узорных, что с давних пор ты носил
И что привычны стали,
Такими красивыми мне показались,
Когда их увидала в ином месте³⁰⁴.

³⁰³ Видимо, имеется в виду празднество в храме Камо-дзиндзя, проводившееся в 10-й день 11-й луны. Перед храмом в день праздника устраивались обрядовые танцы, исполнители которых назначались специально.

³⁰⁴ Танка содержит омонимы: *киру* – «носить» и «приходить», *нарэ* — «привыкнуть носить» и часть слова *нарисомэ* – «быть в близких отношениях». Слово *мэдзураси* – «красивый», «замечательный» включает слово *цураси* – «жестокий». Таким образом, второй смысл танка: «Я привыкла видеть тебя, который так долго приходил ко мне, и как мне теперь горько!» Рукава одежд – образ встречающихся и

И тогда хёэ-но дзо, прикрепив цветок ямабуки, ей послал:

Моротомо-ни
Идэ-но сато косо
Кохисикэрэ
Хитори ориуки
Ямабуки-но хана

Вместе
В селенье Идэ
Мы любили друг друга.
В одиночестве грустно рвать
Цветы ямабуки³⁰⁵ —

так написал, ответ же неизвестен,
А это, когда они вновь стали встречаться, дама:

Оходзора мо
Тада нарану кана
Каминадзуки
Вага номи сита-ни

разлучающихся влюбленных.

³⁰⁵ Танка содержит омонимы: Идэ – название местности и форма глагола «быть», *ори* – «рвать», «ломать» и «находиться», «пребывать». Иной смысл четвертой строки стиха: «Грустно быть одному». Идэ – местность, славящаяся красотой цветов ямабуки. Танка помещена в *Кокинрокутё*, 6 (раздел «Ямабуки»).

Сигуру то омохэба

И огромное небо,
Выходит, равнодушно...
Десятая луна...
А я думала, что льются слезы
Лишь в моей душе³⁰⁶.

И это та же дама:

Афу кото-но
Наноми ситакуса
Мигакурэтэ
Сидзугокоро нау
Нэ косо накарурэ

Встречающиеся
В волнах водоросли
Перепутались,
И в вечном смятенье
Колеблются корни³⁰⁷.

³⁰⁶ *Сита-ни* в танка означает «в глубине души» и «под небом», «в Поднебесной». Дама хочет сказать, что она думала, что лишь она одна плачет, но вот и осеннее небо проливает дожди.

³⁰⁷ В другом списке во второй строке вместо *наноми* имеется более вероятный вариант *нами-но* (*нами* – «волна»). В танка обыгрываются омонимы: *нами* – «волна» и *нами* – «нет», *нэ* – «корни» и «голос», *накару* «течь» (здесь о корнях водорослей переведено «колебаться») и «плакать». Другой смысл этого иносказания: «Не встречаться нам с тобой, и в вечном смятении я лишь плачу в голос». *Нами* – «волна»,

ми – «вода», *нагару* – «течь» связаны по типу *энго*. Танка помещена в *Синкокинсю*, 15, с пометой: «Автор неизвестен».

Принцесса Кацура в пору Седьмой ночи³⁰⁸ втайне от людей встречалась со своим возлюбленным. И вот она ему пишет:

Содэ-во симо
 Касадзарисикадо
 Танабата-но
 Акану вакарэ-ни
 Хидзиникэру ка на

Ведь своих рукавов
 Я не одалживала [Ткачихе],
 Но, как и она, в Седьмую ночь
 Расстаюсь с тобой, не успев насладиться
 свиданием,
 И рукава мои мокры [от слез]³⁰⁹ —

³⁰⁸ Седьмая ночь – праздник Танабата (отмечается в 7-й день 7-й луны), праздник встречи двух звезд Пастуха и Ткачихи (Вега и Алтаир). Согласно китайской легенде, полюбив друг друга, они предались праздности и были разведены Небесным владыкой по разные стороны Млечного Пути. С тех пор им дозволено встречаться лишь раз в году.

³⁰⁹ Поэтесса хочет сказать, что она не одалживала своих рукавов тоскующим влюбленным, которые встречаются раз в году, лишь на одну ночь, но, как и Ткачиха, она проливает горькие слезы в разлуке с любимым. Рукава было принято подстилать в изголовье любимому человеку.

так там говорилось.

Когда Миги-но отодо, правый министр, был еще в чине главы [куродо]³¹⁰, он как-то сложил и послал в дом кормилицы сёни³¹¹:

Аки-но ё-во
 Матэ то таномэси
 Кото-но ха-ни
 Има-мо какарэру
 Цюю-но хаканаса

До ночи осенней
 Подожди, [тогда встретимся] —
 Эти внушавшие надежду слова,
 Подобно ныне падающей
 Росе, преходящи³¹² —

так говорилось в послании. [В ответ]:

³¹⁰ Правый министр – Фудзивара Мороскэ (908—960). Известный поэт, искусный музыкант на со (цитра, предок современного кото). Существовал и сборник его стихов *Кудзёудайдзинсю*. В должности главы куродо пребывал в 931—935 гг. На посту правого министра – с 947 г. (1-й год Тэнрэки).

³¹¹ Сёни – третий чин военно-торгового округа дасайфу в провинции Тикудзэн на Кюсю.

³¹² Танка помещена в *Сёкугосэнвакасю*, 13, приписывается правому министру Кудзё.

Аки мо кодзу
Цую мо оканэдо
Кото-но ха ва
Вага тамэ-ни косо
Иро каварикэри

Хоть не пришла еще осень,
И не пала роса,
А листьев
Для меня
Цвет сменился³¹³.

³¹³ *Иро* – «цвет» означает еще «любовь», т. е. «любовь изменилась», «прошла», *кото-но ха* – не только «листья», но и «слова», т. е. «В словах твоих уж нет любви».

116

Написано, когда умерла дочь Кимухира:

Нагакэку мо
Таномэкэру кана
Ё-но нака-во
Содэ-ни намида-но
Какару ми-во мотэ

Ах, долго еще [будет жить]
Надеялись мы...
О, этот мир!
Слезы на рукаве
Показывают, каков он...

Принцесса Кацура – Ёситанэ³¹⁴:

Цую сигэми
 Куса-но тамото-во
 Макура нитэ
 Кими мацу муси-но
 Нэ-во номи дзо наку

Как трава от обильной росы,
 [Влажны] мои рукава,
 Что [лежат] в изголовье.
 Слышен голос «ждущих» цикад,
 Что беспрестанно плачут!³¹⁵.

³¹⁴ Ёситанэ – Минамото Ёситанэ.

³¹⁵ Танка помещена также в *Синтёкусэнвакасю*, 14, в ней обыгрываются омонимы: *мацумуси* – вид цикады и *мацу* – «ждать». Второй смысл стиха: «В ожидании тебя я проливаю слезы, от которых увлажнился рукав, служащий мне изголовьем».

Канъин-но оикими³¹⁶:

Мукаси ёри
 Омофу кокоро ва
 Арисоуми-но
 Хама-но масаго ва
 Кадзу мо сирарэдзу

С давних пор
 Любовь [мою],
 Как на скалистом берегу
 Прибрежные песчинки,
 Не исчислить³¹⁷.

³¹⁶ Канъин-но оикими – дочь Минамото Мунэюки. Ее танка помещены в *Госэнсю*, *Сюисю*.

³¹⁷ Танка помещена в *Сёкукокинсю*, 12. *Арисоуми* – макура-котоба к слову *хама*. Видимо, стихотворение должно ассоциироваться с танка *Кокинсю*, 15, автор неизвестен: *Арисоуми-но Хама-но масаго-то Таномэси ва Васуруру кото-но Кадзу-ни дзо арикэри* Как на скалистом берегу На взморье песчинки [Не исчислить], так я доверялась. Но это твоей забывчивости Не измерить – так оказалось.

Той же даме Фудзивара-но Санэки, который потом скончался, будучи в должности наместника страны Ми-тиноку, послал стихотворение. Было это, когда его болезнь, очень тяжелая, немного его отпустила. «Как бы мне с вами увидеться?» – написал он.

Караку ситэ
Осимитомэтару
Иноти мотэ
Афу кото-во сазэ
Ямаму то я суру

Едва-едва
Милую
Жизнь удержать я сумел.
Неужели даже встречи со мной
Намерена ты прекратить?³¹⁸ —

так сложил, и оикими отвечала:

Моротомо-ни
Идза то ва ивадэ

³¹⁸ В танка обыгрываются омонимы: *яму* – «болеть» и «рвать отношения», «прекратить встречи», отсюда – иной смысл: «Неужели из-за болезни я вас не увижу?» Помещено в *Санэкисю*.

Сидэ-но яма
Надо ка ва хитори
Коэму то ва сэси

«Вместе
отправимся» не сказав,
Гору смерти
Отчего в одиночку
Ты решил перейти?³¹⁹ —

так сложила. И вот ночью, когда он к ней отправился, верно, случилось что-то, что помешало встрече. И он, не увидевшись с ней, вернулся обратно. Затем наутро кавалер из дома ей посылает:

Акацуки ва
Наку юфуцукэ-но
Вабиговэ-ни
Оторану изэ-во дзо
Накитэ кахэриси

На рассвете
Рыдающему голосу
Поющего петуха
Не уступая,
Плакал я, домой вернувшись³²⁰.

³¹⁹ Сидэ-но яма – Гора смерти, по буддийским верованиям, крутая гора в стране мертвых.

³²⁰ Это и последующее стихотворения помещены в сборнике *Санэкисю*.

Оикими в ответ:

Акацуки-но
Нэдзамэ-но мими-ни
Кикисикадо
Тори ёри хока-но
Ковэ ва сэдзарики

Поутру, на рассвете,
Проснувшись,
Прислушивалась,
Но, кроме птичьего,
Никакой голос не был слышен.

С тех пор как Окиотодо стал министром, прошли годы, а Бива-но отодо, [его старший брат], все никак не получал назначения. И вот наконец его пожаловали чином министра. На великом торжестве по этому случаю министр сорвал ветку сливы, украсил ею головной убор и сложил так:

Осоку току
Цуви-ни сакикэру
Мумэ-но хана
Та-га увэокиси
Танэ ни ка аруран

Поздно или рано,
Но все же расцвели
Сливовые цветы.
Кто же посадил
Семена?³²¹

О его назначении в тот день приказано было слагать танка и приносить сайгу³²², и дочь Сандзё-но миги-но

³²¹ Танка помещена в *Синкокинсю*, 16, и в *Кимутадасю*, а также в Окагами, в биографии Накахира. Говоря о семенах, автор имеет в виду, что назначением брат обязан своему отцу Мотоцунэ.

³²² Сайгу – см. коммент. 103.

оидоно тут же написала:

Икадэ каку
Тоси кири мо сэну
Танэ могана
Арэюку нива-но
Кагэ-то таномаму

Ах, если бы и мне
[Добыть] эти времени не боящиеся
Семена!
В моем заброшенном саду
Стала бы [слива] моим укрытием³²³ —

так было сложено. Ответ был от сайгу. Он забыт. А просьба эта оказалась не напрасной. Левый министр, когда он был в чине тюнагона³²⁴, навещал эту даму, семена разрослись, стали ей укрытием³²⁵. И тогда от сайгу:

Ханадзакари
Хару ва ми ни кому
Тосигири мо
Сэдзу то ифу танэ ва

³²³ Танка помещена в *Госэнсю*, 15.

³²⁴ 934—939 гг.

³²⁵ Автор хочет сказать, что у этой пары родилось много детей и стали дети их укрытием.

Оину то ка кичу

Пышно цветущую
Весну смотреть прибуду.
Времени неподвластные
Семена, о которых вы говорили,
Уже проросли, слышала я³²⁶.

³²⁶ Танка приводится в *Госэнсю*, 15.

Кавалер, навещавший дочь человека по имени Сан-это³²⁷, служившего в чине сёни в управе военного округа:

Фуэтакэ-но
Хито ё мо кими-то
Нэну токи ва
Тигуса-но ковэ-ни
Нэ косо накарурэ

Если хоть одно бамбуковое коленце
Этой флейты с тобою ночь
Не проведет,
Голосом на тысячу ладов
Заплачет³²⁸ —

так сказал. А дама:

Тидзи-но нэ ва

³²⁷ Личность его неизвестна.

³²⁸ В танка обыгрываются омонимы: ё – «ночь» и «коленце бамбука», т.е. «Если хоть одну ночь проведу без тебя, буду плакать на тысячу ладов». *Тигуса* («тысяча ладов») и *хитоё* («одна ночь»), а также *фуэтакэ* – «бамбуковая флейта» и ё – «коленце бамбука» образуют смысловые комплексы *энго*.

Котоба-но фуки ка
Фуэтакэ-но
Котику-но ковэ мо
Кикоэ конаку ни

На тысячу голосов...
Не преувеличили ль вы?
Флейты из бамбука
«Котику» голос совсем
Не доносится³²⁹.

³²⁹ В танка обыгрываются омонимы: *котику* – сорт бамбука и «приду». *Фуки* («раздуть», «дуть», «преувеличивать») – *энго* к слову *фуэ* – «флейта» (*фуэ-во фуку* – «играть на флейте»). Второй смысл танка: «Не раздуты ли ваши слова звуками флейты? Совсем не слышу я от вас, чтобы вы сказали мне „приду“».

Тосико отправилась в буддийский храм Сига³³⁰, а там оказался монах по имени Дзоки-но кими³³¹. Он жил на горе Хиэ, и ему было дозволено даже навещать дворец. И вот в день, когда прибыла Тосико, он тоже пришел в храм Сига, они и встретились. Устроив себе жилье на галерее моста³³², они обменивались множеством клятв. Но вот Тосико собралась возвращаться [в столицу]. Тогда от Дзоки:

Ахи митэ ва
 Вакаруру кото-но
 Накарисэба
 Кацугацу моно ва
 Омовадзарамаси

Если бы после встречи
 Расставаний
 Не бывало,
 Наверное, тогда бы

³³⁰ Речь, видимо, идет о храме Софукудзи, расположенном в Южном Сига уезда Сига провинции Сига. Здесь же в тексте имеется неясный знак, толкуемый комментаторами как иероглиф «храм».

³³¹ Танка Дзоки имеются в *Госэнсю*.

³³² Имеется в виду длинный жилой дом, выстроенный наподобие моста с гор в долину.

Ты меня не любила³³³.

В ответ Тосико:

Ика нараба
Кацугацу моно-во
Омофу раму
Нагори мо наку дзо
Вага ва канасики

Зачем говоришь ты,
Что мало
Люблю тебя.
Донельзя
Я печалюсь³³⁴ —

так написала она. Слов [кроме стихов] тоже очень много было в ее послании.

³³³ Танка помещена в *Госэнсю*, 11, с пометой: «Автор неизвестен». В толковании смысла этой танка переводчик отдает предпочтение гипотезе Такэда Юкити и Мидзуио Комао.

³³⁴ Танка помещена в *Синдзокукокинсю*, 11.

123

Тот же Дзоки-но кими в дом неизвестной даме послал:

Куса-но ха-ни
Какарэру цую-но
Ми нарэба я
Кокоро угоку ни
Намида оцураму

На травинки
Падающей росе
Подобен, видно, я —
При каждом движении сердца
Катятся слезы³³⁵.

³³⁵ Танка содержит троп: *угоку* – «двигаться» – *энго* к словам *ха* – «лист» и *цую* – «роса».

Когда Госпожа из Северных покоев, супруга нынешнего господина³³⁶, была еще супругой Соти-но дайнагона³³⁷, Хэйтю сложил и прочел ей:

Хару-но но-ни
 Нидори-ни хахэру
 Санэкадзура
 Вага кимидзанэ то
 Таному ика-ни дзо

В весенних полях,
 Зеленея, растет
 Плющ санэкадзура («майское ложе»),
 Моей супругой тебя
 Считать вовеки хочу – что ты на это?³³⁸ —

так сказал. Обменивался он так клятвами с ней. А

³³⁶ см. 55.

³³⁷ Куницунэ (828—908) одновременно занимал пост соти, главы дасайфу военно-торгового округа, и имел звание дайнагона.

³³⁸ Танка обыгрывает омонимы: *нэ* в слове *кимидзанэ* – «моя жена» и *нэ* – «спать», «лежать вместе». Третья строка – *энго* к морфеме *дзанэ*, которая является смыслоподчеркивающим суффиксом. Глагол *хахэру* – «расти», «тянуться» (о траве) может означать также «ошибка судьбы», «перемена в будущем».

после этого, когда обрядили ее, как подобает одевать
супругу левого министра, он сложил и послал ей:

Юкусуэ-но
Сукусэ мо сирадзу
Вага мукаси
Тигириси кото ва
Омохою я кими

Что в грядущем
Такой успех [сужден] – ты не знала.
А прежние
Клятвы, что давала,
Помнишь ли ты? —

так сложил. Ответ на это и все те танка, которыми
они обменивались раньше, – было их много, но теперь
их не услышишь.

Идзуми-но тайсё³³⁹ часто бывал в доме у [Фудзивара Токихира], ныне покойного, [служившего тогда в чине] са-но оидо. Однажды, где-то в гостях напившись сакэ, хмельной, глубокой ночью тайсё неожиданно явился к Токихира. Тот удивился. «Где же вы изволили быть, поведайте!» – стал расспрашивать он. Домашние его со стуком подняли верх паланкина и увидели там еще Мибу-но Тадаминэ³⁴⁰. Хоть дорогу Тадаминэ освещали светильником, в самом низу лестницы у него подкосились колени, он упал и произнес:

«Касасаги-но
Ватасэру хаси-но
Симо-но уэ-во
Ёха-ни фумивакэ
Котосара ни косо

«Глубокой ночью

³³⁹ Идзуми-но тайсё – Фудзивара Садакуни (867—906), дайнагон, правый тайсё. Тайсё – высший чин одного из шести дворцовых приказов – коноэфу, в чьи обязанности входило следить за охраной дворцовых помещений, распоряжаться дворцовыми церемониями и т.д. Сын Такафудзи, брат Садаката.

³⁴⁰ Мибу-но Тадаминэ (868—965) – знаменитый поэт, один из составителей *Кокинсю*. Существуют антологии *Тадаминэсю* и *Тадаминэдзютай*.

Я пришел, чтоб ступить
На иней,
Выпавший на мосту
Сорочьем³⁴¹ —

вот что отвечает вам тайсё», – сказал он. Министр, хозяин дома, нашел это стихотворение полным очарования и весьма искусным. Всю ночь они провели за возлияниями и музыкой, тайсё был пожалован дарами. Тадаминэ тоже была дарована награда.

Один из их сотрапезников, услышав, что у Тадаминэ есть дочь, воскликнул: «Хотел бы я взять ее в жены!» – «Большая честь для меня», – ответил Тадаминэ. Вскоре из дома этого придворного пришло письмо: «Надеюсь, что в самом скором времени наш уговор осуществится». В ответ ему было:

Вага ядо-но
Хитомура сусуки
Ураваками
Мусуби токи ни ва

³⁴¹ По китайской легенде, 7-го дня 7-го месяца по лунному календарю встречаются двое влюбленных – Пастух и Ткачиха (см. также коммент. 308). Множество сорок выстраивается в гигантский мост, чтобы помочь влюбленным перебраться через Небесную реку (Млечный Путь), разделяющую их. *Касасаги-но хаси* – «сорочий мост», второе контекстуальное значение – «лестница во дворце», так как дворец здесь сравнивается с небом. Тадаминэ хочет сказать, что не собирался ни в какое иное место, путь их лежал прямо к Токихира.

Мада сикари кэри

У моего дома

Растущая трава сусуки

Еще слишком молода.

Чтобы завязывать ее в пучок,

Время пока не пришло —

так сложил Тадаминэ. Ведь на самом деле дочь его была еще очень маленькой девочкой.

Дама по имени Хигаки-но го³⁴², жившая в Цукуси, славилась умом и вела утонченный образ жизни. Так шли годы и месяцы, но вот случился мятеж Сумито-мо³⁴³, дом ее был сожжен дотла, все ее имущество у нее отняли, и оказалась она в жалком положении. Не зная обо всем этом, в те края для водворения порядка прибыл гонцом императора дайни Ёсифуру. И вот, минув то место, где стояло ее жилище, он сказал: «Как бы мне встретиться с той, что зовут Хигаки-но го? Где-то она сейчас живет?» Так спросил он, а его спутники отвечали: «Она изволит жить неподалеку отсюда». — «Ах, хотелось бы мне расспросить, каково-то ей было во время этого мятежа!» И только успел Я-дайни это вымолвить, как увидел седую женщину, которая набрала воды и теперь проходила мимо него, направляясь в какое-то убогое строение. Был там один человек, он сказал: «Вот Хигаки-но го». Я-дайни ужаснулся, сильно опечалился, но все же решил завязать с ней отношения, она же застыдилась и не вышла к нему, а так

³⁴² Гетера, жившая на Северном Кюсю. Среди сочинений о ее временных пристанищах последующих лет наибольший интерес представляет *Хигакиосю*.

³⁴³ См. коммент. 22.

сказала:

Мубатама-но
Вага курогами ва
Сирагава-но
Мидзу ва куму мадэ
Нариникэру кана

С тузовыми ягодами схожие
Черные волосы мои ныне
Такими сделались,
Что из Белой реки Сирагава
Черпаю воду³⁴⁴ —

так сложила, и он, опечаленный, снял с себя одно из одеяний и послал ей.

³⁴⁴ *Мубатама* («туловые ягоды») – *макура-котоба* к слову *куро* – «черный». *Сирагава* («Белая река») – название белой от пены реки в провинции Кумамото. Относительно выражения *мидзу ва куму* существуют различные объяснения, смысл этого выражения неясен, вероятно, оно обозначает что-то вроде «постаревший облик». *Какэкотоба* к этому выражению – *мидзу-о куму* – «набирать, черпать воду». Танка помещена также в *Госэнсю*, 17, с некоторыми изменениями.

Та же Хигаки-но го, в управе Дайни³⁴⁵, когда предложено было воспеть осенние красные листья клена, сложила:

Сика-но нэ ва
Икура бакари-но
Курэнави дзо
Фуридзуру кара-ни
Яма-но сомураму

В крике оленя
Сколько же
Алого?
Когда он кричит,
Горы окрашиваются [красным]³⁴⁶.

³⁴⁵ Управа в военном округе на Кюсю.

³⁴⁶ Танка содержит омоним: *фуриидзуру* – «громко плакать» (от *фуриида-тэ наку*) и «окрашивать» (ткани). Помещена в *Хигакиосю*.

Говорили люди, что Хигаки-но го умело слагает танка. И вот как-то собрались любители изящного, стали сочинять окончания к стихам, к каким трудно конец сложить, и прочитали так:

Ватацуми-но
Нака-ни дзо татэру
Са-во сика ва

В просторе моря
Стоящий
Олень... —

и предложили ей докончить, тогда она:

Аки-но ямабэ я
Соко-ни миюраму

Осенние горы
На дне отражаются³⁴⁷ —

так закончила она танка.

³⁴⁷ Танка содержит омонимы: соко – «здесь» и «дно». Помещена в *Хигакиосю*.

Дама, жившая в Цукуси, послала возлюбленному в столицу:

Хито-во мацу
 Ядо ва кураку дзо
 Нариникэру
 Тигириси цуки-но
 Ути-ни миэнэба

Жилище,
 Где возлюбленного жду, как темно
 В нем стало!
 Клявшейся луны
 В нем не видно³⁴⁸ —

так гласило послание.

³⁴⁸ *Цуки* – «луна» означает еще и «месяц» (в календарном смысле). Танка означает, таким образом, что возлюбленный нарушил обещание, не приехав в срок. Танка приводится в *Сингосюкю*, 13, авторство приписывается Гэму-но мёбу, а также в *Хигакиюсю*.

И это написала та дама из Цукуси:

Акикадзэ-но
Кокоро я цураки
Ханасусуки
Фукикуру ката-во
Мадзу сомукураму

Осеннего ветра
Сердце жестоко, видно,
Трава сусуки
Туда, куда ветер дует,
Не спешит склониться³⁴⁹.

³⁴⁹ Дама хочет сказать, что и она не уверена в привязанности своего возлюбленного, потому и не спешит повиноваться его пожеланиям. Танка помещена также в *Хигакиосю*.

Во времена прежнего императора было как-то дано августейшее повеление в первый день четвертой луны слагать стихи о том, что соловей не поет, и Кимутада:

Хару ва тада
 Кинофу бакари-во
 Угухису-но
 Кагирэру гото мо
 Накану кэфу кана

Весна лишь
 Вчера [кончилась],
 Но соловей,
 [Видно, решив], что только весной надо петь,
 Сегодня не поет!³⁵⁰ —

так он сложил.

³⁵⁰ Танка помещена в *Кимутадасю*.

Во времена того же императора это было. Призвал он как-то к себе Мицунэ, и вечером, когда месяц был особенно красив, предавались они всяческому развлечению. Император соизволил сказать: «Если месяц назвать натянутым луком, что это может значить? Объясни суть этого в стихах», и Мицунэ, стоя внизу лестницы:

Тэру цуки-во
Юми хари то си мо
Ифу кото ва
Ямабэ-во саситэ
Ирэба нарикэри

Когда светящий месяц
«Натянутым луком»
Называют – значит это,
Что в горные гряды он
Стреляет³⁵¹.

³⁵¹ Танка содержит омонимы: *иру* – «заходить» (о луне) и «стрелять» (из лука, например), отсюда – иной смысл: «За горные гряды, он заходит». *Юми харицуки* – молодой месяц, по форме напоминающий натянутый лук. Танка помещена в *Окагами фурумоногатари*. О Мицунэ см. также коммент. 98.

Получив в награду расшитое одеяние оутиги, он снова произнес:

Сиракумо-но
Коно ката ни си мо
Оривиру ва
Амацу кадзэ косо
Фукитэ кицураси

Белое облако
На плечи мои
Опустилось.
Это, верно, небесный ветер
Подул прямо на меня³⁵².

³⁵² Это виртуозное стихотворение построено на омонимах: *ката* – «плечи» и «человек», *ориуру* – «опускаться» и «ткать», *ки* (в *кицураси*) – «приходить» и «надевать» (об одежде). Видимо, подаренная одежда была белого цвета. Второй смысл танка: «Из белого облака /На плечах моих/ Сотканное. /Видно, сам небесный ветер,/ Подув, облачил меня в это». Стихотворение также помещено в *Окагами фурумоногатари*.

Тот же император однажды вечером, когда луна была красива, соизволил совершать тайный обход покоев фрейлин. Спутником ему служил Кимутада. Из одних покоев, что там были, вышла красивая дама, одетая в ярко-алые одежды, она безудержно рыдала. Император послал Кимутада подойти и узнать, в чем дело, но она лишь закрывала лицо распущенными волосами и рыдала без удержу. «Отчего вы так плачете?» – спрашивал [Кимутада], но ответа не было. Император тоже был весьма неприятно поражен. Тогда Кимутада:

Омофураму
 Кокоро-но ути ва
 Сиранэдомо
 Наку-во миру косо
 Вабисикарикэри

О чем думаете
 В глубине души,
 Неведомо,
 Но уже оттого, что вижу я, как вы плачете,
 Я исполнен печали³⁵³ —

³⁵³ В *Кимутадасю* (Сёрёбухон), где также помещено это стихотворение, сообщается, что первые две строки написал император, а три последние – Кимутада и что это было их поэтическое состязание по слаганию танка.

так сложил, и император несказанно хвалил его.

В книге Такахаси Сёдзи высказано предположение, что так же было и в первоначальном варианте *Ямато-моногатари*.

Во времена прежнего императора в одних покоях дворца жила молоденькая девушка, которая была недурна собой. Император как-то увидел ее и тайно призывал к себе. И с тех пор, скрывая от людей, он время от времени призывал ее. И вот однажды он изволил сказать:

Акадэ номи
Мирэба нарубэси
Авану ё мо
Афу ё мо хито-во
Аварэ-то дзо омофу

Никак не могу
Наглядеться на тебя
И в ночь,
Когда мы не встречаемся,
О тебе с любовью думаю —

так он сказал. Девушка была счастлива беспредельно и не таясь рассказала подруге: вот что он изволил сказать. Об этом узнала главная фрейлина и выгнала девушку [из дворца]. Очень прискорбно!

Дочь покойного Сандзё-но удайдзина, правого министра третьего ранга, завязала сердечные отношения с Цуцуми-но тюнагоном. В то время он занимал еще и должность кура-но сукэ³⁵⁴ и нес службы во дворце. А дама, то ли у нее не было особого настроения видеться с ним, но она не слишком к нему стремилась. Однако, когда ему пришлось часто бывать во дворце и он не мог постоянно навещать ее, дама:

Такимоно-но
Кююру кокоро ва
Арисикадо
Хитори ва таэтэ
Нэрарэдзарикэри

Благовония
Сгорели,
Так что ж, —
Курильница совсем
Не может угаснуть³⁵⁵.

³⁵⁴ Кура-но сукэ – должность приказа кураре, которому вверялась государственная печать, и т. д. Эту должность Канэскэ занимал с 903 по 907 г.

³⁵⁵ Танка содержит омонимы: *кююру* – «гореть» и «раскаиваться», *хитори* – «одна, в одиночестве» и род очага, *нэрарэдзарикэри* – «не может угаснуть» (о курильнице) и «не могу уснуть». Отсюда – второй

Кавалер этот был мастер слагать танка, и ответ, наверное, был хорош, но здесь он не приводится, ибо неизвестен.

смысл: «Хоть я и раскаивалась, что завязала с тобой отношения, теперь, оставшись в одиночестве, я не в силах уснуть». Слово *такимоно* — «благовония» — дзё к слову *кюру* — «гореть».

Тот же кавалер известил как-то: «В ближайшее время буду занят и не приду. Несказанно тревожусь, как-то вы отнесетесь к тому, что я вынужден вот так ездить по разным местам и не могу навестить вас». Тогда дама:

Савагу нару
 Ути-ни мо моно ва
 Омофунари
 Вага цурэдзурэ-во
 Нани-ни татохэму

Пусть ты в суете и шуме,
 В то же время
 Думаешь с любовью обо мне.
 Мою же скуку
 С чем сравню?³⁵⁶

³⁵⁶ Дама хочет сказать, что полна чувств к Канэскэ, тем более что ее-то дни ничем не заняты.

Хёбугё-но мия, ныне покойный, построил себе великолепный дом в Сига, по дороге в Ямагоэ, в местечке под названием Иваэ, и время от времени наезжал туда. Жил он там тайно, иногда выбирался посмотреть на дам, прибывших в храм Сига для поклонения богам. Окрестности были чудесные. Дом был весьма изысканным, и Тосико, приехав в Сига, пришла к этому дому, оглядела его со всех сторон, поражалась ему и хвалила, а после написала:

Кари-ни номи
 Куру кими мацу то
 Фуриидэцуцу
 Наку сига яма ва
 Аки дзо канасики

Лишь на охоту
 Приезжаешь сюда, и в ожидании этого
 Во весь голос
 Плачет олень. Ах, горы
 Осенью особенно печальны!³⁵⁷ —

³⁵⁷ Танка содержит омонимы: *кари* – «охота» и «временно», *сика* – «олень» и топоним Сига. Таким образом, складывается второй смысл стиха: «Лишь на время /Приезжающего тебя ожидая, /Навзрыд/ Плачу на горах Сига, / Что осенью особенно печально».

так она написала и уехала.

Человек по имени Коякуси-кусо³⁵⁸, желая завязать сердечные отношения с одной дамой, послал ей:

Какурэ ну-но
Соко-но ситакуса
Мигакурэтэ
Сирарэну кохи ва
Курусикарикэри

В заросшем болоте
На дне [растущие] водоросли
Скрыты водой.
И карпу, о котором никто не ведает,
Так тяжело³⁵⁹.

Дама в ответ:

Мигакурэ-ни
Какуру бакари-но

³⁵⁸ Личность его неизвестна. *Кусо* – суффикс к детскому имени или прозвищу.

³⁵⁹ Танка содержит омонимы: *кохи* – «карп» и «любовь», *мигакурэ* — «прятаться в воде» и «скрываться», «избегать» (кого-либо). Две первые строки – *дзэ* к слову *сирарэну* («незнаемый»). Две последние строки означают «Любовь моя, о которой ты не ведаешь, так тяжела мне». Танка помещена в *Синтёкусэнсю*, 5, а также в *Мотоёсимикогосю*.

Ситакуса ва
Нагакарадзи то мо
Омохоюру кана

В воде
Всегда прячущиеся
Водоросли
Не слишком длинные,
Думается мне³⁶⁰.

Этот человек, по имени Коякуси-кусо, был очень мал
ростом.

³⁶⁰ В танка содержится намек на малый рост Коякуси-кусо, а также на то, что его чувство не продлится долго. Помещена в *Синсэндзайсю*, 11, где приписана Бива-садайдзину. Имеется также в *Исэсю*, где указывается тот же автор.

Во времена покойного императора при покоях Сокёдэн-но мясудокоро³⁶¹ служила некая тюнагон-но кими. И вот в ту пору, когда ныне покойный хёбугё-но мия, бывший тогда молодым человеком и именовавшийся первым принцем, увлекался любовью, он жил недалеко от дворца Сокёдэн. Прослышав, что есть во дворце сведущая в изящном дама, стал он приходить и беседовать с ней. Так прошло время, и завязались у них близкие отношения втайне от людей. То бывал он у нее, а то почти перестал приходить, и тогда из дома этой дамы было послано ему такое стихотворение:

Хито-во току
 Акутагава тэфу
 Цу-но куни-но
 Нани ва тагавану
 Кими-ни дзо арикэри

Ничем ты не расходишься
 С землей Нанива
 В стране Цу,
 Где течет река Акутагава,

³⁶¹ См. коммент. 168.

О которой говорят люди³⁶².

Она уже есть ничего не могла, все слезы лила, заболела и только о нем помышляла. И вот, отломив обсыпанную снегом ветку сосны, росшей перед дворцом Сокёдэн, она так сложила:

Кону хито-во
Мацу-но ха-ни фуру
Сираюки-но
Киэ косо кахэрэ
Авану омохи-ни

Того, кто не приходит,
Ожидая, провожу дни.
И подобно тому как белый снег.
Тает, так и я скончаюсь
От любви, не встретившись с тобой³⁶³ —

³⁶² Танка содержит омонимы: *аку* – в слове Акутагава (название реки) и «пресыщаться». Нанива – название местности и «в имени», Цу-но куни (страна Цу) – *дзё* к слову Нанива. Смысл того, что хочет сказать поэтесса, составлен из топонимов, увязанных в единый сюжет: «наскучив всем, ты быстро пресыщаешься, и молва о тебе не расходится с твоим именем (т. е. характером)». Акутагава – река в провинции Осака уезда Мисима. Танка помещена в *Сюисю*, 15, и в *Мотоёсимикогосю*.

³⁶³ Танка содержит омонимы: *мацу* – «сосна» и «ждать», *фуру* – «идти» (о снеге) и «проходить» (о времени). *Хи* – в слове *омохи* – «любовь» и *хи* – «солнце». Иной смысл второй и третьей строк стиха: «Подобно снегу, падающему на иглы сосны». Танка помещена в *Мотоёсимикогосю*, а также в *Госэнсю*, 12, с небольшими изменениями.

так говорилось в послании. «Ни за что только не отряхивай этот снег», – твердила она посыльному, и тот отнес все это принцу.

Ныне покойный хёбугё-но мия в близких отношениях был с дочерью Нобору-дайнагона³⁶⁴. Однажды делили они ложе не в обычном месте, а в комнате-нише, между спальней и наружной верандой. Потом ушел он, и долгое время они не встречались. И вот как-то говорит он: «То ложе, что я устроил в нише, на месте ли? Или его куда-нибудь передвинули?» А она в ответ:

Сикикахэдзу
Ариси нагара-ни
Кусамакура
Тири номи дзо виру
Харэфу хито нами

Не перестилали.
И все прежняя она —
Подушка из травы.
Но в ней лишь пыль,
Ведь некому убрать³⁶⁵ —

³⁶⁴ Минамото Нобору (848—918) имел третий придворный ранг.

³⁶⁵ Дама специально трактовала вопрос хёбугё-но мия – *торитатэ* *я ситамахитэси* («не убрали ли ложе») – не только в смысле «не унесли ли с прежнего места», но и «вычистили ли». На этом значении и построена ее танка. Кроме того, видимо, в те времена обычай смахивать пыль с ложа носил некое символическое значение, указывая

так она сложила, а он ей отвечает:

Кусамакура
Тири харахи ни ва
Карагоромо
Тамото ютака-ни
Тацу-во матэкаси

С подушки из травы
Пыль убрать [приду].
Подожди, пока скрою
Расшитые рукава
Китайских одежд³⁶⁶.

Она же:

Карагоромо
Тацу-во мацу ма-но
Ходо косо ва
Вага сикитаэ-но
Тири мо цуморамэ

на главенство в семье. Следы этой символики сохранились в сельских местностях и поныне. Танка помещена в *Мотоёсимикогосю*.

³⁶⁶ Танка перекликается со стихотворением из *Исэ-моногатари*, 17. Помещена в *Мотоёсимикогосю*, так же как и последующая. Рукава китайских, т. е. нарядных, одежд больше обычных, кроме того, было принято на ложе любви обмениваться рукавами, подстилать их в изголовье друг другу. Автор хочет сказать: «Подожди, пока я приду провести с тобой ночь».

Пока китайские одежды
Скроишь, в ожидании
Много времени [пройдет].
На ложе моем
Пыли будет все прибавляться —

так сложила. Затем он навестил ее, а вскоре сообщил: «Уезжаю на охоту в Удзи», и тогда она:

Микари суру
Курикомаяма-но
Сика ёри мо
Хитори нуру ми дзо
Вабисикарикэри

Даже больше, чем олень,
На которого ты охотишься
На горе Курикома,
Я, спящая в одиночестве,
Достойна жалости.

Среди братьев государственного советника по имени Ёсиизэ был один, служивший в стране Ямато чиновником третьего ранга. И вот в дом нынешней своей жены привел он женщину из Цукуси и там же поселил. И первая жена была очень добра нравом, и у теперешней сердце не было жестоким. Прекрасно они ладили. А кавалер этот по делам службы часто ездил по провинции, и женщины оставались вдвоем. И жена из Цукуси тайком завела себе возлюбленного. Стали о том поговаривать люди, она сложила:

Ё ха ни идэтэ
 Цуки дани мидзу ва
 Афу кото-во
 Сирадзу гахо-ни мо
 Ивамаси моно-во

Если бы в середине ночи выйдя,
 Луна и та не увидела бы нас,
 Все же, о наших встречах [с людьми говоря],
 Притвориться незнающими
 Нам бы надо³⁶⁷.

³⁶⁷ В данной танка *цуки дани мидзу ва* означает: 1) «если бы даже луна не видела (наши встречи)» и 2) «если бы мы не виделись с тобой». Танка помещена в *Хигакиосю* с небольшими изменениями.

Но хотя было за ней такое, первая жена была женщина очень доброго нрава и ничего об этом мужу не сказала. Так и жили они, но как-то стороной он узнал, что есть у второй жены возлюбленный. Хотя он сам любил ее, но все же не очень близко к сердцу принимал и оставил все как есть. А вскоре он узнал, что она с тем, с другим, все еще поддерживает отношения, и спросил: «Кого ты любишь – его или меня?»

Она:

Ханасусуки
Кими-га ката-ни дзо
Набикумэру
Омовану яма-но
Кадзэ ва фукэдомо

Трава сусуки
Именно в твою сторону
Клонится,
Даже если внезапно горный
Ветер подует³⁶⁸ —

так сложила. Пришел к ней после этого ее возлюбленный, она ему стала говорить: «В этом мире все так печально. Я не могу больше встречаться с вами», но, видно, со временем она все чаще помышляла о нем,

³⁶⁸ Танка помещена в *Хигакиосю* (в книге Фусосюхон).

стала отвечать на его послания, и вот как-то она послала первой жене запечатанное письмо. Та раскрыла, и было там написано:

Ми-во уси-то
Омофу кокоро-но
Коринэба я
Хито-во аварэ-то
Омохи сомураму

Видно, сердце мое,
Решившее быть равнодушным,
Не было наказано.
Вновь в возлюбленном очарование
Оно нашло³⁶⁹ —

так написала она, не наученная еще тем, что уже случилось.

Муж сначала не отдалялся от нее сердцем, любил ее, и она тоже очень любила его, но его сердце переменилось, он уже не относился к ней, как раньше. В Цукуси у нее были родители и братья, решила она ехать, он же, поскольку сердце его переменилось, и не собирался ее удерживать, а, наоборот, отпустил. Первая жена, уже привыкшая жить с нею вместе, очень горевала, что та уезжает. Проводила она вторую жену до Ямадзаки – посадить на корабль. Пришел туда и муж.

³⁶⁹ Эта и последующая танка помещены в *Хигакиюсю*.

Прежняя и новая жены провели вместе день и ночь, о столь многом говорили, а на следующее утро та взошла на корабль. Теперь кавалер с прежней женой собрались возвращаться и сели в коляску. Обоим было очень грустно, и тут приносят письмо от той, что на корабле. В нем написано:

Футари коси
Мити томо миэну
Нами-но уэ-во
Омохикакэдэмо
Кахэсумэру кана

Непохожа
Гладь волн
На дорогу, которой вдвоем мы сюда шли,
Неужели равнодушно
Ты меня отсылаешь? —

так говорилось в письме. Кавалер и прежняя жена преисполнились жалости к ней и заплакали. Корабль отплывал все дальше, даже ответить ей было нельзя. Увидев, как удаляется корабль, они, в коляске, дальше ехать не могли, а та, что была на борту, выставила голову, чтобы видеть их в экипаже, и вот корабль уходил все дальше и дальше, а ее лицо становилось все меньше, но она по-прежнему смотрела на них, и как печально это было.

Старшая сестра покойной мясудокоро, старшая из детей в семье, была весьма искушенной в изящном; прекрасно слагала танка, да и младшие сестры тоже превосходили мясудокоро. Мать ее умерла, когда она была еще очень молода. Заботы о ней взяла на себя мачеха, и нередко бывало так, что девушке приходилось поступать против собственной воли. И вот она сложила:

Арихатэну
 Иноти мацу ма-но
 Ходо бакари
 Уки кото сигэку
 Нагэкадзу могона

Ах, если б можно было не вздыхать
 И не печалиться,
 Хотя бы пока
 Проживаешь эту жизнь,
 У которой будет конец³⁷⁰ —

так она сложила.

³⁷⁰ Эта танка с изменениями в последней строке помещена в *Кокинсю*, 18, где автором назван Тайра-но Садафуми, а также в *Исэсю*.

Отломив ветку сливы, она:

Какару ка-но
Аки мо каварадзу
Нихохисэба
Хару кохиси тэфу
Нагамэсэмаси я

Если бы этот аромат
И осенью неизменно
Источался,
Не так мучительно было б
О весне с любовью вспоминать³⁷¹ —

такое сложила стихотворение.

Была она прекрасно воспитана и хороша собой, много поэтому было таких, кто стремился завязать с ней отношения, но она даже не отвечала им. «Женщина не должна вот так, [в одиночестве], завершить свою жизнь, хоть иногда пиши им ответы», – говорили отец и мачеха, и, принуждаемая ими, она написала одному кавалеру такой ответ:

Омохэдомо
Кахи накарубэми
Синобурэба

³⁷¹ Видимо, под осенью имеется в виду мачеха, под весною – покойная мать.

Цурэнаки томо я
Хито-но мирураму

Хоть и думаю о вас,
Но, видно, все напрасно.
Чувства в душе таю
И, верно, бесчувственной
Кажусь я вам.

Только это она и послала, ни слова не добавила. Причина же была вот в чем: родные все говорили ей: «Возьми же кого-нибудь в мужья», а она отвечала: «Всю свою жизнь до смерти я хочу прожить без мужчин», беспрестанно это твердила, и так оно и вышло: ни с кем не завязала отношений и в двадцать девять лет скончалась.

В Старые времена жила одна дама, супруга Дзайдзи-но кими³⁷³, сына Дзайтюдзё. Дама эта была племянницей Ямакагэ-тюнагона³⁷⁴ и звалась Годзё-но го. Дзайдзи-но кими отправился как-то в дом к своей младшей сестре, супруге наместника провинции Исэ³⁷⁵. У наместника была возлюбленная. И Дзайдзи-но кими, старший брат жены наместника, втайне от людей завязал отношения с этой возлюбленной. Он думал, что она любила только его, но оказалось, что и с его братьями она тоже встречалась. И вот он ей:

Васурэнаму
 То омофу кокоро-но
 Канасики ва
 Уки мо укарану
 Моно-ни дзо арикэру

Позабыть бы тебя —

³⁷² Перед этим даном имеется помета, видимо принадлежащая переписчику: «Существует книга, где этого дана нет».

³⁷³ Дзайдзи-но кими – Аривара Сигэхару, третий сын Аривара-но Нарихира (825—880), служившего в чине тюдзё, знаменитого поэта, одного из «Шести Бессмертных», героя *Исэ-моногатари*.

³⁷⁴ Ямакагэ-тюнагон – Фудзивара Ямакагэ (824—888), сын Такафуса.

³⁷⁵ Видимо, имеется в виду Фудзивара Цугикагэ.

Как подумаю, так душа

В тоске.

Рядом с этим

Иные печали уже не опечалят³⁷⁶ —

так сложил. Теперь это все уже старинные песни.

³⁷⁶ Танка помещена в *Синтёкусэнсю*, 14, с пометой: «Автор неизвестен», с некоторыми изменениями; танка сходного содержания есть в *Исэ-моногатари*, 21.

Этот Дзайдзи-но кими, то ли потому, что его отец, Дзайтюдзё ездил на восток, и он с братьями времена ми совершал путешествия в другие провинции. Был он человеком весьма изящного вкуса, и, если в иной провинции в каком-либо месте его охватывала печаль и чувство одиночества, он слагал и записывал стихи. На станции под названием Офуса открылось морское побережье. Тогда он сложил и записал [на станции] такое стихотворение:

Ватацуми-то
Хито я миру раму
Афу кото-но
Намида-во фуса-ни
Накицумэцурэба

Широким морем,
Верно, видятся людям
Те слезы, что я в обилии
Проливаю
Из-за свиданий, [что невозможны]³⁷⁷.

³⁷⁷ Танка содержит омонимы: *нами* – «нет» и *намида* – «слезы», *офуса* – «радуга» и *фуса* – «много». *Ватацуми* созвучно слову *накицумэ* («плакать не переставая») и включает в себя слово *цуми* – «накапливать». Слова *ватацуми*, *нами*, *наки* (в слове *накицумэ*)

А на станции под названием деревня Минова:

Ицу ва то ва
Ваканэдо таэтэ
Аки-но ё-дзо
Ми-но вабисиса ва
Сиримасарикэру

Всегда
Неизменно [грущу],
Но в осенние ночи
Моя печаль
Всего сильнее³⁷⁸ —

так сложив, написал. Так скитался он по чужим провинциям, и однажды, когда он добрался до провинции Каи (Кахи) и жил там, он заболел и, чувствуя, что умирает, сложил:

Карисомэ-но
Юки кахидзи то дзо
Омохиси-во
Има ва кагири но

представляют собой *энго*. Четвертая строка содержит топоним Офуса — название станции, где было сложено стихотворение.

³⁷⁸ Четвертая строка стихотворения включает топоним Минова. Танка сходного содержания помещена в *Сюисю* и в *Кокинсю*, 4, с пометой: «Автор неизвестен», а также в *Мунэюкисю*.

Кадодэ нарикэри

Лишь на время

Посетил я [это место],

Так мне думалось.

Теперь же стало [это путешествие] последним

Выходом за ворота³⁷⁹ —

так сложил он и скончался.

Один человек, который знал по прежним путешествиям Дзайдзи-но кими, возвращаясь в столицу из провинции Микава, останавливался на всех этих станциях. Он увидел эти танка и, узнав его руку, приметил их и очень печалился.

³⁷⁹ Во второй строке танка читается топоним Кахи. Танка в другой редакции помещена в *Кокинсю*, 16, где приписывается Аривара Сигэхару.

Император Тэйдзи отправился к устью реки³⁸⁰. Была тогда среди укарэмэ³⁸¹ одна, по имени Сиро³⁸². Он послал к ней гонца, и она пришла. При императоре было много вельмож, придворных и принцев, так что она остановилась поодаль. «Воспойте в стихах, почему вы стали так далеко», – повелел император, и она тут же сложила:

Хаматидори
Тобиюку кагири
Арикэрэба
Кумо тацу яма во
Ава-то косо мирэ

Есть предел высоты
Полета
У прибрежной птицы тидори,
Потому и горами, над которыми встают облака,
Любуются издали: вон они!³⁸³ —

³⁸⁰ Это место в списке неясно.

³⁸¹ Укарэмэ – девушки, увеселявшие высокопоставленных вельмож танцами и стихами, а затем становившиеся их партнерами на ночь.

³⁸² Видимо, имеется в виду дочь Тамабути, героиня 146-го дана.

³⁸³ В этой танка поэтесса под птицами разумеет себя, под горами – императора. Ава – название местности и «вот оно», а также «туманно»,

так она сложила. Император нашел стихотворение очень искусным, изволил похвалить и пожаловал ей дары.

Иноти дани
Кокоро-ни канафу
Моно нараба
Нани ка вакарэ-но
Канасикарамаси

Даже если бы жизнь,
Какой хотелось бы сердцу,
Вдруг стала,
Все же, верно, расставания
Были б печальны³⁸⁴.

Эту танка сочинила тоже Сиро.

«неясно», «слегка». Танка помещена в *Окагами фурумоногатари*.

³⁸⁴ Танка помещена в *Кокинсю*, 8, под авторством Сиромэ, а также в *Кокинрокутё*, 4, и в *Окагами фурумоногатари*.

Император Тэйдзи перебрался во дворец Торикаи-но ин³⁸⁵. Там жизнь его проходила в обычных развлечениях. «А есть ли среди множества укарэмэ, что приходят увеселять нас, девушки с красивыми голосами и из хороших семей?» – как-то спросил он, и те отвечали: «Вам приходит служить дочь Оэ-но Тамабути³⁸⁶, она очень хороша собой». Император пожелал ее увидеть и нашел, что облик ее благороден, полна девушка прелести. Призвал он ее во дворец. «Правда ли то, что о ней говорят?» – спросил он и повелел всем, кто там был, слагать стихи на тему кормления птиц [торикахи]. И сказал он: «Тамабути в делах был прилежен и песни слагал превосходно. Сумеешь ты сложить хорошие стихи о кормлении птиц, я и рассужу, правда ли, что дочерью ему приходишься». Услышав это, девушка тут же:

Асамидори
 Кахи ару хару ни
 Ахинурэба
 Касуми наранэдо

³⁸⁵ Императорская резиденция в Осацком округе уезда Мисима.

³⁸⁶ Наместник провинции Тамба, имевший четвертый придворный ранг, сын Оэ Отобито.

Татиноборикэри

Нежно-зеленой весной,
Когда жить так прекрасно,
Мы встретились с вами.
Поднялась я сюда,
Хоть я и не дымка тумана³⁸⁷ —

произнесла она это, и император был так несказанно очарован, что даже слезы навернулись ему на глаза. Все остальные были тогда сильно во хмелю, и начались бурные рыдания. Император пожаловал девушке утики и хакама³⁸⁸. Находившимся там сановникам, принцам, придворным четвертого и пятого рангов он приказал: «Встаньте с места те, кто еще не снял с себя одежд и не отдал ей!». И все чины, и высшие и низшие, по очереди стали снимать одежды, девушка уже не могла ничего надеть на себя, и дары во множестве складывали между столбами-опорами дома. Скоро настала пора государю возвращаться в столицу, и он, узнав, что Нанъин-но ситиро-кими³⁸⁹ построил себе дом неда-

³⁸⁷ Помимо того что название дворца «Кормление птиц» – торикахи (торикаи) в других значениях входит в текст стихотворения (*аса ми дорикахи*), в нем есть еще одна игра слов: *касуми* – «легкая дымка», но резиденция императора часто называлась метафорически «вместилище тумана» – *касуми-ана*. Танка приводится в *Окагами фурумоногатари*.

³⁸⁸ Разновидности одежды хэйанских придворных.

³⁸⁹ Нанъин-но ситиро-кими – видимо, Минамото Киёхира (877—945),

леко от того места, где она жила, поручил тому заботиться о ней. «Если ей что-нибудь понадобится – сразу сообщать во дворец. А то, что ей будет от нас пожаловано, отправлять к ситиро-кими. Надо избавить ее от всех невзгод» – так он соизволил сказать, и ситиро-кими с тех пор всегда навещал девушку и всячески заботился о ней.

сын принца Корэтада, совмещал несколько высших придворных должностей.

В давние времена была девушка, которая жила в провинции Цу. Навещали ее двое. Один жил в той же провинции Цу, род его был – Мубара. Другой же был из провинции Идзуми. Род его именовался Тину. И оба они и возрастом, и обликом, и родовитостью были весьма схожи, совсем одинаковы. Чьи устремления сердца сильнее, тому и буду принадлежать, думала она, но даже устремлениями сердца они были равны. Как стемнеет, они вместе к ней приходили. Когда присылали ей что-нибудь в подарок, то тоже всегда посылали одинаковое. Никак нельзя было сказать, кто из них кого превосходит. Дева просто извелась в раздумьях. Если бы еще устремления их сердец были неглубоки, ни с одним не стала бы видеться, но и тот и другой месяцы и дни напролет у ворот ее дома стояли и всячески выказывали свою привязанность, и она совсем истерзалась. То, что оба они равно в дар ей присылали, не принимала она, но они все приносили подарки и у ворот стояли. Был у нее отец, говорит он ей: «В такой печали проводишь ты годы и месяцы, и горе их

³⁹⁰ Этот сюжет представлен в антологии *Манъёсю*, в песне о деве Унаи. В связи с этим в данном эпизоде слова *онна* и *отоко* переводятся не как «дама» и «кавалер», а как «девушка» и «юноша».

всерьез не принимаешь, как это жалко. Если б стала ты женой одного из них, другой бы перестал помышлять о тебе», а она сказала: «Я тоже думаю так, но устремления их сердец столь схожи, что я измучилась в раздумьях. Что же мне теперь делать?» В это время находилась она в палатке в окрестностях реки Икута. Тут послали за теми, кто к ней сватался. И отец говорит: «Любовь ваша одинакова, и этой юной девушке трудно выбрать. Но все же сегодня мы примем решение. Один из вас – из дальних мест. Другой – из здешних мест, но и он страдает беспредельно. И вот обоих вас очень мне жаль». И когда он это сказал, оба очень обрадовались. «Вот что я скажу вам: пустите ваши стрелы в речную птицу, что по реке плывет. Кто в нее попадет, тому и дочь отдам», – сказал он это, и они, проговорив: «Очень это хорошо», выстрелили, и один попал в голову, а другой тут же попал в хвост. И на этот раз нельзя было рассудить, кто победил.

В мучениях девушка:

Сумивабину
Вага ми нагэтэму
Цу-во куни-но
Икута-но кава ва
На номи нарикэри

Тяжело мне влачить эту жизнь,
И покончу я с ней.

Ведь в стране Цу
Река Икута, река «Живое поле»,
Одно лишь названье —

так сложила. Та палатка, выходила к самой реке, и она туда бросилась. Отец в смятении закричал, по берегу заметался. И тут оба кавалера, что за ней ухаживали, в одно и то же место кинулись за ней. Один схватил ее за рукав, другой схватил за ноги, так все и утонули. Отец в горе вытащил их тела на берег, причитал он, плакал и похоронил дочь. Родители обоих юношей явились. Рядом с ее могильным холмом сделали еще могилы, а когда стали хоронить, отец того, что из страны Цу, сказал: «Кто из той же стороны, того и хоронить вместе с ней. А тот, что из другой, как же можно его в той же земле?»³⁹¹. И когда он воспротивился, отец того, что из Идзуми, нагрузил на корабль землю из провинции Идзуми, привез сюда же и в конце концов похоронил сына. И вот, говорят, могила девушки стоит в середине, а слева и справа – могилы юношей.

В старину это было, изобразили все это на картине и поднесли императрице³⁹², ныне уже покойной, и все придворные на эту тему слагали стихи будто бы от их имени. Исэ-но мясудокоро³⁹³ (за юношу):

³⁹¹ Считалось, что труп чужеземца мог осквернить землю.

³⁹² Имеется в виду Ацуко, см. коммент. 255.

³⁹³ Исэ-но го, см. коммент. 2.

Кагэ-то номи
Мидзу-но сита-нитэ
Ахимирэдо
Тама наки кара ва
Кахи накарикэри

Лишь теньями
Под водой
Встретились мы.
Но тело без души —
Какой от него прок?³⁹⁴

От имени девушки одна принцесса³⁹⁵:

Кагиринаку
Фукаку сидзумэру
Вага тама ва
Укитару хито-ни
Миэн моно ка ва

Беспредельно
Глубоко погружившаяся
Душа моя
С тем, кто так поверхностен,

³⁹⁴ Танка обыгрывает омонимы: *кахи* – «толк» и «раковина». *Кахи* – «раковина» и *кара* – «скорлупа», «тело», «оболочка» связаны по типу *энго*. Стихотворение, по-видимому, основано на танка из *Кокинсю*, 11.

³⁹⁵ Принцесса Хирако (890—910).

Разве встретиться может?

Еще Исэ-но мия (за юношу):

Идзуку-ни ка
Тама-во мотомэн
Ватацууми-но
Коко касико то мо
Омохознаку-ни

Где же мне
Душу ее найти?
Широкое море —
Здесь она или там?
И этого мне не понять.

Хёэ-но мёбу³⁹⁶:

Нука-но ма мо
Моротомо-ни то дзо
Тигирикэру
Афу то ва хито-ни
Миэну моно кара

И в могиле
Вместе быть
Поклялись,
Ведь наши встречи людям

³⁹⁶ Дочь Фудзивара Такацунэ (?—893), ее танка встречаются в *Кокинсю*.

Не видны там³⁹⁷.

Итодокоро-но бэто³⁹⁸:

Катимакэ мо
Накутэ я хатэму
Кими-ни ёри
Омохи курабу-но
Яма ва коютомо

Победителя и побежденного
Так и нет – вот чем кончилось,
Хоть в любви к тебе
Состязались мы,
Гору «Состязание» переходя.

От имени девы еще при жизни:

Афу кото-но
Катами-ни уфуру
Наётакэ-но
Тативадзурафу-то
Кику дзо канасики

³⁹⁷ Танка обыгрывает омонимы: *цука-но ма* – «недолго», «кратко» и *цука* – «могила». Видимо, танка написана от имени мужчины.

³⁹⁸ Харусуми Аманэико – дочь Ёсинава, фрейлина. Ее танка есть в *Кокинсю* и *Госэнсю*. Бэто – глава придворной службы по портновским делам.

Быть коромыслом
И нести корзины
Шелестящему бамбуку
Так трудно —
Узнала я об этом и грущу³⁹⁹.

И еще:

Ми-во нагэтэ
Авamu-то хито-ни
Тигиранэдо
Укими ва мидзу-ни
Когэ-во нарабэцу

Расставаясь с жизнью,
Все же встретиться с тобой —
Такой клятвы я не давала.
Но брeнное мое тело
На воде показалось⁴⁰⁰.

³⁹⁹ Танка обыгрывает омонимы: *афу го* – «срок встречи» и «коромысло», *катами* – «вместе», «взаимно» и «бамбуковая корзина», а также *ката* – «плечо», род бамбука – *наётакэ* – в значении «бамбук, клонящийся от ветерка» – дзё к слову *тативадзурафу* – «с трудом стоять». *Наётакэ* также является энго к слову *катами*. Из омонимов складывается второй смысл: «Трудно ради меня, с которой невозможны встречи, стоять у ворот и мучиться».

⁴⁰⁰ Танка обыгрывает омонимы: *ми-во нагу* – «броситься в воду» и «умереть», *укими* – «брeнное тело» и «всплывающее, плывущее на поверхности воды тело».

Еще за одного из юношей:

Онадзи э-ни
Суму ва урасики
Нака нарэдо
Надо вага-то номи
Тигирадзарикэму

В одном потоке [с тобой]
Жить отраднo.
Но все же
Отчего ты не мне одному
Клятвы давала?⁴⁰¹

В ответ дева:

Укарикэру
Вага минасоко-во
Охоката ва
Какару тигири-но
Накарамасикабэ

Печальное
Тело мое на дне.
Ах, если бы
Такой клятвы
Я не давала!⁴⁰²

⁴⁰¹ Э – «поток» означает еще и «связь».

⁴⁰² В слово *минасоко* – «речное дно» входит и слово *ми* – «тело».

Еще за другого юношу:

Вага то номи
Тигирадзу нагара
Онадзи э-ни
Суму ва урэсики
Мигива то дзо омофу

Хоть не мне одному
Ты клялась,
Все же в одном потоке [с тобой]
Жить – отрадной такая судьба
Представляется мне⁴⁰³.

И вот вокруг могилы этого юноши построили ограду из благородного бамбука, положили с ним вместе охотничье платье – каригину, хакама, шапку эбоси, пояс, а также лук, колчан и меч и похоронили. А у другого родители, видно, беспечные были и ничего такого не сделали. Имя же этой могиле – «могила девы» – так ее назвали.

Один путник заночевал как-то у этой могилы и услышал голоса, будто кто-то ссорится. Станным это ему показалось, стал разузнавать, говорят ему: «Ничего

⁴⁰³ Танка обыгрывает омонимы: э – «поток» и «связь», суму – «быть чистым» и «жить в супружестве», мигива – «кромка воды» включает слово *ми* – «тело».

такого [здесь раньше] не случилось». Подивился он этому, снова лег там спать, и вдруг вышел перед ним какой-то юноша, весь залитый кровью, преклонил колени и говорит: «Меня мучает враг, и я в тоске. Одолжите мне ненадолго ваш меч, я отомщу недругу!». Испугался странник, но меч дал. Потом подумал, что, может, это ему приснилось, но, смотрит, и правда, меча у него нет. Немного погодя прислушался: как прежде, будто какая-то ужасная ссора. И вот вскоре появляется перед ним тот же человек в большой радости и говорит: «Благодаря вам я убил того, кто долгие годы был мне ненавистен. Отныне и впредь я буду охранять вас» – и рассказал всю свою историю с самого начала. Очень не по себе было путнику, но любопытным ему все это показалось. Расспрашивал он, тот ему отвечал, а как ночь перешла в рассвет, глядь – перед ним нет никого. Осмотрелся утром, а у подножия холма кровь течет. И на мече тоже кровь. Очень странная эта история, но записана она так, как ее рассказывают.

Был один человек, который построил себе дом в провинции Цу, в окрестностях Нанива. Долгие годы жил он с женой в любви и согласии. Оба они были не низкого происхождения,

но со временем им становилось все труднее, жилище обветшало, прислуга по одному разбежалась в более богатые дома, так они и остались вдвоем. Но раз они были не из простых, то и не стали наниматься никому в услужение, но очень горевали, печалились и говорили между собой: «Как невыносимо тяжело все это». Муж: «Никуда я не могу уехать, когда положение твое так ненадежно!» Жена: «Куда же уйду я, оставив своего супруга!» Так только переговаривались они, но однажды муж сказал: «Ничего не поделаешь, придется мне все же уезжать. Сердце мое сжимается от жалости, что в твои юные годы так тебе жить пришлось. Отправляйся в столицу и поступи к кому-нибудь в услужение. Если дела твои пойдут хорошо, вызови меня. Если мне удастся жить как люди, я сразу же сообщу тебе». Плача, обменялись они клятвами. И жена поехала в столицу искать помощи у родственника. Никакой особой цели путешествия у нее не было, и, приехав, она поселилась в доме своего спутника и очень печал-

лилась там о муже. Во дворце перед домом во множестве рос мискант. Подул ветер, она вспомнила о далекой стране Цу, подумала: «Что-то с ним теперь будет?» — и в грусти сложила:

Хитори ситэ
Ика ни сэмаси то
Вабицурэба
Соётомо маэ-но
Оги дзо катафуру

В одиночестве
Как теперь жить —
Вопрошаю, горюя.
«Вот так», — легкий ветерок
В мисканте отвечает —

так себе она сказала. И вот служила она в разных местах, наконец поступила в дом почтенного человека, стала служить у него, появились у нее красивые одежды, нуждаться стала меньше, и лицо, и весь облик ее стали еще краше. Но не забывала она о тех годах, что прожила в далекой Цу, и часто грустила о том времени. Отправила письмо с одним человеком, который ехал в ту провинцию, ответ был разочаровывающий: «О таком ничего не известно». Близких у него не было, послать на поиски было некого, женщина впала в безысходное отчаяние и только и размышляла,

как ей теперь быть. И вот в это время скончалась госпожа, которой та прислуживала, ее супругу пришлось в разные места посылать женщину с поручениями, и полюбил он ее всем сердцем. Она тоже привязалась к нему и стала его женой. Жила без забот и людям казалась счастливой, но в глубине души, сокрытой от людей, только об одном и думала: «Как-то он живет? Хорошо ли, плохо ли? Наверно, не может узнать, где я нахожусь». Хотела послать к нему человека, но подумала, что выйдет очень неловко, если о том узнает ее нынешний муж. Печалилась она и вот однажды говорит супругу: «В провинции Цу есть очень красивые места. Хотела бы я отправиться на побережье Нанива для свершения обряда очищения». – «Очень хорошо! И я поеду с тобой!» – ответил супруг, но она возразила: «Не делайте этого. Я поеду одна» – и отправилась в путь. Завершив обряды очищения в Нанива, когда уже надо было собираться в обратную дорогу, она сказала: «Мне надо еще кое-кого повидать в этих краях. Теперь несите паланкин в ту сторону, потом немного в эту». И так ее принесли к ее прежнему жилищу. Посмотрела она, но нет ни дома, ни мужа. «Куда же он делся?» – в грусти подумала она. Ведь она прибыла сюда с намерением отыскать его, но доверенных слуг у нее не было, отправить на расспросы некого, и она пришла в полное отчаяние. Приказав остановить паланкин, она погрузилась в тяжелые думы, и тут один

из ее спутников сказал: «Солнце уже зашло. Надо бы поспешить». – «Подождем немного», – ответила она. Тут перед ее каретой появился человек, похожий на нищего, с вязанкой тростника за плечами. Посмотрела она ему в лицо: кажется, не тот, так жалко выглядел этот нищий, но все же похож на ее мужа. Тогда, желая получше рассмотреть его, она приказала: «Позовите этого человека с тростником. Я хочу купить тростник». Спутники подумали про себя, что собирается она приобрести вещь, ей совершенно ненужную, но, так как это было повеление госпожи, подозвали нищего и купили вязанку. «Подведите его ближе к паланкину, я хочу посмотреть на него», – приказала она и, хорошенько разглядев лицо нищего, признала, что это ее прежний муж. «Каково же приходится в этом мире человеку, торгующему таким никчемным товаром!» – воскликнула она и заплакала, а спутники ее решили, что она сожалеет о всех тех, кто влачит жалкое существование на этом свете. И тогда женщина повелела: «Накормите этого человека с тростником. Дайте ему много вещей в обмен на его товар». – «Как же можно одарять богатством какого-то ничтожного человека!» – возроптали некоторые. Заставить их насильно она не могла, и, пока раздумывала, как ей вручить все дары, щель между нижними шторками оконца приоткрылась, и тот, взглядевшись, увидел женщину, очень похожую на его жену. Пораженный, он, уняв волнение, посмотрел снова

и узнал лицо ее и голос, сразу догадался обо всем, понял, каким жалким он ей кажется, и, раздираемый чувствами, бросил тростник и убежал. «Подожди же!» – пытались его остановить, но он скрылся в чужом доме и спрятался за очагом. Женщина приказала из паланкина: «Приведите его сюда!» Ее спутники, расставив руки, принялись с криками ловить его. «Он в том доме», – подсказал кто-то. Слуги обратились к нищему: «Тебя просят подойти. Никто не собирается тебя бить, а пожалуют разные подарки, глупец!» Тогда он попросил у них тушечницу и написал женщине послание. В нем говорилось:

Кими накутэ
Асикарикэри то
Омофу ни мо
Итодо нанива но
Ура дзо сумиуки

Тебя не стало,
И так тяжело
Было мне,
И все печальней в Нанива-
Заливе мне становилось жить⁴⁰⁴, —

⁴⁰⁴ Танка помещена в *Сюисю*, 9, *Кокинрокутё*, 3; в *Кондзяку-моногатари*, 30, третья строка: *омофу ни ва*. *Асикари* – какэкотаба, имеющее омофоны со значениями «плохо», «тяжело» и «резать тростник». Отсюда – иной смысл второй строки: «Я теперь стал резать

написав так, он запечатал письмо и сказал: «Отнесите это даме в паланкине». Спутники женщины нашли это странным, но послание все же отнесли. Открыла она, прочла, стало ей грустно, как никогда. Зарыдала она громко. Что же до ответного послания, то неизвестно, что с ним случилось. Сняла она свои одежды, в которых путешествовала в паланкине, свернула и, написав письмо, все вместе ему отослала, а потом вернулась в столицу. Что было дальше – неведомо.

Асикарадзи
То тэ косо хито-но
Вакарэкэмэ
Нани-ка нанива-но
Ура мо сумиуки

«Не будет тяжело» —
Так говорил ты,
Расставаясь со мной.
Отчего же теперь в Нанива-
Заливе жить печально?⁴⁰⁵

тростник».

⁴⁰⁵ По содержанию эта песня не соответствует смыслу рассказа. Видимо, в первоначальном тексте *Ямато-моногатари* ее не было и это позднейшая вставка. Однако она приводится в *Сюисю*, 9, и в *Кондзяку-моногатари*, 30 (в разделе 5). При этом порядок следования стихотворений обратный: сначала танка жены, потом – мужа. Ввиду употребления тех же омонимов, что и в предыдущем стихотворении,

первая строка имеет еще смысл: «Не буду резать тростник».

В давние времена в стране Ямато, в уезде Кацураги, жили мужчина и женщина. Женщина эта была прекрасна и лицом и статью, и долгие годы провели они в любви и согласии, но женщина обеднела, оттого она очень страдала, и мужчина, хоть и безгранично сожалел о ней, все же взял себе другую жену. Эта новая жена была богата, и хотя он не так уж сильно любил ее, но, когда он приходил, она всячески старалась угодить ему, облачалась в красивые одежды. Привык он бывать в зажиточном доме, и, когда навещал свою прежнюю жену, она казалась ему такой жалкой. И хотя ходил он к другой, не видно было, чтобы она его ревновала, и сердце его еще больше сжималось от жалости. Женщина в душе терзалась ревностью, но терпела муки тайно. Однажды ночью, когда он решил остаться у нее, она даже сказала ему: «Лучше уходите», и тут он подумал про себя: «Верно, она совсем не ревнует, что я вот так ухожу к другой, значит, кто-то у нее должен быть, если б не было, она бы наверняка ревновала». Сделал он вид, что уходит, а сам спрятался в садике перед домом, стал высматривать, не идет ли мужчина. Жена его вышла на веранду и стала расчесывать волосы при свете поразительно красивой луны. До позд-

ней ночи не ложилась она спать и все тяжело вздыхала и была погружена в печаль. Не иначе как она ждет возлюбленного, думал муж. И тут, обратившись к слуге, что был подле нее, она сказала:

Кадзэ фукэба
Окицу сиранами
Тацутаяма
Ё ва ни я кими-га
Хитори коюраму

Дует ветер,
И в открытом море белые волны
Встают. Через гору Тацута
Сегодня ночью ты один
Переходишь, верно⁴⁰⁶ —

так сложила. Понял он, что это о нем она думает, и очень опечалился. Это как раз в дом его новой жены надо было идти по дороге через гору Тацута. Вгляделся он снова, видит — она заплакала и легла ничком. Потом наполнила водой золотой чайничек и поставила себе на грудь. «Удивительно, зачем она это делает», — подумал он и снова стал смотреть. Вот она подогрела

⁴⁰⁶ Две первые строки представляют собой *дзё* к слову *Тацутаяма* — «гора Тацута». *Сиранами* («белые волны»), *тацу* («вставать»), *кою* («переходить») — *энго*, «связанные ассоциациями слова». Есть также толкование, что *сиранами* — жаргонное обозначение воров, т. е. дама желает возлюбленному избежать встречи с разбойниками.

Эту воду, как в горячих источниках, и полила себя горячей водой. Потом снова наполнила чайник. Смотрел он на это, и так ему грустно сделалось, выбежал он и воскликнул: «Каково же тебе, если ты делаешь такое!» Заключил ее в объятия и провел с нею ночь. Вот никуда он не стал ходить, а все был с ней. Так прошло много месяцев и дней, и вот он подумал: «Принимают равнодушный вид, а в душе у женщины – такое страдание. Перестал я ходить к той, а как-то она это переносит?» Вспомнил он о ней и отправился в дом к той даме. Давно он там не бывал и в замешательстве остановился у ограды. Посмотрел в щель: при нем-то она всегда хорошо выглядела, а тут на ней было какое-то странное одеяние, в волосы у лба воткнул большой гребень, и она сама, [без помощи служанок], накладывала рис в чашку. Очень неприятно ему стало, вернулся он назад и больше уж к ней не ходил. А кавалер этот был внуком императора⁴⁰⁷.

⁴⁰⁷ Это повествование в ином виде встречается в *Кокинсю*, 18, и *Исэ-моногатари*, 23.

В давние времена жила одна младшая фрейлина, прислуживающая государю Нара-но микадо⁴⁰⁸. И лицом и статью была она необыкновенно хороша, и многие сватались к ней, и придворные разные выражали ей свое желание завязать отношения, но она ни с кем не встречалась. А не лежало у нее к этому сердце потому, что безгранично полюбила она императора. И как-то государь призвал ее к себе. Но потом не призывал более, и она безгранично затосковала. И ночью и днем все он был на сердце, все вспоминала его, с любовью и тоской вспоминала. А государь хоть и призывал ее, но после ни о чем не вспоминал. А ведь она все время при нем была, ему служила. И сделалось ей так горько, что хоть на свете не живи. Вот ночью, втайне ото всех бросилась она в пруд Сарусава. И даже когда бросилась она, государь и не знал ничего, дошла эта весть до его ушей, когда люди заговорили про это. Очень он опечалился и соизволил отправиться к этому пруду и повелел придворным слагать стихи. Какиномото-но Хитомаро⁴⁰⁹:

⁴⁰⁸ Относительно того, какой император имеется в виду, существуют различные версии, но точно установить не удастся.

⁴⁰⁹ Поэт конца VII в., один из прославленных авторов *Манъёсю*.

Вагимо коно
Нэкутарэгами-во
Сарусава-но
Икэ-но тамамо-то
Миру дзо канасики

Любимой моей
Эти спутанные волосы
В Сарусава-
Пруду драгоценными водорослями
Кажутся, и как это печально!⁴¹⁰ —

сложил он, и тогда император:

Сарусава-но
Икэ мо цураси-на
Вагимо ко-га
Тамото кадзукаба
Мидзу дзо хинамаси

О Сарусава-
Пруд – как он жесток!
Ах, когда милой
Рукава в него погрузились,

⁴¹⁰ Танка помещена в *Сюисю*, 20, и в *Какиномотосю*, а также в *Ситидайдзи дзюнрэйсики*, датируемом началом XII в., в разделе «Пруд Сарусава», где авторство приписывается императору Хэйдзэй.

Пусть бы высохла в нем вода!⁴¹¹ —

так он сложил. И вот, повелев, чтобы этот пруд считали ее могилой, во дворец вернулся.

⁴¹¹ Танка помещена в *Кокинрокутё*, 3 (раздел «Пруд»), в *Манъёсю* (раздел «О разном»), а также в собрании *Фумокусё*, 3, с указанием: «Автор неизвестен».

В день, когда император изволил любоваться, до чего красивы алые кленовые листья на реке Тацута, Хитомаро:

Тацутагава
 Момидзи ба нагару
 Камунаби-но
 Мимуро-но яма-ни
 Сигурэ фурураси

По реке Тацута
 Алые листья плывут,
 А на горе Мимуро,
 Куда спускаются боги,
 Идет осенний, морозящий дождь⁴¹².

Император:

Тацутагава
 Момидзи мидарэтэ
 Кагарумэри
 Ватараба нисики

⁴¹² Помимо *Кокинсю*, 5, танка под авторством Хитомаро встречается в *Сюисю*, 4, *Какиномотосю*, *Кокинрокутё*, 6, в разделе «Алые листья клена», а также в *Манъёсю*, 10, в разделе «Песни о разном».

Нака я таэнаму

По реке Тацута

Алые листья, перемешавшись,

Плывут.

И если пересечь реку, парча

Посередине порвется!⁴¹³

Так они проводили время в развлечениях.

⁴¹³ Танка имеется в *Кокинсю*, 5, с Пометой: «Автор неизвестен», а также в *Какиномотосю*, *Синсэнвакасю*, 1. В *Кокинрокутё*, 5, в разделе «Парча», танка помещена с небольшими отличиями.

Тот же император очень любил охоту. Был у него невиданно смышленный сокол, присланный из провинции Митиноку, уезда Ивадэ, и император очень дорожил этим соколом и собственноручно пускал его на охоте. Имя соколу было дано Ивадэ. Император доверил птицу одному дайнагону, сведущему в тонкостях Пути соколиной охоты, и тот днем и ночью им занимался, кормил его. И все же однажды, уж как это случилось, но сокол исчез. Дайнагон был в крайнем замешательстве, повсюду искал его, но так и не нашел. Он послал людей на поиски в горы, но птицы и тут не было. Он сам отправился далеко в горные места, бродил там, однако все было напрасно. Некоторое время он не докладывал о пропаже, но император обычно каждые два-три дня навевывался взглянуть на сокола. Делать было нечего. Дайнагон отправился во дворец, и, пока докладывал императору об исчезновении его любимой птицы, император не вымолвил, ни слова. Может быть, он не расслышал, подумал дайнагон, и повторил все еще раз, но снова император лишь пристально смотрел ему в лицо и ничего не говорил. «Как же я опрометчив», – подумал дайнагон и, совсем потеряв голову от страха, решился сказать: «Я повсюду искал вашего сокола, но

нигде не мог обнаружить. Как же теперь быть? Соизвольте хоть слово молвить!» И император произнес:

Ивадэ омофу дзо
Ифу ни масарэру

Думаю я в молчании,
Не в силах говорить⁴¹⁴.

Только это он и сказал, ничего больше не прибавил. В глубине души он так сожалел о соколе, что никакими словами не опишешь. Люди приписали много разных строчек в начало к этому стихотворению. А на самом деле только эти две и были сложены.

⁴¹⁴ В антологии *Кокинрокутё*, 5, приводится танка: Кокоро ни ва Ситаюку мидзу-но Вакикаэри Ивадэ омофу дзо Ифу ни масарэру В моем сердце Бегущие бурные потоки Пенятся, В молчании я размышляю, Но не в силах говорить. Танка обыгрывает омонимы: Ивадэ – кличка сокола, данная, видимо, по названию уезда, означает еще «в молчании», «не говоря», т. е. «Я думаю об Ивадэ».

Когда император Нара⁴¹⁵ восседал на престоле, император Сага⁴¹⁶, бывший в то время наследным принцем, сложил и поднес ему:

Мина хито-но
Соно ка-ни мэдзуру
Фудзибакама
Кими-но митамэ-то
Таворитару кэфу

Всеми людьми
За аромат превознесенный
Цветок фудзибакама
Для вас, государь,
Я сорвал сегодня⁴¹⁷.

А государь в ответ:

⁴¹⁵ Имеется в виду император Хэйдзэй (774—824), находился на престоле с 806 по 809 г.

⁴¹⁶ Император Сага (786—842) – младший брат императора Хэйдзэй, славился знанием китайской поэзии и был искусен в каллиграфии.

⁴¹⁷ Фудзибакама – цветок лилового цвета из семейства хризантем, одна из семи осенних трав, отводящих беду. Лиловый цвет в то время считался самым благородным. Танка помещена в *Сёкугосюисю*, 4, и *Кокинрокутё*, 6, а также в *Руйдзюкокуси*, 3.

Ору хито-но
Кокоро-ни каёфу
Фудзибакама
Мубэйро фукаку
Нихохитарикэру

Подобен душе
Того, кто его сорвал,
Цветок фудзибакама,
Цвет его глубок,
И благовонен он⁴¹⁸.

⁴¹⁸ *Иро* – «цвет» означает еще «любовь», т. е. «Любовь твоя глубока». *Нихохи* – «аромат», а также «блеск», «красота», т. е. «Так блестяще выражены [твои мысли в стихах]».

У одного человека, жившего в провинции Ямато, дочь была очень хороша собой, и вот однажды приехавший из столицы придворный кавалер увидел ее через щель ограды и был так поражен ее красотой, что похитил девушку, заключил ее в объятия, посадил на коня и бежал. Та была в горести и страхе. Наступили сумерки, они остановились на ночь у горы Тацута. Расстелив на траве кожаную покрывку с седла, кавалер лег рядом с девушкой. Та испугалась безмерно. Сердце кавалера преисполнилось жалости к ней, он принялся утешать девушку, но она не отвечала ни слова и обливалась слезами. Тогда кавалер:

Та га мисоги
 Юфуцукэдори ка
 Карагоромо
 Тацута-но яма-ни
 Орихаэтэ наку

Кто-то, свершая обряд очищения,
 На волю пустил священную птицу.
 Там, где кроют китайские одежды,
 На горе Тацута

Она беспрестанно поет⁴¹⁹.

Девушка отвечала:

Тацутагава
Иванэ во саситэ
Юку мидзу-но
Юкуи мо сирану
Вага гото я наку

У реки Тацута
По подножиям скал
Вода бегущая
Пути не знает, как и я.

И, верно, подобно мне плачет [как та птица]⁴²⁰ —

так она произнесла и скончалась. Потрясенный слу-

⁴¹⁹ «Священная птица», вернее, «птица под тканью» – метафорическое обозначение петуха, которого во время церемонии очищения накрывают бумазейной тканью – *юфуцукэ*. Это название по типу *энго* влечет за собой слово *карагоромо* – «китайская одежда», т.е. «нарядная одежда», последнее по ассоциации мотивирует появление слова Тацута (топоним), первая часть которого *тацу* имеет омофон со значением «кроить». Элемент *ори* в глаголе *орихау* («длиться», «тянуться») имеет омофон со значением «ткать», что также находится в смысловой связи с названными выше словами. Танка помещена в антологии *Кокинсю*, 18, и в своем первоначальном виде связи с девушкой не имеет. В антологии *Энгансю* ей предпослано краткое предисловие, в *Кокинрокутё*, 2 («Петух»), пятая строчка дана с незначительными изменениями.

⁴²⁰ Три первые строки танка связаны с двумя последними по принципу *дзё*.

Чившимся, кавалер зарыдал, держа в объятиях ее тело.

В давние времена у одного дайнагона была дочь-красавица, и он лелеял ее, думая, что со временем она будет служить императору. И вот служивший неподалеку от дворца человек в чине удонэри⁴²¹ – уж как это случилось, неизвестно, – но ее увидел. А увидев, как она хороша и лицом и статью, он позабыл обо всем на свете. Запала она ему в душу, ночью и днем очень он тосковал, терзался, чуть не заболел и послал ей передать: «Мне непременно надо тебе сказать кое-что». Она в ответ: «Удивительно, что же это?» – и вышла к нему. А он уж подготовил все, чтобы ее похитить, и без промедления схватил в объятия, посадил на лошадь и, не различая ни ночи ни дня, умчал ее в страну Митиноку. В месте, что зовется гора Асака уезда Асака, построил он хижину, поселил девушку там, стал ходить в деревню за едой, чтобы ее кормить, и так протекли годы и месяцы. Когда уходил он, она одна оставалась в горах, ничего не ела, а бесконечно печалилась в одиночестве. И вот понесла она дитя. Как-то он ушел за едой и не возвращался дня три-четыре. Она же, измучившись в ожидании, вышла из дому, отправилась к

⁴²¹ В обязанность удонэри вменялось охранять особу государя во время императорских выездов, находиться в свите императора.

горному колодцу и, увидев свое отражение в воде, все недоумевала – так не похоже было на нее прежнюю. У них ведь и зеркала не было, она и не знала, каким стало ее лицо, и, вдруг увидев, ужаснулась, стало ей стыдно. И тогда она сложила:

Асакаяма
Кагэ саэ миюру
Яма-но и-но
Асаку ва хито-во
Омофу моно ка ва

Гора Асака – «Мелкая» —
Отражение ясно видится
В горном колодце.
Может быть, мелкой его
Любовь была?⁴²² —

сложив это, она записала стихи на дереве и, вернувшись в хижину, скончалась. Он же, набрав всякой снеди, пришел домой, увидел, что она умерла и лежит ничком, и был потрясен до глубины души. Прочитал он стихи, что были написаны у горного колодца, вернулся в хижину и, одолеваемый горестью, лег рядом с ее те-

⁴²² Первые три строки танка представляют собой *дзё* к слову *асаку* («мелко»). Стихотворение в другом контексте встречается в *Манъёсю*, 16, в *Кокинсю*, в *Коматисю*, *Кокинрокутё*, 2. В *Кондзяку-моногатари*, 8, «Рассказ о том, как дочь дайнагона была похищена удонэри», воспроизводится то же повествование, что в *Ямато-моногатари*.

лом и умер. Дела эти очень давние.

Жил в стране Синано, в месте под названием Сарасина, один человек. Когда он был еще отроком, родители его умерли и тетка заменила ему отца и мать, с ранних его лет она пеклась о нем. А у жены этого человека было много дурного на сердце, и ненавистно было ей, что у свекрови от старости спина согбенная стала. И мужу своему все наговаривала, что у его тетки нрав дурной, нехороша она. Он уже не по-прежнему с ней обращался, нередко пренебрегал ею. А тетка становилась все дряхлее, спина уже вдвое согнулась. Это день ото дня сильнее тяготило невестку, и она все думала, отчего это та до сих пор не умирает, осыпала свекровь упреками да требовала от мужа: «Забери ее, уведи далеко в горы и оставь там». И убедила его: молчал он, но все же решил, что так и сделает. Както ночью, когда была очень яркая луна, он и говорит: «Собирайся-ка, тетушка. В храме будет пышное богослужение, хочу тебе показать». Тетка безмерно обрадовалась, он посадил ее себе на плечи и отправился. А жили они у подножия высокой горы, вот он и поднялся вверх и на вершине, в таком месте, откуда бы она спуститься не могла, бросил ее и убежал. «Эй, эй!» – кричала тетка, но он убежал, даже не откликнувшись. Вер-

нулся домой, стал думать: вот рассердился он на тетку, когда наветы жены слушал, и, разгневавшись, завел ее в горы, а ведь столько лет она, как родная мать, воспитывала его, заботилась о нем; и очень стало ему тяжело на сердце. И вот, вглядываясь, как с вершины этой горы беспредельно ярко светит луна, всю ночь провел без сна, в грусти, и сложил:

Вага кокоро
Нагусамэканэцу
Сарасина я
Обасутэяма-ни
Тэру цуки-во митэ

Моему сердцу
Трудно утешиться,
Видя луну, что сияет
На горе, где бросил я тетку,
В Сарасина⁴²³ —

так он сложил и снова отправился в горы, нашел ее и домой привел. Вот с тех пор и зовется эта гора Обасутэяма – «Гора, где бросили тетушку». Отсюда пошло, о таком и стали говорить – «утешиться трудно»⁴²⁴.

⁴²³ Танка помещена в *Кокинсю*, 17 (автор неизвестен), *Кокинрокутё*, 1 (раздел «О разном, луна»), *Синсэнвакасю*, 4, и в других антологиях.

⁴²⁴ Этот эпизод полностью приводится в *Кондзяку-моноготари*, 30 («Рассказ о горе, где бросили тетушку в Синано», 9).

В стране Симоцукэ⁴²⁵ долгое время жили муж с женой. Многие годы провели они вместе, и вот муж переменялся к жене душой, завел себе другую женщину и все, что в доме было, перевез до последнего к новой жене. Как это жестоко, думала она, но не мешала ему, только смотрела. Ни одной мелочи, с пылинку величиной, и то не оставил, все унес. Единственное, что ей осталось, – кормушка для лошади. Так и за этой кормушкой послал он своего слугу, подростка по имени Макадзи, чтобы он кормушку и ту забрал. Этому мальчику женщина и говорит: «Тебя уж тоже теперь здесь не будет видно» и тому подобное, а он: «Почему же? Хоть хозяин к вам и не будет хаживать, я непременно загляну», так ей отвечает и уж собирается уйти. Тогда она говорит: «Хочу я передать весточку твоему хозяину, не возьмешься ли мне помочь? Письмо-то читать он вряд ли будет. Так ты передай ему на словах». – «Непременно передам», – ответил слуга. И она:

Фунэ мо ину
 Макадзи мо миэдзи
 Кэфу ёри ва

⁴²⁵ Нынешняя префектура Тотиги.

Укиё-но нака-во
Икадэ ватараму

«И корабли скрылись,
И весла не видно.
Отныне
Бренный мир
Как переплыву я?⁴²⁶

Так ему передай», – наказала. Тот все передал мужу. И вот он, все подчистую из дому увезший, все до единого обратно привез и стал жить, как раньше, и в сторону больше не смотрел, а все был с нею⁴²⁷.

⁴²⁶ Макадзи – имя слуги включает в себя слово *кадзи* – «весло». Слово *фунэ* – «корабль» намекает на *мабунэ* – «кормушка для лошади», т. е. «И кормушку увезли, и Макадзи не видно». *Кадзи* – «весло» – *энго* к *фунэ* – «корабль».

⁴²⁷ Этот сюжет использован в *Кондзяку-моногатари*, 30 («О том, как некто, живший в провинции Симоцукэ, оставил жену, а потом вернулся к ней», 10).

В стране Ямато жили муж и жена. Годы и месяцы провели они в безмерной любви, но вот, отчего так случилось, неизвестно, но он завел себе другую. Мало того, он еще привел эту другую женщину в свой дом, отгородился стеной и поселился, а на половину прежней жены и не показывался. Той же было очень горько, но она не подавала признаков ревности. В долгие осенние ночи, когда не смыкая глаз прислушивалась она, то слышала, как кричат олени. Безмолвно слушала. И тогда муж, отделенный стеной, сказал ей: «Эй, в Западных покоях, ты слышала?» – «Что именно?» – отвечала она. «Слышала, как кричат олени?» – «Да, слышала», – отвечала жена. «Ну, и как же прозвучал для тебя этот крик?» – спросил он, и женщина тут же ответила:

Вага мо сика
 Накитэ дзо хито-ни
 Кохирарэси
 Има косо ёсо-ни
 Коэ-во номи кикэ

И меня когда-то, вот так
 Плача, милый
 Любил.

А теперь со стороны
Лишь голос его слышу⁴²⁸ —

так сложила. Ему это стихотворение понравилось
безмерно, и нынешнюю свою жену он отослал обратно
и стал жить по-прежнему.

⁴²⁸ *Сика* – «так» значит еще «олень». Танка помещена в *Синкокинсю*, 15, *Кондзяку-моногатари*, 30 («Рассказ о том, как сложила танка жена одного человека, жившего в стране Тамба», 12).

Жила некогда фрейлина Сомэдоно-но найси⁴²⁹. Ее время от времени навещал человек по имени Ёсиари-но отодо⁴³⁰. Она была искусна в шитье, и он как-то попросил ее сшить ему одежду и прислал много рисунков для ткани. Она же говорит: «Не украсить ли узором из облаков и птиц?» Он же не давал ничего знать. Тогда она сказала: «Не знаю, что делать. Прошу вас решить», и он в ответ соизволил сказать:

Кумо тори-но
 Ая-но иро-во мо
 Омохоэдзу
 Хито-во ахимидэ
 Тоси-но хэнурэба

Облаков и птиц
 Рисунок – даже цвета его
 Не различаю,
 Ибо, не встречаясь с тобой,
 Провожу годы⁴³¹ —

⁴²⁹ Относительно ее подлинного имени есть разные гипотезы, но точно неизвестно, кто имеется в виду.

⁴³⁰ Минамото Ёсиари (845—897) – старший сын императора Монтоку.

⁴³¹ Ая – «рисунок», «узор» подразумевает еще значение «не различить» (*аямэ-о вакану*). Иро – «цвет» и «любовь», т.е. «не вижу твоей любви».

ТАК ОН СКАЗАЛ.

Когда ту же фрейлину навещал Дзайтюдзё⁴³², как-то он сложил и послал ей:

Аки хаги-во
Иродору кадзэ-но
Фукинурэба
Хито-но кокоро мо
Утагаварэкэри

Осенние кусты хаги
В алый цвет красящий ветер
Подул,
И сердце
Охвачено сомнениями⁴³³ —

так гласило послание. В ответ она:

Аки-но но-во
Иродору кадзэ ва
Фукину томо
Кокоро ва карэдзи

⁴³² См. коммент. 373.

⁴³³ Танка содержит омонимы: *аки* — «осень» и «пресыщаться». Стихотворение помещено в *Нарихирасю*, а также в *Госэнсю*, 5, с пометой: «Автор неизвестен».

Кусаба наранэба

Осенние поля
В алый цвет красящий ветер
Пусть и подул,
Но сердце не увядает,
Оно ведь не трава⁴³⁴ —

так сложила. И вот перестал он ее навещать, а как-то послал к ней человека с просьбой сшить ему одежду. К тому же он приписал: «Некому мыть мои одежды, и я в затруднениях. Прошу вас снова заняться этим». Фрейлина ему: «Виною здесь ваше переменчивое сердце»:

Охонуса-ни
Наринуру хито-но
Канасики ва
Ёру сэ томо наку
Сика дзо наку нару

Тому, кто привык
К жертвоприношениям Онуса,
Если взгрустнулось —
Так это лишь потому, что не стало

⁴³⁴ Танка содержит омонимы: *аки* – «осень» и «пресыщаться», *карэдзи* – «не увядать» и «не расставаться». В некоторых сборниках авторство приписывается Нарихира, в других – считается ответной танка дамы.

Потока, [куда бросают Онуса]⁴³⁵ —

так она сказала. А тюдзё:

Нагару томо
Нани то ка миэму
Тэ-ни торитэ
Хикикэму хито дзо
Нуса-то сиру раму

Хоть и плывет,
Но что это – можно ль увидеть?
Только тот, кто в руке это держит
И несет,
Может наверное знать, что это – нуса!⁴³⁶ —

так сказал.

⁴³⁵ Онуса – жертвоприношения богам в виде ветки священного дерева сакаки с привязанной к ней коноплей, их несет одновременно большое число людей. После жертвоприношения онуса пускают плыть по реке. *Ерусэ* (поток, в который пускают онуса) имеет также значение «супруги». Таким образом, складывается иной смысл танка: «Если стало грустно человеку, который привык ко многим женщинам, то это потому, что нет у него супруги».

⁴³⁶ Тюдзё хочет сказать, что и дама его легкомысленна, потому ей должны быть понятны затруднения ветреника.

Нарихира, когда он был в чине тюдзё, во времена, когда Нидзё-но кисай-но мия⁴³⁷ еще не служила императору, а была просто девицей из благородного рода, навещал ее, и вот как-то послал он ей пучок морских водорослей хидзики и приписал:

Омохи араба
 Мугура-но ядо-ни
 Нэ мо синаму
 Хидзикимоно-ни ва
 Содэ-во сицуцу мо

Если бы ты меня любила,
 То в заросшем плющом жилище
 Легли бы вместе
 И подстилкой нам
 Были бы наши рукава⁴³⁸ —

так сложить соизволил. Ответ же забыли люди. И вот, когда Кисай-но мия стала супругой императора, отправилась она в храм Охарано. Сопровождают

⁴³⁷ Фудзивара Такако (842—910) – супруга императора Сэйва. Кисай-но мия – титул супруги экс-императора, принявшей постриг.

⁴³⁸ Танка обыгрывает омонимы: *хидзики* – название водорослей и «подстилка». Приводится в *Исэ-моногатари*, 3.

ее собралось много вельмож и придворных. Был среди них и тюдзё. Он держался там, где было потемнее, около кареты. Было это после того, как в храме многие совершили жертвоприношения. Из задней части кареты она пожаловала в подарок тюдзё одеяние. Принимая дар, тюдзё:

Охохара я
Осихо-но яма мо
Кэфу косо ва
Ками ё-но кото-во
Омохиидзурамэ

Храм Охара
И гора Осихо
Сегодня
Времена богов,
Верно, вспоминают⁴³⁹ —

тайно от всех произнес. Вспомнила она о прежних временах, и занятно ей это показалось.

⁴³⁹ Танка приводится в *Кокинсю*, 17, *Исэ-монвгатар*, 76, *Нарихирасю*, *Кокинрокутё*, 2 (раздел «Горы»), а также в *Окагами*.

И еще такое было: когда тюдзё служил во дворце, от мия-сундокоро была ему прислана «забудь-трава» с вопросом: «„Забудь-трава" – что это такое?», и тюдзё:

Васурэгуса
 Офуру нобэ то ва
 Миурамэдо
 Ко ва синобу нари
 Ноти мо таномаму

Травой «забудь»
 Все заросло —
 Так кажется.
 Но эта трава синобу – «тайная»,
 И впредь я буду верить тебе⁴⁴⁰ —

так сложил. Ведь одну и ту же траву зовут то «забудь-трава», то «тайная трава»⁴⁴¹. Об этом он и сложил эту танка.

⁴⁴⁰ Танка помещена в *Исэ-моногатари*, 100, а также в *Нарихирасю и Сёкуокинсю*, 14.

⁴⁴¹ «Тайная трава» – трава «тайная любовь».

В дом тюдзё от кисай-но мия пришла просьба при-
слать хризантему, и, посылая:

Ухэси ухэба
Аки наки токи я
Сакадзараму
Хана косо тирамэ
Нэ сахэ карэмэ я

Посадить – посадишь,
А пока не пришла осень,
Она не расцветет,
Пусть осыпаются цветы,
Но корни-то не засохнут⁴⁴² —

так приписав, послал он.

⁴⁴² Танка помещена в *Кокинсю*, 5, и *Исэ-моногатари*, 51, а также в *Кокинрокутё*, 6 (раздел «хризантемы»). *Аки* – «осень» означает еще «пресыщение». Отсюда – второй смысл: «Пока не пришло пресыщение, не будем расставаться. Пусть пройдет радость любви, корни ее не засохнут (т. е. останется надежда на будущее)».

В дом тюдзё один человек прислал праздничные дары, обвитые разноцветными нитками, и в ответ тюдзё:

Аямэ кари
Кими ва нума ни дзо
Мадохикэру
Вага ва но-ни идэтэ
Кару дзо вабисики

Срезая ирисы,
Ты, верно, по болотам
Блуждал.
Я же, в поля выйдя,
Охотился – и так это было тяжко!⁴⁴³ —

так написав, послал фазана.

⁴⁴³ Этот дан почти полностью совпадает с *Исэ-моногатари*, 52. Танка помещена также в *Нарихирасю*. В то время было принято, посылая подарок, рассказывать о трудностях, связанных с его добыванием, чем выражалась особая любовь и внимание к адресату.

Во времена императора Мидзу-но-о⁴⁴⁴ дочь садайбэ-на⁴⁴⁵ была фрейлиной императорской опочивальни, а после того как император принял постриг, осталась одна, и тюдзё тайно навещал ее. Но вот тюдзё тяжело заболел и страдал от болезни. Были при нем и прежние жены, а у фрейлины под большой тайной он бывал, и она-то не могла навестить его и каждый день тайно слала ему письма, справлялась о его здоровье. И вот однажды письмо от нее не пришло. А болезнь тюдзё сильно обострилась, пришел его последний день. И вот из его дома:

Цурэдзурэ то
Итодо кокоро-но
Вабисики-ни
Кэфу ва товадзутэ
Кураситэму то я

Тоскливо мне,
И все больше сердцу
Одиноко.

⁴⁴⁴ Имеется в виду император Сэйва (см. 107).

⁴⁴⁵ Личность не установлена. Садайбэн – дайбэн левого приказа – придворный чин, находящийся в подчинении у министра.

Неужто сегодня без твоего письма
День проживу я?⁴⁴⁶ —

так он сложил и послал ей. Узнала она, что он ослаб,
и горько зарыдала, а когда собралась послать ответ,
известили ее, что он умер, и охватило ее горе. Чув-
ствуя, что вот-вот грядет его смерть, он сложил:

Цуви-ни юку
Мити то ва канэтэ
Кикисикадо
Кинофу кэфу то ва
Омовадзараси-во

Слышал я и раньше
О той последней дороге,
По которой идти суждено,
Но еще вчера не думал,
Что это случится сегодня⁴⁴⁷ —

так сложил он и скончался.

⁴⁴⁶ Танка помещена в *Нарихирасю*.

⁴⁴⁷ Танка помещена в *Исэ-моногатари*, 125, *Кокинсю*, 16, и в *Нарихирасю*.

166

Как-то тюдзё отправился на прогулку в поисках развлечений и оказался у кареты, где сидела женщина красивой наружности. Через щель в занавесках кареты лицо этой женщины казалось прекрасным. Стали они вести беседу. Затем разошлись по домам, а наутро тюдзё сложил и послал:

Мидзу мо арадзу
Ми мо сэну хито-но
Кохисики ва
Аянаку кэфу я
Нагамэкурасаму

И нельзя сказать, что не видел тебя.
И нельзя сказать, что видел, но
Тоскую по тебе.
Видно, с грустью во взгляде сегодняшний день
Проживу я⁴⁴⁸.

Так шло послание, а она в ответ:

Ми мо мидзу мо
Тарэ-то сиритэ ка

⁴⁴⁸ Эта и последующая танка помещены в *Кокинсю*, 11, *Исэ-моногатари*, 99, *Нарихирасю*.

Кохираруру
Обоцуканаса-но
Кэфу-но нагамэ я

То видели, то не видели,
Узнав, кто я,
Полюбили ли вы?
Что же так невнимателен
Был сегодня ваш грустный взгляд? —

так сказала. Этот случай в виде повествования известен в свете.

Некий кавалер, взяв у своей жены одежды, облачился в них и отправился к новой возлюбленной, да больше назад и не показывался. Одежания эти сплошь порвались, и он, решив отослать их обратно, присокупил к ним еще фазана, гуся и утку и послал. В провинции же этих птиц не особо ценили. И жена поручила сказать ему:

Иная кидзи
Хито-ни нарасэру
Каригоромо
Вага ми-ни фурэба
Уки ка мо дзо цуку

О нет, не надену
Для другой привычную
Охотничью одежду.
Прикоснется к телу —
И пристанет ко мне неприятный запах⁴⁴⁹.

⁴⁴⁹ В танка с помощью игры омонимами включены названия этих трех птиц: *кидзи* – «не надену» и «фазан», *каригоромо* – «охотничья одежда», *кари* – «охота» и «гусь», *ка мо* – «даже запах» и «утка».

Было это во времена императора Фукакуса⁴⁵⁰, когда слава Рё-сёсё⁴⁵¹ была в самом расцвете. Он тогда весьма увлекался игрой в любовь. Дама, которую он время от времени тайно навещал, жила в том же дворце. Однажды случился вечер, когда он обещание дал: «Сегодня ночью непременно встретимся». Она красиво убралась, ждет, а его в помине нет. Она не спит, думает: «Уже, наверно, сейчас рассветет», прислушалась, не огласят ли, который час, слышит: «Третья четверть часа Быка»⁴⁵² – и тут же послала в его дом сказать:

Хитогокоро
Усимицу има ва
Таномадзи ё

Сердцу твоему,
Хоть и печально это видеть,

⁴⁵⁰ Император Ниммё (810—850).

⁴⁵¹ Ёсиминэ Мунэсада (815—890), с 846 г. получил чин сёсё левого приказа, в 849 г. – чин главы куродо. Постригся после смерти императора. Один из «Шести Бессмертных». Известный мастер поэзии хайкай, вошел в историю поэзии под монашеским именем Хэндзё.

⁴⁵² Около 3 часов утра.

Нельзя доверяться⁴⁵³.

И когда ему сказали это, он в удивлении проснулся и:

Юмэ-ни мию я то
Нэ дзо суги-ни кэру

Во сне, думал, привидишься ты,
И затянулся сон⁴⁵⁴, —

прибавив это, он послал ей так передать. Он ведь прилег отдохнуть, думая, что недолго поспит, да и проспал.

Так прославился он в свете своими талантами, что и император, которому он служил, безмерно дорожил им, но вот государь скончался. В ночь похорон государя все отправились сопровождать его тело, и вот с той ночи Ёсиминэ исчез. И друзья его, и жена – все думали: «Что с ним случилось?» – и некоторое время искали его там и сям, но о нем ни слуху ни духу. «Может, он постригся в монахи или утопился? Но если бы он постригся, об этом стало бы известно, должно быть, он все же утопился», – судили они. Все в свете о нем горевали и печалились, а о жене и детях и говорить

⁴⁵³ *Усимицу* – «печально видеть» означает еще «третий час Быка».

⁴⁵⁴ *Нэ* — «сон» означает еще и «час Мыши» (с одиннадцати вечера до часу ночи), т.е. Есиминэ предполагал, что еще рано, а оказалось, что «час Мыши» уже прошел.

ничего, день и ночь они предавались посту, возносили молитвы Будде и богам, какие есть на свете⁴⁵⁵, но о нем ничего не было слышно. Жен у него было три, а те две, кого он особенно любил, сказали: «Не будем и мы больше жить в этом мире». Даже той, кого он безгранично любил и с которой у него были дети, он не показывался, следа размером с пылинку не оставил. Если бы он раньше сообщил о своих намерениях, она бы, наверно, и то горевала, но он ничем не обнаруживал такого желанья, а исчез неожиданно, даже не зайдя к ней. Как бы ни было, она не могла утешиться, что он не известил ее хотя бы так: «Вот как я думаю поступить», и все лила слезы. Наконец отправилась она в храм Хацусэ. А сёсё, став монахом, в одном лишь соломенном плаще скитался по свету, совершая молебны Будде, и как раз возносил в это время молебствия в храме Хацусэ. Молился он недалеко от одних покоев, а эта женщина рассказывала монаху: «Вот что случилось с моим мужем, и, если он живет в этом мире, прошу тебя, дай мне с ним нынче встретиться хоть раз. Если он бросился в воду и умер, укажи ему путь, как стать Буддой. Умер он или жив, дай мне услышать о нем или увидеть – хоть во сне, хоть наяву». Смотрит – его одеяние, охотничье платье, пояс, даже меч – все принесено в дар храму. Не в силах сказать ни слова,

⁴⁵⁵ Имеются в виду боги синтоистского пантеона.

разрыдалась она. Сначала, когда ее спросили, кто она, в храм пришедшая, она вот так все о себе рассказала, а как увидела, что все его одеяние поднесено храму, до беспамятства горевала, такого горя и на свете не увидишь. Тысячу раз подумал он, не выбежать ли к ней, но все передумывал и, ночь напролет плача, провел до рассвета. Все слышались ему голоса его жены и детей. Совсем истерзался. Однако он стерпел, плача, встретил зарю, а утром смотрит: на его соломенном плаще и на всем, куда пролились его слезы, слезы-то видны кровавые. «Вот, значит, и правду говорят: когда безудержно горюешь, то льются кровавые слезы» – вот что говорил он. «В этот миг такое меня охватило желание выбежать к ним», – потом рассказывал он. Так она ничего о нем не узнала. А тут наступил срок поминовения государя. Чтобы можно было снять траурные одежды, множество придворных вышло для омовения на берег реки. Вдруг является перед ними странного вида отрок и приносит письмо, написанное на листе дуба. Взяли они, посмотрели:

Мина хито ва
Хана-но коромо ни
Нарину нари
Кокэ-но тамото ё
Каваки дани сзё

Все люди
В праздничные одежды
Облачились.
О рукав монашеского одеяния,
Ты бы хоть высох!⁴⁵⁶ —

так было написано, и узнали руку Рё-сёсё. «Куда же он девался?» – стали спрашивать, принялись искать повсюду того, кто принес послание, но не нашли. А что сёсё стал монахом, по этому случаю люди и узнали. Однако где он – так никому и неведомо. И вот, услышав, что он живет на свете, Годзё-но кисай-но мия⁴⁵⁷ послала придворного на его поиски в горы. Но как услышит гонец: «Здесь он», кинется туда, а он опять исчез, и никак с ним не встретиться. Но вот как-то гонец совершенно случайно забрел туда, где тот скрывался. Сёсё спрятаться не успел, и они встретились. Сказал гонец, что послан из дворца, и говорит: «Изволила она сказать: теперь, когда государя уже нет, в память о нем дорожу я теми, к кому благоволил он, и то, что вы, покинув свет, скрываетесь, очень меня печалит. Отчего, в горах и рощах молебны совершая, не дали нам знать о себе? И даже в родных местах ваших ничего о вас не было слышно, и все плакали и терзались в печали. Ответствуйте, какие намерения в душе тая, вы так по-

⁴⁵⁶ Танка помещена в *Кокинсю*, 16, а также в *Хэндзёсю*.

⁴⁵⁷ Фудзивара Масако (809—871) – вдова императора Ниммё.

ступили? – соизволила она сказать. Я же справлялся о вас и там и сям и наконец добрался сюда». Сёсё-дайтоку, плача, сказал: «Высочайшему повелению со всей покорностью повинуюсь. Император скончался, и я, к его благодеяниям привыкший, не хотел и краткое время оставаться в том мире, где его уже нет. И вот скрылся я в глуби гор, думая, что умру, как кончится срок моего затворничества, но, как ни удивительно, до сих пор продолжаю жить. Очень признателен, что посетили меня. А что касательно детей моих, то никогда я о них не забывал», – сказал он, и:

Кагири наки
Кумови-но ёсо-ни
Вакару то мо
Хито-во кокоро-ни
Вокурадзарамэ я ва

«Словно в беспредельной
Дали колодца облаков,
Разлучились мы,
Но милая в сердце
Ведь по-прежнему осталась⁴⁵⁸, —

доложи государыне, что так я сказал». Взглянул го-

⁴⁵⁸ Последняя строка танка не поддается толкованию, поэтому комментаторы придерживаются другого списка, где эта строка дана в виде *окурасан я ва*. Танка приводится в *Хэндзёсю*.

нец на лицо и тело монаха, и так ему стало грустно – просто ни с чем не сравнить. Совсем он был не похож на прежнего, одна тень осталась, а одежды на нем было – только соломенный плащ. Вспомнил придворный, как тот был хорош собой, когда служил в чине сёсё, и не мог унять слез. Сказал, что очень все это печально, и, поскольку была это горная глушь, где и на короткое время не стоит человеку оставаться, он, не переставая плакать, молвил Ёсиминэ: «Прощайте», вернулся в столицу и доложил все по порядку о том, как он посетил дайтоку. Государыня тоже очень плакать изволила. Придворные тоже весьма плакали и печалились. Ответ государыни и письма придворных было решено послать через того же гонца, но на прежнем месте Ёсиминэ опять не оказалось.

Как-то дама по имени Оно-но Комати⁴⁵⁹ в первом месяце года отправилась в храм Киёмидзу. Совершала она молебны, прислушалась: какой-то священник удивительно благородным голосом читает молитву «Дарани». Оно-но Комати подивилась, но с равнодушным видом послала слугу узнать, и тот, разглядев, доложил: «Там в углу сидит монах, одетый лишь в соломенный плащ, а у пояса подвешена коробочка с кремнем и кресалом». Снова она прислушалась: голос его звучал так

⁴⁵⁹ Прославленная поэтесса второй половины IX в. Одна из «Шести Бессмертных». Существует домашний сборник *Коматисю*. Подлинная ее биография неизвестна, но легенд о ней ходило великое множество.

благородно и торжественно, не мог он принадлежать простолюдину, и подумала она, а вдруг это Сёсё-дай-току? «Что-то он скажет?» – подумала она и говорит: «Я здесь, в этом храме, и очень мне холодно. Не одолжите ли мне одежду?» – и прибавила:

Ива-но ухэ-ни
Табинэ-во сурэба
Ито самуси
Кокэ-но коромо-во
Варэ-ни касанаму

Когда на скале,
В пути, приходится спать —
Так холодно.
Одежды монашеские
Не одолжите ли мне?⁴⁶⁰ —

так сказала, а он в ответ:

Ё-во сомуку
Кокэ-но коромо ва
Тада хитохэ
Касанэба цураси
Идза футари нэму

⁴⁶⁰ Слово *кокэ* помимо значения «монашеский» в сочетании «монашеская одежда» означает еще «мох». Танка приводится в *Госэнсю*, 17, *Хэндёсю*, *Коматисю*, *Кокинрокутё*, 4 (раздел «Путешествия»).

У отринувшего мир
Монашеская одежда
Одна всего.
Не одолжить – жестоко.
Что ж, может быть, ляжем вдвоем?⁴⁶¹ —

так он сказал, и она тут же поняла, что это сёсё, и, поскольку они раньше часто беседовали, захотелось ей встретиться и поговорить с ним, пошла она к нему, а он скрылся, и нет его, будто погас. Искала она его по всему храму, но он снова убежал и скрылся. Этот пропавший священник достиг самого высокого духовного сана – содзё – и поселился в храме Ханаяма. У него были дети, рожденные в то время, когда он жил в миру. Старший сын служил в чине сёгэн⁴⁶² левого приказа и был допущен ко двору. И вот лишь прослышал он, что отец его живет в этом мире, попросил он матушку, та его отпустила, и он отправился к отцу, а тот сказал: «Сыну монаха тоже должно стать монахом», и сын также стал монахом.

И такое стихотворение:

Орицурэба
Табуса ни кэгару
Татэнагара

⁴⁶¹ *Касанэ* – «одежда» имеет омонимом часть слова *касанэба* – «если не одолжить». Танка приводится в *Госэнсю*, 17, *Коматисю*, *Хэндзёсю*.

⁴⁶² Сёгэн – чин ниже сёсё, относящийся к приказу коноэфу.

Миё-но хотокэ-ни
Хана татэмацуру

Если срываешь цветок,
То к рукам пристаёт грязь.
Таким, как он растёт,
Я подношу его
Буддам трёх миров⁴⁶³, —

тоже сложил содзё.

Этот сын Ёсиминэ, дайтоку, против воли принявший сан, душой не был согласен со своим положением и в отличие от отца и в столицу хаживал, и отправлял любовные письма. Дочь одного человека, что был родственником этого дайтоку, семья готовила к служению во дворце, и отец неустанно пекся о ней. И вот тайно обменялись они с дайтоку клятвами. Слух об этом дошел до отца, и он жестоко бранил и дайтоку и дочь, запретил дайтоку появляться, и тот стал послушником в горном храме, даже словом не мог с ней обменяться. Прошло много времени, и вот старшие братья этой девушки, о которой шумела молва, поднялись в горы для свершения обрядов. Пришли они в дом, где жил этот дайтоку, рассказывали ему о том о сем, там и почитать легли, тогда дайтоку написал на воротнике одежды старшего брата девушки:

⁴⁶³ Танка приводится в *Госэнсю*, 3, и *Хэндзёсю*.

Сиракумо-но
Ядору минэ-ни дзо
Окурэнуру
Омохи-но хока-ни
Ару ё нарикэри

На пике горы, где находят приют
Белые облака,
Влачу дни свои.
Полным неожиданностей
Этот мир оказался⁴⁶⁴ —

так написал, и брат этот, придворный третьего ранга приказа хёэ, ни о чем не подозревая, отправился в столицу. Сестра его, заметив написанное, верно, очень печалилась. А дайтоку достиг сана содзу и жил под именем Кёгоку-но содзу.

⁴⁶⁴ *Минэ* — «горный пик» имеет еще значение «не видя [тебя]», *окурэнуру* — «в унынии влачить дни» и «идти сопровождать».

В давние времена человек, служивший в чине удонэри, отправился в страну Ямато, в храм Ова, гонцом с подношениями храму. В окрестностях Идэ из некоего красивого дома вышли женщины и дети и стали смотреть на путника. Одна недурная собой женщина стояла у ворот с пригожим ребенком на руках. Лицо этого ребенка было очень красиво, и, остановив на нем взгляд, удонэри сказал: «Принеси-ка сюда ребенка», и женщина подошла ближе. Посмотрел он вблизи, видит – истинная красота – и говорит: «Не выходи ни за кого другого. Будь моей женой. Вот вырастет он, и я вернусь. А это возьми на память», – сказал он, снял с себя пояс и отдал ей. Потом развязал пояс на ребенке, привязал к письму, которое было при нем, и велел нести его дальше. В этот год ребенку было всего лет шесть-семь. Этот кавалер был охотником до игры в любовь, потому так и сказал. А ребенок об этом не забыл, все время в памяти держал. И вот прошло лет семь-восемь, опять этот кавалер был назначен гонцом, отправился, как говорят, в Ямато, остановился в окрестностях Идэ, смотрит – впереди колодец. А там женщи-

⁴⁶⁵ В некоторых списках этот дан приводится после 173-го.

ны набирают воду и так говорят⁴⁶⁶...

⁴⁶⁶ Намеренный обрыв текста (см. предисловие).

Государственный советник Корэхира⁴⁶⁷ в те времена, когда он был еще в чине тюдзё, служил по особым поручениям у ныне покойного сикибугё-но мия⁴⁶⁸, постоянно бывал во дворце и часто вел разговоры с фрейлинами. Вот как-то был он послан с поручением из дворца, да простудился и очень страдал. В заботе о нем Хёэ-но мёбу⁴⁶⁹ сама приготовила ему лечебное сакэ, закуски и послала ему. В ответ ей: «Очень обрадован вашим вниманием. Так мне неприятно, что я заболел», сказал он и:

Авояги-но
Ито наранэдомо
Харукадзэ-но
Фукэба катаёру
Вагами нарикэри

Хоть и не зеленой ивы
Ветвь,
Но весенний ветер
Подул, и уж перед ним клонюсь —

⁴⁶⁷ Фудзивара Корэхира (876—938).

⁴⁶⁸ См. коммент. 64.

⁴⁶⁹ См. коммент. 149.

так сложил. Хёэ-но мёбу в ответ:

Исасамэ-ни
Фуку кадзэ-ни я ва
Набикубэки
Но вакусугусиси
Кими-ни я ва арану

Краткое время
Дующий ветер
Клонить вас,
Выдержавшего осенние бури,
Не должен.

⁴⁷⁰ Корэхира намекает даме, что нет у него опоры в жизни. В тексте, предшествующем танка, есть слово *ямахимо* – «и болезнь», имеющее омофон *хило* – «тесемки». *Химо* в качестве *энго*, по мнению комментаторов, мотивирует появление слов *ито* («нить» и «очень») и *ёру* («скручивать нить» и «отклоняться в сторону») (*катаёру*).

Когда нынешний хидари-но отодо, левый министр⁴⁷¹, был в чине сёсё, он постоянно навещал Сикибугё-но мия. У этого принца служила дама по имени Ямато, и он обменялся с ней клятвами, дама же эта безудержно предавалась игре в любовь, и очень она ему нравилась и казалась занятой. Однако встречаться им было трудно, и Ямато:

Хито сирэну
 Кокоро-но ути-ни
 Моюру хи ва
 Кэбури ва татадэ
 Кююри косо сурэ

Неведомый людям
 В глубине сердца
 Горящий огонь.
 Дым от него не встает,
 А лишь слегка курится⁴⁷² —

так сложила. Ответ был:

⁴⁷¹ Имеется в виду Фудзивара Санэёри (см. коммент. 249).

⁴⁷² Танка обыгрывает омонимы: *кююру* – «дымить», «куриться» и «раскаиваться», «сожалеть», отсюда – иной смысл последней строки: «Полна я раскаяния». Танка помещена в *Сёкугосэнсю*, 13.

Фудзи-но нэ-но
Таэну омохи мо
Ару моно-во
Куюру ва цураки
Кокоро нарикэри

На самом деле
Дым от горы Фудзи —
От непрестанного огня,
А если курится – от равнодушия
Сердца это⁴⁷³.

Но вот долго не приходил он, и она за это время извелась в ожидании. Уж что было у нее на уме – неизвестно, но она решила сделать вот что. Никого об этом не извещая, села в карету и отправилась во дворец. Остановила карету у ворот левого конюшенного приказа и подозвала проходившего мимо. «Как бы мне переговорить с сёсё-но кими?» – спрашивает. «Странно... Как же зовут ту, которой он понадобился?» – тихо проговорил тот и вошел. Еще один прошел и гово-

⁴⁷³ Автор хочет сказать, что он-то в самом деле любит, а сердце его дамы жестоко. Помимо *куюру* в танка имеются омонимы: *омохи* – «любовь» *ихи* – «огонь». Таким образом, второй смысл стиха: «Как на вершине Фудзи не прекращается огонь, не прекращается моя любовь, и раскаиваться – значит жестокое иметь сердце». Помещена в *Сёкугосэнсю*, 13.

рит то же самое⁴⁷⁴, а потом другой вышел из дворца и сказал: «Наверно, он где-то во дворце. Но говорить с ним нельзя». Потом появился кто-то в верхнем одеянии, и, когда она стала настойчиво подзывать его, тот человек удивился и подошел к ней. «Здесь ли изволят быть сёсё-но кими?» – спрашивает она. «Здесь», – говорит он, и тогда она: «Есть у меня к нему неотложный разговор, передайте ему, что к нему пришли из дворца». – «Это очень легко. Но вы не забудете посредника? Очень грустно, когда встречаешь рассвет, а друга нет рядом» – так сказал этот человек и вошел во дворец. Очень много времени прошло, бесконечно долго она ждала его. Думала: «Видимо, и этот пропал, ничего не сказав сёсё. Что же теперь делать?» И тут он наконец появляется и говорит так: «Сёсё сейчас увеселяет особу императора, с трудом удалось с ним поговорить, и он сказал: кто же это ко мне пришел? Очень странно. Пойди узнай хорошенько – вот что он изволил сказать». Ямато отвечает: «По правде говоря, я из недостойных. Извольте передать, что я сама ему все поведаю». Тот доложил: «Вот что говорит эта дама». – «Уж не она ли это?» – подумал сёсё, очень ему это показалось и неловким и занятым. «Скоро приду», – велел он сказать, вышел и отправился к Хирохата-тю-

⁴⁷⁴ В этом месте в списках значительные разночтения, соответственно расходятся и возможные толкования.

нагону⁴⁷⁵, который был в это время в чине дзидзю, за советом. «Вот так и так. Как мне поступить?» Тогда в помещение левого приказа принесли из жилых комнат ширмы и циновки и там ее поместили. «Зачем вы это сделали?» – спросил сёсё, а она: «Очень неприятно мне, что...»⁴⁷⁶.

В доме принца Ацуёси даме по имени Ямато левый министр:

Има сара ни
Омохи идэдзи то
Синобуру-во
Косихики-ни косо
Васурэвабинурэ

То, что теперь
Обо мне не помните,
Терплю.
Но о любви
Забуть не могу и страдаю!⁴⁷⁷

⁴⁷⁵ Минамото Мороакира (905—955), внук императора Уда. В чине дзидзю был с 925 по 929 г. Дзидзю – чин, имевший отношение к управлению накацукаса. Обычно с дзидзю совмещали несколько должностей.

⁴⁷⁶ Обрыв текста в оригинале. Последующая прозаическая строка и стихи, видимо, внесены позднейшими переписчиками. Одни комментаторы приписывают последнюю танка этого дана левому министру, другие – фрейлине Ямато.

⁴⁷⁷ Танка приводится в *Госэнсю*, 11.

Император Тэйдзи обычно совершал, паломничества в храм Исияма. Правитель этой провинции тревожился: «Народ устал, и провинцию ждет гибель». Дошло это до ушей государя, и он изволил распорядиться: «Будем полагаться на другие провинции». И все стали привозить и готовить к приезду императора в других провинциях, и он в другие места ездить изволил. Наместник Оми все вздыхал и трепетал: как это государь прослышал о таких словах, и, решив сделать вид, что ни о чем не догадывается, на побережье Утиидэ, по которому император должен был двинуться в обратный путь, воздвиг для него временное жилище такой красоты, какую редко в мире встретишь. Посадил прекрасные хризантемы, приготовил все к высочайшему приему. Сам правитель был очень напуган и спрятался, поместили там одного Куронуси⁴⁷⁸. Как раз следовал мимо император, и один из его приближенных говорит: «Почему это здесь Куронуси?» Император повелел остановить карету и спрашивает: «Зачем ты здесь?» И все стали его расспрашивать, а тот им

⁴⁷⁸ Отомо-но Куронуси – правнук императора Отомо (Кобун). Родом из Афуми (Оми), один из «Шести Бессмертных». Регистры храма Исияма позволяют датировать эти события 20-м днем 9-й луны 17-го года Энги (917 г.).

всем отвечает:

Садзаранами
Мамонаку киси во
Арафу мэри
Нагиса киёкуба
Кими томарэ то ка?

С шумом набегающие волны
Быстро берег
Вымоют, верно.
Раз побережье чисто и красиво,
Может быть, ты соизволишь остановиться?⁴⁷⁹ —

так сложил. Император нашел стихи превосходными, сошел, одарил всех, кто там был, а затем к себе вернуться соизволил.

⁴⁷⁹ Танка приводится в *Синсэндайсю*, 16, с небольшими изменениями.

Однажды сёсё Ёсиминэ-но Мунэсада поехал по делам, и, когда он проезжал по Пятому проспекту, начался сильный дождь, и он встал, чтобы укрыться, в каких-то полуразвалившихся воротах. Заглянул внутрь — домик, крытый корой дерева хиноки, размером кэн в пять, а рядом кладовая, людей же не видно. Вошел он, огляделся: у лесенки цветет красивая слива. И соловей поет. Людей как будто нет, но через щель в занавеске заметил он какую-то даму высокого роста, в одежде светло-фиолетовой и ярко-алой поверх и с длинными волосами, и говорит она сама с собой:

Ёмоги охитэ
 Арэтару ядо-во
 Угуйсу-но
 Хито ку то наку я
 Тарэ-то ка матан

В плющом заросшем
 Ветхом доме моем
 Соловей
 Поет, что кто-то придет,
 Но кого мне ждать?⁴⁸⁰

⁴⁸⁰ Танка приводится в *Кокинсю*, 19.

А сёсё:

Китарэдомо
Ихиси нарэнэба
Угуису-но
Кими-ни цугэё-то
Восихэтэ дзо наку

Вот пришел я,
Но не смею заговорить.
А соловей
Рассказать тебе о моем приходе
Учит меня в песне своей⁴⁸¹, —

сказал он мягким голосом. Дама испугалась, ведь она думала, что кругом – ни души, и не могла вымолвить ни слова, опасаясь, что увидят ее жалкое состояние. Тогда он вошел на веранду. «Отчего вы молчите? Льет такой сильный дождь, пока не прекратится, я побуду здесь», – сказал он. Она отвечает: «Но вы здесь промокнете хуже, чем на проспекте, здесь ведь все так ужасно...» А было это в десятый день первого месяца. Через щель в занавеске подала она ему подушку для сидения. Он взял подушку и уселся. И занавеси и терраса были изъедены летучими мышами, целого места не было. Заглянул он внутрь: циновка и прочее бы-

⁴⁸¹ Угуису – «соловей» включает в себя слово уку – «печальный».

ли хорошие – в напоминание о прежних временах, но и они уже обветшали. Солнце понемногу заходило, и он тихо проскользнул к ней и не дал ей войти с террасы в дом. Дама уже раскаивалась, но что ей было делать, и говорить было бесполезно. Дождь лил всю ночь до рассвета, и только наутро небо немного прояснилось. Она хотела войти в дом, но он не пустил ее, сказав: «Побудь еще тут». Солнце поднялось уже высоко. Отец дамы никак не мог показать себя гостеприимным хозяином, мог угостить лишь отрока, сопровождающего сёсё, напоив его сакэ, а на закуску дав твердой соли. Для сёсё в своем обширном саду он собрал растущие там овощи, сварил их на пару, положил в чашку, а вместо палочек для еды наломал веток сливы в цвету. На лепестках цветов дама написала красивым почерком:

Кими-га тамэ
Коромо-но сусо-во
Нурасицуцу
Хару-но но-ни идэтэ
Цумэру вакана дзо

Вот молодые побеги, что я собрала
Для тебя,
Выйдя в весенние поля
И полы одежды

Он увидел эти стихи, очень пожалел ее и стал есть. Она же лежала ничком, безмерно стыдясь. Потом сёсё встал, послал отрока, и тот вскоре привез в повозке множество всяких вещей.

Сёсё надо было встретиться с одним человеком, и он, сказав: «Я скоро опять приду к тебе», вышел. И после этого он беспрепятственно ее навещал. Много яств ему в жизни пришлось отведать, но о том, что ему подали на Пятом проспекте, он вспоминал с удовольствием и радостью.

Прошли годы и месяцы, сёсё пережил государя, которому служил, и, не желая видеть, как изменится век⁴⁸³, он постригся в монахи. В дом той, прежней возлюбленной послал он монашескую накидку, чтобы она ее вымыла, и приписал:

Симоюки-но
 Фуруя-но мото ни
 Хиторинэ-но
 Уцубусидзомэ-но
 Аса-но кэса нари

⁴⁸² Танка приводится в *Кокинсю*, 1, где приписана императору Нинна, и в *Сёкугосюсю*, 1.

⁴⁸³ «Век» – здесь «эпоха правления императора», т. е. «Не желая видеть, как будет править другой государь...»

Вот моя накидка из конопли,
Крашенная чернильным орешком,
В которой вкушаю одинокий сон
В старом жилище,
На которое падают снег и иней⁴⁸⁴ —

так сложил.

⁴⁸⁴ Танка обыгрывает омонимы: *фуруя* – «старое жилище» и *фуру* – «идти» (о дожде), *уцуфуси* – «чернильный орешек» и «лежать вместе», *аса* – «конопля» и «утро», *кэса* – название монашеской накидки (санскр. *кася*), которая, надевалась в знак отрешения от мирских желаний, и «сегодняшнее утро». Таким образом, автор стихотворения напоминает даме о том утре, когда шел дождь и они были вместе. Сходное стихотворение приводится в *Кокинсю*, 19, с пометой: «Автор неизвестен», а также в *Хэндзёсю*, кроме того, в *Кокинрокутё*, 2 (раздел «Монашество» и «Истории жизни») помещена танка, во всем совпадающая с танка *Кокинсю*, за исключением последней строки.